Д.М. Одинец

Возникновение государственного строя у восточных славян

Русская Публичная
БИБЛIОТЕКА
въ. Бѣлградѣ

Д. М. ОДИНЕЦЪ

ВОЗНИКНОВЕНІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО СТРОЯ У ВОСТОЧНЫХЪ СЛАВЯНЪ

ИЗДАНІЕ
"СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ"
ПАРИЖЪ
1935

Editions et Imrimerie
Rapide de la Presse
O. ZELUK
5, rue Saulnier, Paris

« Quis nesciat : reges et duces ab iis habuisse principium... qui superbia, rapinis, perfidia, homicidiis, postremo universis paene sceleribus.. pares, scilicet homines, dominari affectaverunt ».

Папа Григорій VII.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Въ основу печатаемаго нынѣ очерка легла часть лекцій по древней исторіи русскаго права, читанныхъ въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ на юридическомъ факультетѣ Франко-Русскаго Института въ Парижѣ. Поэтому, даже рискуя, быть можетъ, нарушить прочно установившіяся традиціи книжныхъ предисловій, авторъ свое предисловіе не заключаетъ, а начинаетъ съ выраженія искренней и сердечной признательности по адресу студенческой аудиторіи Института. Своимъ неизмѣннымъ вниманіемъ къ слушаемому ею курсу лекцій, а затѣмъ и въ формѣ прямого содѣйствія, она въ высокой мѣрѣ содѣйствовала появленію въ свѣтъ настоящей книги.

Тема о возникновеніи государственнаго строя у восточныхъ славянъ только въ своихъ основныхъ выводахъ является, въ точномъ смыслѣ этого слова, темой историко-правовой. Отдѣльныя главы очерка, въ особенности 2-ая и конецъ 4-ой, оперируютъ главнымъ образомъ съ лингвистическимъ и археологическимъ матеріаломъ. Авторъ, будучи историкомъ русскаго права, въ области лингвистики и археологіи естественно могъ только послушно слѣдовать за тѣми положеніями, которыя установлены въ трудахъ наиболѣе видныхъ представителей этихъ двухъ дисциплинъ. Роль автора въ такихъ случаяхъ сводилась исключительно къ тому, чтобы использовать взятый имъ въ готовомъ видѣ матеріалъ для нуждъ поставленной имъ себѣ изслѣдовательской, историко-правовой, задачи. И если при этомъ, въ отдѣльныхъ, немногочисленныхъ случаяхъ, авторъ все же не соглашается съ научными представителями лингвистики или

археологіи, то онъ позволяетъ себѣ это дѣлать только тогда, когда ему кажется, что чисто историческіе выводы этихъ ученыхъ не вполнѣ согласуются съ ими же установленнымъ лингвистическимъ или археологическимъ матеріаломъ.

Въ исторической наукѣ, никакая, сколько-нибудь обоснованная, историческая конструкція, касающаяся болѣе или менѣе широкаго вопроса, не можетъ явиться совершенно неожиданной. Она неизмѣнно бываетъ въ извѣстной степени подготовлена работами отдѣльныхъ изслѣдователей, которые, хотя бы и не въ отношеніи всего даннаго вопроса, а какой-либо его детали, уже провидѣли возможность новаго научнаго построенія или же начинали прокладывать къ нему новые пути. И чѣмъ многочисленнѣе подобные предшественники, тѣмъ больше гарантіи того, что въ новой исторической конструкціи заключается какая-то несомнѣнная доля истины. Точно такъ же и новость настоящаго очерка, хотя онъ и приходитъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ выводамъ, несогласнымъ съ общепринятыми историческими положеніями, не въ томъ, что онъ говоритъ нѣчто неожиданное и абсолютно новое по вопросу о времени и условіяхъ возникновенія государственнаго строя у восточныхъ славянъ. Количество предшественниковъ, которые въ той или иной мѣрѣ подходили къ выводамъ, весьма близкимъ къ основнымъ положеніямъ настоящаго очерка, несомнѣнно, довольно значительно. Новость въ данномъ случаѣ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что вопросъ, который до сихъ поръ въ отношеніи къ до-норманской эпохѣ затрагивался обычно только мимоходомъ, въ связи съ проблемами другого порядка, или же разсматривался въ отношеніи къ русскому прошлому въ значительной степени въ чисто теоретической плоскости (теоріи родовая, общинная и задружная), здѣсь поставленъ въ самомъ центрѣ изслѣдованія и къ разрѣшенію его привлеченъ не отрывочный, а болѣе или менѣе систематизированный историческій матеріалъ.

Автору остается теперь только пожелать, чтобы судъ по вопросу, въ какой мѣрѣ онъ сумѣлъ справиться

съ поставленной имъ себѣ задачей, произошелъ какъ можно скорѣй. Менѣе всего авторъ склоненъ думать, что его трудъ свободенъ не только отъ мелкихъ, но и отъ крупныхъ недочетовъ, но все же онъ беретъ на себя смѣлость утверждать, что извѣстная часть этихъ недочетовъ была бы имъ, быть можетъ, избѣгнута, если бы ему пришлось писать свой очеркъ не въ условіяхъ зарубежной жизни, столь неблагопріятныхъ для продуктивной научной работы. Несомнѣнно, что характерными особенностями зарубежной жизни объясняется и тотъ фактъ, что рукописи, законченной приблизительно два года тому назадъ, только теперь суждено увидѣть свѣтъ, а также и то, не вполнѣ обычное въ нормальныхъ условіяхъ, обстоятельство, что первый печатный отзывъ о настоящей работѣ появился задолго до ея напечатанія. Этотъ отзывъ принадлежитъ перу авторитетнѣйшаго историка права, Ф. В. Тарановскаго, состоящаго въ настоящее время профессоромъ Бѣлградскаго университета, и помѣщенъ имъ въ 1933 г. въ «Извѣстіяхъ Юридическаго факультета Бѣлградскаго университета» подъ заглавіемъ: «Новѣйшая постановка вопроса о возникновеніи русскаго государства».

Д. ОДИНЕЦЪ.

Парижъ.
20 ноября 1934 г.

ГЛАВА I.

"Откуда есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду русская земля стала есть", — въ такой формѣ составитель "Повѣсти времянныхъ лѣтъ" поставилъ въ основу своего лѣтописнаго разсказа вопросъ о возникновеніи государства у восточныхъ славянъ.

Отвѣтъ лѣтописца на поставленный имъ вопросъ вполнѣ ясенъ. Въ 862 году, разсказываетъ «Повѣсть", Словѣни-Новгородцы, Чюдь, Меря и и "всѣ" Кривичи[1]) "изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани". Но немедленно послѣ этого въ средѣ изгнавшихъ начались междуусобицы, "вста

[1]) П. Смирновъ въ своей книгѣ «Вользьский шлях і стародавні Руси» (Кіевъ, 1928) въ вопросѣ о «призваніи князей» предпочитаетъ руководствоваться текстомъ Ипатьевскаго списка «Повѣсти времянныхъ лѣтъ», который среди обратившихся къ заморскимъ варягамъ, упоминаетъ народъ — «Русь»: «рекоша Русь, Чюдь, Словенѣ, Кривичи, Весь». П. Смирновъ ссылается при этомъ на авторитетъ академика В. М. Истрина, который пришелъ къ выводу, что «Повѣсть времянныхъ лѣтъ» въ Ипатьевскомъ спискѣ представляетъ изъ себя въ своей основѣ произведеніе Нестора, написанное имъ въ 1113 г., въ то время какъ «Повѣсть времянныхъ лѣтъ» по Лаврентьевскому списку является не болѣе, какъ дословной копіей съ Несторовской «Повѣсти», сдѣланной Сильвестромъ въ 1116 г. «Поэтому, говоритъ П. Смирновъ, и презумпція аутентичности переносится съ Лаврентьевскаго списка на Ипатьевскій списокъ повѣсти» (Стр. 152).

родъ на родъ", и по общему совѣту было рѣшено отправиться,за море къ "Варягамъ, къ Руси",и просить ихъ на княженіе. На приглашеніе откликнулись три брата-варяга — Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, взявшіе съ собой все варяжское племя Русь. Черезъ два года Синеусъ и Труворъ умерли, и Рюрикъ остался единственнымъ представителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ родоначальникомъ той княжеской династіи, которой по праву стала принадлежать государственная власть надъ всѣми восточными славянами. Такимъ образомъ "Русское" государство, по мнѣнію лѣтописца, было создано варяжскими князьями изъ династіи Рюрика. Благодаря князьямъ норманскаго происхожденія возникло не только новое названіе "Русская земля" — "отъ Варягъ бо прозвашася Русью", — но ими были впервые заложены и самыя основы государственнаго быта.

До призванія славяне, по словамъ "Повѣсти", управлялись своими родовыми или семейными старѣйшинами. "Повѣсть" вспоминаетъ, что Поляне, въ старину "живяху каждо со своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ владѣюще каждо родомъ своимъ". Однимъ изъ такихъ старѣйшинъ, по своему происхожденію, и былъ Кій, который "княжаше въ родѣ своемъ". У новгородскихъ словѣнъ и тѣхъ, кто совмѣстно съ ними въ 862 г. принималъ участіе въ

Не трудно замѣтить, что заключеніе П. Смирнова по своему существу вовсе не связано съ выводами В. М. Истрина. «Повѣсть временныхъ лѣтъ» по Лаврентьевскому списку, даже будучи первоначально только «дословной» копіей съ Несторовскаго текста, въ дальнѣйшемъ, при послѣдующей перепискѣ, могла легко оказаться болѣе исправной и болѣе близкой къ первоначальному оригиналу, чѣмъ тотъ текстъ Несторовской «Повѣсти», который оказался включеннымъ въ Ипатьевскій списокъ, также не въ своемъ оригинальномъ видѣ, а въ томъ, который она приняла подъ перомъ переписчиковъ. Въ изслѣдованіи, на которое ссылается П. Смирновъ, В. М. Истринъ указываетъ, что уже при первомъ продолженіи Несторовской «Повѣсти», составитель этого продолженія «дѣлалъ на поляхъ Несторова оригинала мелкія добавленія въ одну, двѣ строки... При по-

изгнанiи варяговъ, родовой строй и всѣ неурядицы, съ нимъ связанныя, немедленно дали себя знать, какъ только изгнавшiе варяговъ оказались предоставленными своимъ собственнымъ силамъ. "И не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся".

Замѣчательнымъ контрастомъ по сравненiю съ государственно-безпомощными славянами, вынужденными признаться чужеземцамъ: "земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ", встаетъ лѣтописный образъ князя Олега. Онъ оказывается настолько государственно-мудрымъ и прозорливымъ, что, только что занявши Кiевъ, сразу же предвидитъ и правильно оцѣниваетъ будущую государственную и нацiональную роль этого города. "Сѣде Олегъ княжа въ Кiевѣ и рече Олегъ: се буди мати градомъ Русскимъ". Но князь Олегъ, по словамъ "Повѣсти", не единственный, кто предвидѣлъ и предсказалъ великое будущее Кiева. За много вѣковъ до него апостолъ Андрей, указывая своимъ ученикамъ на горы, "идѣже послѣ же бысть Кiевъ", сказалъ: "видите ли горы сiи? Яко на сихъ горахъ возсiяетъ благодать Божiя, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ воздвигнуть имать". Оба пророчества заранѣе предуказываютъ читателю

слѣдующей перепискѣ всѣ эти мелкiя добавленiя были внесены въ текстъ и такимъ образомъ получился тотъ видъ «Повѣсти», который и дошелъ до насъ въ Ипатьевской и сходныхъ съ ней лѣтописяхъ. Въ то же время «Повѣсть» сохранилась «въ полномъ и цѣльномъ видѣ (безъ случайно исчезнувшаго конца) безъ всякихъ позднѣйшихъ вставокъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ». (Замѣчанiя о началѣ русскаго лѣтописанiя. Изв. Отд. русск. языка и слов. Рос. Ак. Н. т. XXVII. Л. 1924, стр. 247 и 251). Неудивительно, что самъ В. М. Истринъ находитъ, что «Повѣсть времянныхъ лѣтъ, творцомъ которой былъ Печерскiй монахъ Несторъ... лучше всего представлена Лаврентьевскимъ спискомъ лѣтописи... (Изв. Рос. Ак. Н. т. XXVI. 1923 г. Стр. 97).

Въ настоящей работѣ всѣ ссылки на «Повѣсть времянныхъ лѣтъ», приведенныя безъ указанiя списка, сдѣланы по Лаврентьевской лѣтописи.

"Повѣсти" будущую судьбу Кіева. При такомъ сопоставленіи роль и значеніе князя Олега въ дѣлѣ строенія русской государственности изъ стольнаго города Кіева, пріобрѣтаютъ подъ перомъ лѣтописца-монаха особую выразительность.

О томъ, что князья Рюриковой династіи, призванные установить порядокъ въ безнарядной землѣ, были вмѣстѣ съ тѣмъ и единственными законными представителями государственной власти среди всѣхъ восточныхъ славянъ, составитель "Повѣсти" говоритъ съ той же опредѣленностью и категоричностью, какъ и объ ихъ государственно-созидательной роли.

"Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа... и се есть сынъ Рюриковъ"[1]), говоритъ Аскольду и Диру князь Олегъ, впервые оказавшійся подъ стѣнами Кіева и до того даже не подозрѣвавшій, кто въ немъ княжитъ. Аскольдъ и Диръ, типичные варяжскіе вожди, упорно пробивавшіе себѣ путь къ югу, уже заранѣе противопоставлялись составителемъ "Повѣсти" князю Рюрику. Это — "два мужа, не племени его, но боярина", отпросившіеся въ свое время у Рюрика въ Царьградъ. Если они и остались княжить въ Кіевѣ, то только въ качествѣ узурпаторовъ власти и ослушниковъ княжеской воли.

Историческая теорія составителя "Повѣсти" отличается такимъ образомъ не только ясностью, но и исключительной для своего времени послѣдовательностью[2]). Выдержать, однако, эту послѣдова-

---

[1]) Въ Новгородской лѣтописи: «азъ есмь князь и мнѣ достоитъ княжити».

[2]) Видный норманистъ В. Томсенъ опредѣлилъ лѣтописное преданіе о «призваніи князей», какъ «младенчески простодушное повѣствованіе Нестора о началѣ русскаго государства. (Начало русскаго государства. Чтенія Общ. исторіи и древ. Рос. 1891 г. кн. 1 стр. 15). В. О. Ключевскій назвалъ его «схематической притчей о происхожденіи русскаго государства, приспособленной къ пониманію дѣтей младшаго возраста... (Курсъ русской исторіи. М. 1894 г. Ч. I. Стр. 168). По-

тельность до самаго конца ему естественно было не по силамъ. Въ своей лѣтописи, т. е. погодномъ разсказѣ о событіяхъ, ему случается иногда сообщить и многое такое, что незамѣтно для него самого стоитъ въ противорѣчіи съ его общей точкой зрѣнія на исключительное право "русскихъ" князей быть законными представителями государственной власти среди восточныхъ славянъ и на характеръ и значеніе ихъ государственной дѣятельности. Особенно замѣтно противорѣчитъ себѣ составитель "Повѣсти" въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ включаетъ въ свой разсказъ историческіе документы или мѣстныя преданія. Именно этотъ матеріалъ чаще всего вскрываетъ тѣ историческія отношенія и факты, которые авторъ "Повѣсти" при изложеніи своей исторической теоріи оставилъ въ сторонѣ.

Отрывокъ договора 907 г. Олега съ греками говоритъ о городахъ, въ которыхъ "сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще" и на которые греки, какъ и на Кіевъ, даютъ опредѣленные "уклады". Договоръ 911 г. также знаетъ многихъ князей. Онъ заключенъ "похотѣніемъ нашихъ князь и по повелѣнію". Въ его текстѣ, между прочимъ, говорится: "такоже и вы, Греци, да храните таку же любовь къ князьямъ же свѣтлымъ нашимъ русскимъ". Договоръ 945 г. съ греками заключили "съли и гостье... посланія отъ Игоря, великаго князя русскаго, и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людій Русскія земли". Единственно возможный выводъ изъ этого свидѣтельства договоровъ съ греками тотъ, который и

добная оцѣнка лѣтописнаго преданія, вѣрно подмѣчая его чисто внѣшнія свойства, не въ состояніи покрыть собой всю лѣтописную теорію, взятую въ ея цѣломъ и, во всякомъ случаѣ, оставляетъ въ сторонѣ отдѣльныя ея внутреннія, характерныя и существенныя черты. Взятое въ цѣломъ, независимо отъ своихъ отдѣльныхъ подробностей, лѣтописное преданіе, при всей своей, неизбѣжной по тому времени, «младенческой» формѣ, перестаетъ быть только «простодушнымъ повѣствованіемъ» и становится вполнѣ законченной и послѣдовательно проведенной историко-политической конструкціей.

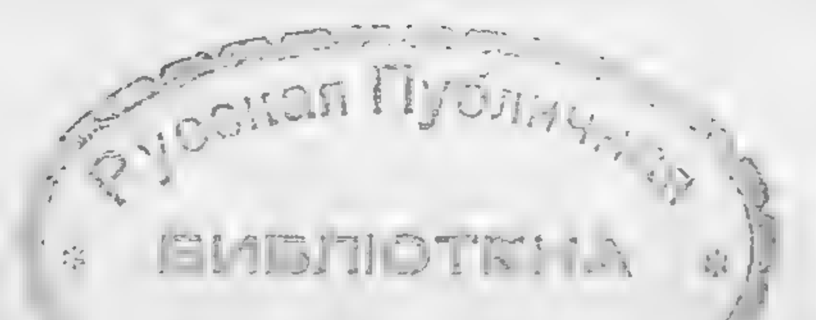
былъ сдѣланъ въ русской исторической литературѣ. "Выраженіе "князья" показываетъ, что въ эпоху Олега и Игоря было много русскихъ князей, частью туземныхъ славянскихъ, частью — пришлецовъ иноземныхъ, изъ которыхъ каждый управлялъ цѣлою землей волостью"[1]). Несомнѣнно также, что ни Олегъ, ни Игорь, послы которыхъ выступали рядомъ съ послами "всякаго княжья" и совмѣстно съ ними вырабатывали и заключали договоры съ греками, и не думали оспаривать законность власти, принадлежавшей "мѣстнымъ" князьямъ. Договоръ 945 г. позволяетъ даже съ приблизительной точностью установить общее число князей, принявшихъ черезъ посредство своихъ пословъ участіе въ его составленіи. Помимо Ивора, посла Игорева "великаго князя русскаго" въ договорѣ называются также "обчіе сли" съ указаніемъ, отъ кого они посланы. "Вуефастъ Святъславль сына Игорева; Искусѣвы Ольги княгини; Слуды Игоревъ; нети Игоревъ; Улѣбъ Володиславль; Каницаръ Передславинь; Шихъбернъ Сфандръ, жены Улѣблѣ; Прасьтѣнъ Турдуви; Либи Альфастовъ..." и т. д. Всего 20-22 "мѣстныхъ князя" приняли такимъ образомъ участіе въ заключеніи этого договора[2]). Указаннымъ числомъ общее количество мѣстныхъ князей, конечно, не исчерпывается. Многіе изъ нихъ по тѣмъ или инымъ причинамъ могли и не принимать участія въ походѣ Игоря.

Если договоры съ греками даютъ только перечень мѣстныхъ князей, принявшихъ участіе въ ихъ

---

[1]) М. В. Владимірскій-Будановъ. Христоматія по исторіи русскаго права, в. I. Кіевъ. 1898 г. Стр. 2. Прим. 4.

[2]) Въ 911 г., въ договорѣ Олега съ греками, составленномъ «похотѣньемъ нашихъ князь», упомянуты только 14 лицъ, принявшихъ участіе въ его заключеніи. М. Грушевскій указываетъ на то обстоятельство, что византійскіе источники говорятъ о 20-22 послахъ, находившихся среди многочисленной свиты княгини Ольги, прибывшей въ 957 г. въ Константинополь. (Історія України — Руси. Львовъ 1898 г. т. I. Стр. 283).

составленіи, то включенное въ "Повѣсть временныхъ лѣтъ" сказаніе о мести княгини Ольги древлянамъ идетъ въ этомъ отношеніи нѣсколько дальше. Оказывается, что у древлянъ уже давнымъ давно существовали мѣстные князья со своей традиціонной политикой, которую древляне, повидимому, безъ достаточнаго, однако, основанія[1]), противопоставляютъ поведенію Игоря. "Мужъ твой, говорятъ древлянскіе послы княгинѣ Ольгѣ, яки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревську землю"[2]).

Только благодаря включенному въ "Повѣсть" поученію Владимира Мономаха дѣлается извѣстнымъ и то обстоятельство, что еще въ концѣ XI-го или въ началѣ XII-го вѣка у вятичей былъ свой князь Ходота. "А на Вятичи ходихомъ по двѣ зимы, пишетъ Владимиръ Мономахъ, на Ходоту и его сына".

Можно полагать, что и древлянскій Малъ, и вятичскій Ходота были князьями мѣстнаго, славянскаго происхожденія[3]). Но къ IX вѣку, а тѣмъ бо-

---

[1]) Древляне, когда этому благопріятствовали обстоятельства, умѣли не хуже кіевскихъ князей «примучивать» своихъ сосѣдей. «Повѣсть» помнитъ времена, когда Поляне «быша обидимы Древлями». Ниже будетъ показано, что и власть мѣстныхъ князей въ той же мѣрѣ, какъ и норманскихъ, была военной по своему происхожденію и по своимъ основнымъ функціямъ.

[2]) Выраженіе «наши князья добри суть» дало отдѣльнымъ изслѣдователямъ основаніе полагать, что въ Древлянской землѣ существовало сразу нѣсколько князей. Повидимому въ этихъ словахъ правильнѣе все же видѣть указаніе на традиціонную политику, будто бы свойственную вообще всѣмъ, смѣнявшимъ другъ друга князьямъ «мѣстной» династіи. Въ дальнѣйшемъ преданіе упорно говоритъ только объ одномъ князѣ Малѣ и, въ частности, за словами древлянскихъ пословъ къ Ольгѣ авторъ «Повѣсти» сейчасъ же замѣчаетъ: «бѣ бо имя ему Малъ князю Деревську».

[3]) А. А. Шахматовъ полагаетъ, что древлянскій князь Малъ былъ не кто иной какъ Мьстиша, сынъ того воеводы Свѣнельда, которому Игорь уступилъ сборъ древлянской дани. (Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ.

лѣе въ X-мъ столѣтіи среди восточныхъ славянъ появилось не мало князей — скандинавовъ, не стоявшихъ ни въ какомъ родствѣ съ Рюриковымъ домомъ. Въ договорѣ съ греками 945 г. среди мѣстнаго "княжья", пославшаго на переговоры съ греками своихъ пословъ, даже антинорманисты находятъ много норманскихъ именъ. Мимоходомъ, разсказывая о разныхъ эпизодахъ изъ жизни Владиміра Св., самъ составитель "Повѣсти" указываетъ на существованіе въ X вѣкѣ мѣстныхъ князей скандинавскаго происхожденія. "Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть въ Полотьскѣ, а Туръ Турови, отъ него же и Туровцы прозвашася". Въ этихъ условіяхъ княженіе Аскольда и Дира въ Кіевѣ, очевидно не могло считаться въ концѣ IX вѣка незаконнымъ по той причинѣ, что оба эти лица не принадлежали къ Рюрикову племени[1]).

Династія Рюрика упрочила и распространила свою власть среди восточныхъ славянъ не безъ труда и не безъ длительной и упорной борьбы. Вытѣсненіе "мѣстныхъ" династій потребовало не мало усилій и времени. Теорія составителя "Повѣсти" о существованіи среди восточныхъ славянъ единой законной, Рюриковой, династіи отразила на себѣ не только результатъ двухвѣковой борьбы, но и по-

СПБ. 1908 г. Стр. 365). Построеніе А. А. Шахматова въ данномъ случаѣ отличается, однако, большой искусственностью и не можетъ быть признано безспорнымъ. Во всякомъ случаѣ и А. А. Шахматовъ полагаетъ, что «Свѣнельдъ», получившій дань отъ Игоря сталъ фактически владѣтелемъ Деревской земли; походъ Игоря на Древлянъ былъ равносиленъ походу его противъ Свѣнельда. (Тамъ же стр. 364).

[1]) Ср. А. А. Шахматова: «Признаніе Аскольда и Дира боярами Рюриковыми, вышедшими изъ повиновенія князю, стоитъ въ прямой зависимости отъ теоріи лѣтописца объ единствѣ княжеской власти на Руси, теоріи, исключавшей возможность иныхъ въ Кіевѣ князей кромѣ князей Рюрикова дома, а мысль о поѣздкѣ Аскольда и Дира въ Царьградъ съ цѣлью предложить тамъ службу заимствована изъ современныхъ лѣтописцу отношеній». (Очеркъ древн. періода истор. русск. языка. П. Г. Д. 1916 г. Стр. XXX).

литическую программу князей Рюрикова дома, постепенно складывавшуюся въ самомъ процессѣ борьбы, въ свѣтѣ ея все болѣе обозначающихся успѣховъ. Сложившаяся теорія навѣрное не разъ, — и скорѣе не въ случаѣ съ Аскольдомъ и Диромъ, а нѣсколько позднѣе, — давала князьямъ Рюрикова дома идейное оправданіе ихъ дѣятельности. За предѣлами этого дома, въ кругу "мѣстныхъ" династій, такая теорія возникнуть, конечно, не могла. Напротивъ, "мѣстные" князья должны были встрѣчать ее враждебно и, предъявленнымъ къ нимъ притязаніямъ, противопоставлять указанія на законность своихъ собственныхъ правъ. Не случайно мысль, переданная составителемъ "Повѣсти", облечена въ полемическую форму: "вы нѣста княжа, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа"[1]).

Съ другой стороны фактическія данныя изъ

---

[1]) П. Смирновъ, возражая М. Грушевскому и А. А. Шахматову, видѣвшимъ въ приведенныхъ словахъ проявленіе явной тенденціозности со стороны составителя «Повѣсти», вложившаго въ уста князя Олега рѣчь «рѣшительно лишенную смысла и основанія» (М. Грушевскій. Історія Украіни-Руси. т. I. Стр. 363-364; А. А. Шахматовъ. Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Стр. 293-321), пишетъ: «мы беремся защищать внутреннюю логичность поступковъ и заявленія Олега (Игоря), принимая во вниманіе все, что случилось передъ этимъ и, въ особенности, разсѣяніе Волжской Руси, которая въ IX вѣкѣ появилась на Днѣпрѣ». (Волзький шлях і стародавни Руси. Стр. 159. Прим. 1). Но даже, допуская, что Олегъ и Игорь, какъ это думаетъ П. Смирновъ, явились преемниками «русскихъ средневолжскихъ кагановъ», нельзя все же признать ихъ притязаній на Кіевъ сколько-нибудь обоснованными. Прежде всего «каганатъ» не всегда былъ единымъ. Послѣ его распаденія на три части, на что обращаетъ не малое вниманіе самъ П. Смирновъ, на Волгѣ должна была существовать не одна «русская» династія, а цѣлыхъ три. Какая изъ нихъ имѣла предпочтительное передъ другими право претендовать на Кіевъ? Во вторыхъ непонятно, почему вообще пребываніе на средней Волгѣ могло дать кому бы то ни было какія нибудь права на Кіевъ. До появленія къ рединѣ IX вѣка варяжскихъ князей въ Кіевѣ ни «волжская», ни какая нибудь другая «Русь» на Кіевъ никакихъ претензій не предъявляла и, болѣе того, никакихъ отношеній къ нему не имѣла.

жизни и дѣятельности первыхъ князей Рюрикова дома, приводимыя самимъ составителемъ "Повѣсти", не согласуются и съ лѣтописнымъ образомъ государственно мудраго Олега, сразу же сумѣвшаго оцѣнить все значеніе Кіева. Для Олега Кіевъ, какъ и Новгородъ, былъ въ дѣйствительности только временной остановкой въ его желаніи пробиться дальше къ югу. Таковымъ былъ Кіевъ и для всѣхъ первыхъ князей Рюрикова дома, въ ихъ неудержимо-стихійномъ стремленіи во главѣ набранныхъ ими разноплеменныхъ полчищъ на благодатный югъ, будь то богатый Табаристанъ или Крымъ[1]), или еще болѣе заманчивая Византія. Этому стремленію въ равной мѣрѣ отдали дань и Олегъ, и Игорь, и Святославъ, а, въ извѣстной степени, и Владиміръ. Въ этомъ отношеніи князья Рюриковой династіи мало чѣмъ отличались не только отъ своихъ непосредственныхъ предшественниковъ, варяговъ Аскольда и Дира, но и отъ тѣхъ вождей восточно-славянскихъ, антскихъ, полчищъ, которыя еще въ VI вѣкѣ наводили панику на Балканскій полуостровъ. Святославъ только формулировалъ свойственное всѣмъ его предшественникамъ желаніе поскорѣй покинуть Кіевъ ради болѣе привольныхъ мѣстъ: "нелюбо ми есть въ Кіевѣ быти, хочю жити на Переяславци на Дунаи, яко то есть середа отъ земли моей, яко ту вся благая сходятся"[2]). Только сила встрѣченнаго ими сопро-

---

[1]) О походахъ «русскихъ» князей на сѣверный Кавказъ, на Табаристанъ и о ихъ раннихъ набѣгахъ на Крымъ «Повѣсть» ничего не знаетъ, если не считать короткой фразы «Повѣсти» — «ясы побѣди и касогы и приведе Кыеву», — сказанной по поводу похода Святослава, произведшаго громадное впечатлѣніе на всемъ Востокѣ. Обо всемъ этомъ имѣются свѣдѣнія, главнымъ образомъ, у мусульманскихъ писателей, въ житіяхъ Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго и въ письмѣ хазарскаго еврея отъ X вѣка.

[2]) См. возраженія В. М. Истрина А. А. Шахматову, который въ своихъ «Разысканіяхъ о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописяхъ» относитъ, приведенную въ текстѣ, рѣчь Святосла-

тивленія помѣшала первымъ князьямъ Рюрикова дома осуществить свою завѣтную мечту, и самая мысль о необходимости прочно и навсегда устраиваться въ Кіевѣ лишь постепенно проникла въ сознаніе "русскихъ" князей, для того, чтобы окончательно окрѣпнуть не ранѣе конца X вѣка.

Тѣ слои мѣстнаго населенія, которые задолго до появленія въ Кіевѣ варяжскихъ правителей успѣли привыкнуть къ осѣдлой трудовой жизни, не могли иначе, какъ съ осужденіемъ относиться къ князьямъ, всегда готовымъ покинуть "русскую" землю ради чужой, болѣе богатой. Князю Святославу лично пришлось выслушать горькій упрекъ Кіевлянъ: "ты, княже, чюжея земли ищеши, а своея ся охабивъ..., аще ти не жаль отчины своея, ни матере стари суща, и дѣтей своихъ". Очевидно не въ той средѣ, которая съ такимъ рѣшительнымъ осужденіемъ относилась къ бродячей политикѣ своихъ князей могло зародиться то представленіе объ Олегѣ, сторонникомъ котораго является авторъ "Повѣсти". Въ народной памяти прочно засѣло совершенно иное воспоминаніе объ этомъ воинственномъ князѣ. Въ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ, богатырь Вольга, какъ своимъ именемъ, такъ и многими своими личными чертами напоминающій лѣтописнаго Олега[1]), а также вся его боевая дружина, оказываются неизмѣримо слабѣе "ратая" Микулы Селяниновича.

Образъ государственно-мудрыхъ "русскихъ князей", противополагаемыхъ государственно-безпомощнымъ восточнымъ славянамъ, настолько противорѣчитъ и былинному Вольгѣ, и сужденіямъ

ва, къ болгарскому источнику. В. М. Истринъ. Замѣчанія о началѣ русскаго лѣтописанія. Извѣстія отд. русск. яз. и слов. Рос. А. Наукъ т. XXVI. ПГД. 1923 г. Стр. 53-54.

[1]) Изъ виднѣйшихъ изслѣдователей древне-русской словесности останавливаются на близости былиннаго Вольги съ историческимъ Олегомъ — О. Миллеръ, Л. Ждановъ и А. Веселовскій.

кіевлянъ о дѣятельности Святослава, что онъ могъ сложиться только въ княжеско-дружинной средѣ и при томъ, скорѣй всего, не при жизни этихъ князей, а значительно позже, когда достигнутые послѣдующими кіевскими князьями политическіе успѣхи сдѣлали возможнымъ, нерѣдкую въ такихъ случаяхъ, легендарную политическую канонизацію ихъ предшественниковъ[1]).

Такимъ образомъ составитель "Повѣсти времянныхъ лѣтъ", разсказывая о возникновеніи "рус-

---

[1]) Имѣются къ тому же и нѣкоторыя документальныя данныя, позволяющія предполагать, что княжеско-дружинное сказаніе, представителемъ котораго явился составитель «Повѣсти времянныхъ лѣтъ» сложилось въ своей окончательной формѣ во всякомъ случаѣ не ранѣе XI-го вѣка. Изслѣдованія А. А. Шахматова о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ съ особенной ясностью вскрыли сложный составъ «Повѣсти». По мнѣнію А. А. Шахматова «Повѣсти времянныхъ лѣтъ», составленной въ 1116 г., предшествовали: древнѣйшій Кіевскій сводъ (1039 г.), Новгородскій сводъ (1050 г.), первый Печерскій сводъ (1073 г.) и, наконецъ, Начальный сводъ (1093 г.). Возстановленный А. А. Шахматовымъ текстъ древнѣйшаго Кіевскаго Свода рисуетъ Олега не носителемъ опредѣленной политической идеи, а неутомимымъ воителемъ, постоянно ищущимъ для себя новой добычи: И бысть у нихъ (у новгородскихъ славянъ) князь именьмь Ольгъ, мужъ мудръ и храбръ. И начаша воевати всюду и налѣзиша Днѣпръ рѣку и Смольньскъ градъ; и отътолѣ поидоша внизъ по Днѣпру, и придоша къ горамъ Кіевскимъ» (Стр. 541) Древнѣйшему Кіевскому своду неизвѣстно также и преданіе о «призваніи князей». Впервые оно записано въ Новгородскомъ Сводѣ 1050 г. Но тогда съ нимъ не связывалось еще тѣхъ политическихъ выводовъ, на которыхъ настаиваетъ составитель «Повѣсти». По мнѣнію Д. И. Иловайскаго, сказаніе о призваніи новгородцами варяжскихъ князей стоитъ во внутренней связи съ посольствомъ новгородцевъ къ князю Святославу, у котораго они просили себѣ князя. Самъ же этотъ разсказъ о посольствѣ къ Святославу «сложился въ позднѣйшую эпоху: онъ скорѣй выражаетъ характеръ отношенія Новгорода къ великимъ князьямъ въ то время, когда Новгородцы уже добились нѣкоторой самостоятельности, кичились своимъ вѣчевымъ строемъ и дѣйствительно призывали къ себѣ то того, то другого князя». (Разысканія о началѣ Руси. М. 1876 г. Стр. 50-51). Соглашаясь съ даннымъ мнѣніемъ, А. А. Шах-

скаго" государства, передаетъ то, о чемъ думали и говорили въ княжеско-дружинной средѣ. Къ тому времени, когда монахъ-лѣтописецъ Печерской обители, находившейся въ постоянной близости къ кіевскимъ князьямъ, неизмѣнно ей покровительствовавшимъ, приступилъ къ написанію своей "Повѣсти", княжеско-дружинное сказаніе успѣло принять вполнѣ цѣлостный и законченный видъ. Убѣжденнымъ сторонникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ горячимъ поборникомъ этого сказанія и выступилъ монахъ-лѣтописецъ въ своемъ повѣствованіи о томъ, "откуду есть пошла русская земля"[1]). Составители позднѣйшихъ, московскихъ, сводовъ, включавшіе въ свое лѣтописаніе официальную идеологію московскихъ правящихъ круговъ, — о "Москвѣ — третьемъ Римѣ" и о происхожденіи московскихъ государей отъ римскаго кесаря Августа, — имѣли своимъ отдаленнымъ предшественникомъ составителя "Повѣсти", взявшаго въ ней подъ свою защиту "официальное" кіевское, княжеско-дружинное сказаніе[1]).

матовъ дополняетъ его «указаніемъ на то, что разсматриваемый разсказъ сложился въ Новгородѣ до 1050 г. и, быть можетъ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ посаженіе на Новгородскій столъ Ярослава». (Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Стр. 66).

[1]) «Рукой историческаго лѣтописца, говоритъ А. А. Шахматовъ, управлялъ въ большинствѣ случаевъ не высокій идеалъ далекаго отъ жизни и мірской суеты монаха отшельника, умѣющаго дать правдивую оцѣнку событіямъ, развертывающимися вокругъ него, и лицамъ, руководящимъ этими событіями... Рукой лѣтописца управляли политическія страсти и мірскіе интересы». (Повѣсть времянныхъ лѣтъ ПГД. 1916 г. Стр. XVI. См. также его же Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописяхъ. Стр. 321 и др. Очеркъ древн. пер. исторіи рус. яз. Стр. XXX и др. и В. А. Пархоменко. У истоковъ русской государственности. 1924 г. Стр. 5-6). Нѣтъ, однако, основанія изображать составителя «Повѣсти», какъ автора, который въ угоду дорогой ему политической идеѣ намѣренно искажалъ историческую истину. Скорѣй лѣтописецъ передавалъ тѣ взгляды, которые онъ всецѣло раздѣлялъ и въ исторической истинности которыхъ онъ не сомнѣвался.

Признать историческую теорію "Повѣсти" отголоскомъ княжеско-дружиннаго сказанія, конечно, не значитъ еще отвергнуть ее цѣликомъ. Абсолютный скептицизмъ въ отношеніи историческихъ сказаній въ большинствѣ случаевъ бываетъ ошибочнымъ и научно мало плодотворнымъ. Но, конечно, менѣе всего историческую правду сказанья слѣдуетъ искать въ его внѣшней "младенчески-простодушной" формѣ, тѣмъ болѣе, что она явно навѣяна со стороны.

Давно уже русская историческая литература обратила вниманіе на то, что слова, сказанныя заморскимъ варягамъ, — "земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣть нами" — почти съ точностью совпадаютъ съ рѣчью, съ которой, по словамъ Видухинда, Бритты обратились къ Генгисту и Горсѣ[1]). Самое число призванныхъ князей — три — въ свою очередь постоянно повторяется въ прозѣ и стихахъ почти у всѣхъ германскихъ народовъ. Что касается непосредственно скандинавовъ, то "мифическая цифра 3 въ кругу преданій о норманнахъ играетъ, дѣйствительно, замѣчательную роль"[2]). Необходимо, слѣдовательно, предположить, что въ лѣтописномъ сказаніи о призваніи трехъ братьевъ-варяговъ и въ рѣчи, съ которой обратились къ нимъ славянскіе послы, нашелъ въ себѣ отраженіе одинъ изъ тѣхъ "бродячихъ сюжетовъ", которые оказали повсемѣстное и сильное вліяніе на фабулу былинъ, сказокъ и преданій вообще, замѣтно сближая тѣмъ самымъ между собой произведенія словесности са-

---

[1]) Первымъ обратилъ на это вниманіе, повидимому, А. Куникъ въ своей статьѣ 1864 г.: «Несторово сказаніе о призваніи Варяго-Руси, объясненное посредствомъ сказанія о призваніи Англосаксовъ». См. А. Куникъ въ «Каспіи» Б. Дорна. СПБ. 1875 г. Стр. 394.

[2]) А. Куникъ въ «Каспіи» Б. Дорна. Стр. 396.

мыхъ различныхъ и отдаленныхъ народовъ[1]). Княжеско-дружинная среда врядъ-ли и могла обойтись въ столь сложномъ и трудномъ случаѣ безъ помощи "бродячаго сюжета". При этомъ самая распространенность и общеизвѣстность "сюжета" должна была по тѣмъ временамъ, не въ примѣръ современной эпохѣ, только способствовать усиленію довѣрія и ко всему сказанію и къ тѣмъ политическимъ притязаніямъ князей Рюрикова дома, которыя оно въ себѣ заключало.

Остается внутренняя, исторически наиболѣе существенная, сторона сказанія, — та его главная мысль, что государственность среди восточныхъ славянъ обязана своимъ возникновеніемъ и своими успѣхами княжеской династіи, вышедшей изъ среды варяговъ, появившихся въ IX в. на территоріи восточной европейской равнины, занятой славянами. Несостоятельность отдѣльныхъ деталей сказанія этой мысли не колеблетъ. Пусть первые представители норманской династіи не были такъ государственно мудры, какъ въ этомъ увѣренъ составитель "Повѣсти", но и въ такомъ случаѣ политическій успѣхъ могъ быть достигнутъ при нихъ благодаря такому стеченію обстоятельствъ, которое его обезпечило независимо отъ удачныхъ или неудачныхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ. Съ другой стороны многочисленность мѣстныхъ княжескихъ династій,безспорно существовавшихъ у восточныхъ славянъ ко времени появленія варяговъ, сама по себѣ еще не означаетъ,что къ этому времени славяне,или часть ихъ, успѣли смѣнить свой до-государственный бытъ на государственныя формы жизни. "Князья" мѣстнаго происхожденія легко могли быть родовыми старѣйшинами, а пришлые — той полити-

[1]) Теорія «бродячихъ сюжетовъ» по отношенію къ произведеніямъ народной словесности съ особой убѣдительностью, какъ извѣстно, была раскрыта и обоснована акад. А. Н. Веселовскимъ.

ческой случайностью, которая не оставила по себѣ никакихъ прочныхъ политическихъ слѣдовъ. Норманская династія, вышедшая побѣдительницей изъ борьбы съ другими "князьями" при всей необоснованности своихъ притязаній на исключительное право власти надъ всѣми восточными славянами, въ этихъ условіяхъ дѣйствительно могла способствовать созданію первыхъ государственныхъ формъ жизни среди восточныхъ славянъ, хотя бы она прямо этой цѣли и не преслѣдовала. Къ тому же самый фактъ появленія въ IX-мъ столѣтіи на территоріи восточно-европейской равнины большого количества скандинавовъ и той или иной степени ихъ вліянія на культурный и общественный укладъ восточнаго славянства въ настоящее время вообще не подлежитъ оспариванію. Фактовъ последняго рода не станутъ отрицать и самые убѣжденные изъ, весьма впрочемъ немногочисленныхъ, представителей современнаго антинорманизма[1]).

Неудивительно, что многіе ученые изслѣдователи, при всемъ ихъ критическомъ отношеніи къ отдѣльнымъ подробностямъ лѣтописнаго сказанія о возникновеніи государственнаго строя въ средѣ восточныхъ славянъ, въ своихъ собственныхъ выводахъ по данному вопросу, очень близко подходятъ къ основной мысли составителя "Повѣсти временныхъ лѣтъ". Одинъ изъ видныхъ современныхъ историковъ прямо указываетъ, что его "объясненіе происхожденія русскаго государства, хотя и не совпадаетъ вполнѣ съ лѣтописнымъ, но все таки стоитъ на одной съ нимъ почвѣ фактовъ и воззрѣній"[2]).

Итакъ нельзя провѣрить степень правильности

---

[1]) Напр. М. Грушевскій. Історія України-Руси. Т. I. Стр. 245-246.

[2]) М. Любавскій. Лекціи по древней русской исторіи до конца XVI в. М. 1918. Стр. 75. Нельзя, однако сказать, чтобы построеніе М. Любавскаго отличалось достаточной опредѣлен-

лѣтописнаго сказанія только путемъ указанія на историческую недостовѣрность отдѣльныхъ его подробностей. Для разрѣшенія вопроса необходимо поэтому выяснить, хотя бы въ самыхъ основныхъ чертахъ, каковъ былъ тотъ общественный строй, въ которомъ жили славяне въ далекую, донорманскую, эпоху. При этомъ, — такъ какъ общественное разслоеніе и родовой бытъ другъ съ другомъ явно несовмѣстимы, — въ первую очередь надлежитъ установить, въ какой мѣрѣ, въ теченіе многовѣкового періода, начиная отъ первыхъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, свѣдѣній, застающихъ славянъ еще на ихъ прародинѣ, и вплоть до норманской эпохи, остались у нихъ непоколебленными "простота быта, малочисленность нуждъ, легко удовлетворяемыхъ общими, первоначальными занятіями родичей", которые, по справедливому замѣчанію С. М. Соловьева, являются главной опорой родового строя[1]).

ностью и не заключало бы въ себѣ серьезныхъ противорѣчій. Такъ онъ пишетъ, что созданный дѣятельностью норманскихъ князей «политическій союзъ всего восточнаго славянства — можно назвать, въ извѣстномъ смыслѣ, первоначальнымъ русскимъ государствомъ» и тутъ же добавляетъ, что «болѣе крѣпкими были тѣ связи, которыя соединяли ихъ въ мѣстные союзы, мѣстные политическіе міры». (Стр. 85). Но мѣстный политическій союзъ или міръ и есть, другими словами, міръ государственный. Гораздо категоричнѣе высказывается по данному вопросу Ѳ. Браунъ. По его словамъ «русское государство, какъ таковое, основано норманами, и всякая попытка объяснить начало Руси иначе будетъ напраснымъ и празднымъ трудомъ». (Разысканія въ области готославянскихъ отношеній. СПБ. 1899 г. Стр. 3). См. также Е. Шмурло, Курсъ русской исторіи. Т. I. Прага Чешская. 1931 г. Стр. 363-380.

[1]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. Общ. Польза. Т. I. Стр. 59.

ГЛАВА II.

"Повѣсть времянныхъ лѣтъ" не имѣла мѣстныхъ свѣдѣній объ европейской прародинѣ славянъ и не располагала по этому вопросу данными, почерпнутыми изъ другихъ, чужеземныхъ, источниковъ. Въ повѣствованіи о древнѣйшихъ временахъ, она опиралась на свой главнѣйшій, послѣ библейскихъ преданій, источникъ — славянскій переводъ хроники Георгія Амартола и "Хронографъ по великому изложенію"[1]). Но ни Хроника Амартола, ни сдѣланное изъ нея подробное извлеченіе, получившее названіе "Хронографа по великому изложенію", не знаютъ славянъ среди потомства Афета, занявшаго "западъ и полунощныя страны". Составителю "Повѣсти" въ этихъ условіяхъ, для того, чтобы не отклониться отъ своего авторитетнаго источника и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить установленную цифру 72-хъ сыновей Афетовыхъ, не оставалось ничего другого, при опредѣленіи мѣстожительства славянъ, какъ прибавить къ имени одного изъ народовъ племени Афетова, перечисляемыхъ "Хроникой", слово "Словѣне". Такъ и получилось у него "Илюрикъ-Словѣне". Въ другомъ мѣстѣ «Повѣсть" уже прямо называетъ Иллирію европейской прародиной славянъ: Илюрикъ, его же не доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо бяше Словѣнѣ первѣе"[2]). Однако, са-

---

[1]) В. М. Истринъ. Замѣчанія о началѣ русскаго лѣтописанія. Изв. отд. русск. яз. и слов. Рос. А. Наукъ. Т. XXVI. 1923. Стр. 68.

[2]) «Повѣсть времянныхъ лѣтъ» по Ипатьевскому списку.

мый путь, которымъ составитель "Повѣсти" подошелъ къ выясненію вопроса объ европейской прародинѣ славянъ, лишаетъ его утвержденіе всякой исторической цѣнности: въ немъ нѣтъ и намека на какія-нибудь историческія воспоминанія. Не удивительно, что "Повѣсть" не въ состояніи сообщить и о томъ, когда славяне покинули свой "Илюрикъ". Лѣтописецъ откровенно признается, что онъ этого не знаетъ. Онъ просто говоритъ, что это произошло "по многѣхъ временѣхъ" послѣ Вавилонскаго столпотворенія. "По многѣхъ же времянѣхъ, разсказываетъ Лѣтописецъ, сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими".

Утвержденіе лѣтописи о появленіи въ какой то историческій моментъ славянъ на Дунаѣ. имѣетъ за собой уже несомнѣнную историческую цѣнность. На его основѣ въ русской исторической литературѣ возникла, одно время очень распространенная, теорія дунайской прародины славянъ. Ея сторонники (Забѣлинъ, Дриновъ, Погодинъ, Иловайскій, Соловьевъ, Самоквасовъ, Ключевскій и др.) въ словахъ лѣтописца о пребываніи славянъ на Дунаѣ видятъ указаніе на "фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію"[1]). "Это одно изъ самыхъ раннихъ воспоминаній славянства, относящееся ко II-му вѣку по Р. Х.", пишетъ В. О. Ключевскій[2]).

Несмотря на всю авторитетность научныхъ именъ, высказавшихся въ пользу дунайской прародины славянъ, въ настоящее время эту теорію рѣдко кто поддерживаетъ[3]). Прежде всего она рѣшительно не согласуется съ положительными данны-

---

[1]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. I. Стр. 41.

[2]) В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Стр. 12.

[3]) Впрочемъ еще сравнительно недавно Н. Т. Бѣляевъ выступилъ сторонникомъ дунайской славянской прародины въ своей брошюрѣ «Начало Руси» Лондонъ-Прага. 1925 г. Стр. 7-8.

ми, указывающими тѣ народности, которыя жили по нижнему Дунаю, начиная отъ V вѣка до Р. Х. и кончая первыми столѣтіями современной эры. На карпато-дунайскомъ пространствѣ за указанный періодъ жили различныя ѳракійскія народности, кельтскія и германскія, наконецъ, тюрки, но среди нихъ всѣхъ славянъ иностранные источники совершенно не знаютъ. Молчаніе иностранныхъ источниковъ первыхъ вѣковъ христіанской эры тѣмъ болѣе выразительно, что римскіе писатели должны были, хотя бы на основаніи официальныхъ данныхъ, быть хорошо освѣдомлены о населеніи областей, примыкавшихъ къ римской провинціи Нижней Мезіи, уже съ 55-56 г. по Р. Х. включившей въ свой составъ не малую часть придунайскихъ земель[1]). Самое названіе Дунай не славянское. "Славяне познакомились съ Дунаемъ при посредствѣ германцевъ", а именно, готовъ[2]). Это обстоятельство какъ нельзя болѣе подтверждаетъ, что славяне оказались на Дунаѣ во всякомъ случаѣ позднѣе готовъ. Относящіяся къ I и II вв. по Р. Х. отдѣльныя географическія названія въ придунайскихъ и и прикарпатскихъ областяхъ, въ которыхъ нѣкоторые изслѣдователи пытались угадать славянское происхожденіе "при ближайшемъ разсмотрѣніи

---

[1]) Данныя антропологіи, по мнѣнію Я. Чекановскаго также не позволяютъ искать славянскую прародину на Дунаѣ. «Экспансія славянъ, пишетъ онъ, должна была идти съ болѣе сѣверной антропологической области... Объективно подтвержденные факты антропологіи исключаютъ возможность помѣщать славянскую прародину на югъ отъ Карпатъ» (Wstep do Historyi Slowian. Lwow. 1927. Стр. 24). Но данныя антропологіи въ вопросѣ о славянахъ вообще очень спорны.

[2]) Vasmer. « Die Urheimat der Slaven ». Der ostdeutche Volksboden. Breslau 1926. Стр. 123.: : « Auch die Donau lernten die Slaven durch germanische Vermittung lernen. Daher hat die slavische Benenung dieses Flusses Dunaj ein u (aus got. Donavi) und nicht das a von Danuvius ». См. также Jan Czekanowski: « Wstep do hystoryi Slowian, Стр. 95: « celtycka nazwa Dunajio, jak i przypuszalna nazwa Karpat, dostaly sie Slowian w przerobie germanskiej ».

оказываются призраками"[1]). И вообще совершенно правильно было отмѣчено, что "доводы, которые сторонники дунайской теоріи заимствуютъ иногда изъ области лингвистики не имѣютъ за собой никакой рѣшающей цѣны"[2]).

Для В. О. Ключевскаго однимъ изъ рѣшающихъ доводовъ въ пользу теоріи о дунайской славянской прародинѣ является сообщеніе "Повѣсти времянныхъ лѣтъ" о послѣдовавшемъ вытѣсненіи славянъ съ Дуная "волхами": "волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскій сѣдшимъ въ нихъ и насилящемъ имъ". В. О. Ключевскій (вслѣдъ за Иловайскимъ, Забѣлинымъ и Дриновымъ) видитъ въ лѣтописныхъ волхахъ или волохахъ римлянъ. «Рѣчь идетъ, говоритъ онъ, о разрушеніи императоромъ Траяномъ царства Даковъ", въ началѣ II в. по Р. Х. Но мысль о томъ, что волохи-римляне, не болѣе какъ догадка ученыхъ изслѣдователей, кото-

---

[1]) Ѳ. Браунъ. Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. Стр. 75.

[2]) L. Niederle. Manuel de l'antiquité slave. v. Paris. 1923 Стр. 19. Что касается доводовъ историко-литературнаго характера, приводимыхъ сторонниками дунайской теоріи, то они во всякомъ случаѣ не въ состояніи установить эпоху пребыванія славянъ на Дунаѣ, а тѣмъ болѣе ея исконность. Видное мѣсто, которое занимаетъ въ произведеніяхъ русской народной словесности Дунай, Коляды, Траянъ и т. д. (М. С. Дриновъ. Заселеніе Балканскаго полуострова славянами. М. 1873 г. стр. 76-82) къ тому же могутъ найти себѣ достаточное объясненіе уже въ длительномъ и сильномъ болгарскомъ вліяніи на восточныхъ славянъ. А. А. Шахматовъ высказываетъ предположеніе, что самъ составитель «Повѣсти» въ своемъ сообщеніи о пребываніи славянъ на Дунаѣ могъ воспользоваться «письменнымъ памятникомъ южно-славянскаго происхожденія вышедшимъ изъ среды учениковъ Кирилла и Меѳодія, которые впервые сознали языковое единство славянъ». (Очеркъ древн. пер. ист. рус. яз. Стр. XXII). Но и независимо отъ болгарскаго вліянія, безспорный фактъ длительнаго пребыванія восточныхъ славянъ неподалеку отъ Дуная въ VI и VII вв. и ихъ частые набѣги за Дунай также могли повлечь за собой проникновеніе новыхъ сюжетовъ и образовъ въ произведенія русской народной словесности.

рые въ данномъ случаѣ утверждаютъ именно то, что подлежитъ доказательству. Но, и какъ догадка, эта мысль представляется весьма сомнительной. Очень трудно допустить, чтобы лѣтописецъ, сообщающій въ началѣ своего повѣствованія новыя и цѣнныя географическія свѣдѣнія только о "полунощныхъ странахъ"[1]), а въ остальномъ опирающійся на библейскія преданія и данныя греческихъ хроникъ, вдругъ вспомнилъ бы совершенно самостоятельно про историческій фактъ изъ эпохи императора Траяна. Первыя чисто историческія, и при томъ весьма отрывочныя, воспоминанія лѣтописца начинаются съ эпохи значительно болѣе поздней, со временъ вражескихъ нашествій болгаръ и угровъ. Онъ ничего не знаетъ даже о готахъ и гуннахъ. Но и помимо того, перечисляя народы, входящіе въ составъ "Афетова колѣна", составитель "Повѣсти" отличаетъ волховъ отъ римлянъ: "Афетово бо и колѣно: Варязи, Свеи, Урмане, Готѣ, Агняне, Волъхва, Римляне..."

Слово влахъ или волохъ у восточныхъ славянъ имѣло на дѣлѣ очень широкое значеніе. Терминъ "влахъ" — нѣмецкаго происхожденія. Въ славянскомъ пониманіи онъ примѣнялся ко всѣмъ романизированнымъ народностямъ[2]). Въ этихъ условіяхъ выясненіе народности лѣтописныхъ "влаховъ",

---

[1]) П. Смирновъ. Волзьскій шлях і стародавни Руси. Стр. 38.

[2]) Emile Haumant. La formation de la Yougoslavie. Paris 1930, Стр. 11) « Vlaque (Valaque) est l'équivalent slave du Welsch allemand, et s'applique à tous les Romans ». Ѳ. Браунъ (Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. Стр. 165): слово волохъ заимствованно славянами «изъ готскаго Walhoz — Volkoi, древнегерманскаго обозначенія кельтовъ»: С. М. Середонимъ (Историчская географія. ПГД. 1916. Стр. 107): «слово это довольно опредѣленнаго значенія: Walh'омъ, Wâlsh'омъ германцы называли кельтовъ или галловъ. Славяне переняли это имя отъ германцевъ, при чемъ, значеніе слова расширилось».

“насельниковъ” на дунайскихъ славянъ, возможно только на основанiи контекста самой лѣтописи.

Трижды касается составитель “Повѣсти” той же темы. Въ первый разъ онъ сообщаетъ, что «насельницами” на дунайскихъ славянъ были “волхи” “Волхомъ бо нашедшимъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ”. При вторичномъ разсказѣ этими насельниками оказываются уже болгаре: “болгаре сѣдоша по Дунаеви, населници Словѣномъ быша”. Что рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ о томъ же самомъ фактѣ, о которомъ говорилось раньше, видно изъ того, что лѣтописецъ самъ указываетъ, что этихъ событiй онъ уже касался: “яко же рекохомъ”. Наконецъ, въ третiй разъ онъ первыхъ “насельниковъ” на славянъ опять называетъ “волхами”. При этомъ лѣтописецъ указываетъ, что волховъ впослѣдствiи смѣнили угры: “Сѣдяху бо ту преже Словѣни и Волъхве прiята землю Словѣнску; по семъ же Угри прогнаша Волъхи и наслѣдиша землю и сѣдоша съ Словѣны”, между тѣмъ раньше онъ писалъ, что Угры явились вслѣдъ за Болгарами”. Такимъ образомъ, на основанiи контекста самой “Повѣсти”, въ которой терминъ “влахи” смѣняется словомъ «болгаре” и обратно, а угры изгоняютъ въ одно и тоже время то болгаръ, то влаховъ, — необходимо признать, что подъ влахами потѣснившими славянъ съ Дуная, лѣтописецъ разумѣлъ болгаръ[1]). Тѣмъ са-

---

[1]) Н. Хлѣбниковъ также признавалъ влаховъ за болгаръ, ссылаясь при этомъ на авторитетъ Эверса, который въ своей книгѣ «Предварительныя критическія изслѣдованія для русской исторiи» доказываетъ, что византiйцы, какъ Анна Комнинъ и Никита Акоминатосъ, называли влахами болгаръ (Общество и государство въ до-монгольскiй перiодъ русской исторiи. СПБ 1872. Стр. 3). Къ тому же мнѣнiю склоняется и Ю. Готье, не подтверждая его впрочемъ какими либо доводами. «Пробывъ нѣкоторое время, пишетъ онъ, сосѣдями и противниками Имперiи, они, (славяне) были нѣсколько оттѣснены на сѣверъ отчасти аварами, а еще вѣроятнѣе болгарами,

мымъ и наиболѣе раннее изъ всѣхъ "историческихъ воспоминаній славянства", относимое В. О. Ключевскимъ къ началу II столѣтія, переносится въ VII-ой вѣкъ, быть можетъ, къ тому времени, когда болгары подъ начальствомъ Аспаруха перешли въ 670 г. Дунай и, покоривъ здѣсь "семь племенъ" славянскихъ, основали Болгарское царство, отрѣзавъ этимъ окончательно задунайскихъ славянъ отъ Византіи. Самъ составитель "Повѣсти" повиди-

---

которые въ VII в. заняли ихъ мѣсто въ «Углу» (Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Л. 1930. Стр. 224).

А. А. Шахматовъ по поводу лѣтописныхъ влаховъ придерживается особой точки зрѣнія; онъ считаетъ ихъ франками, и, такимъ образомъ, переноситъ ихъ столкновеніе со славянами въ эпоху Карла В. Впервые эта мысль была высказана А. А. Шахматовымъ въ его замѣткѣ «Волохи древне-русской лѣтописи», помѣщенной въ «Извѣстіяхъ Таврическ. Ученой Архивной Комиссіи» (№ 54. 1918 г. Стр. 234-240). Возвращаясь въ своемъ послѣднемъ трудѣ — «Древнѣйшія судьбы русскаго племени» (ПГД. 1919) — къ тому же вопросу А. А. Шахматовъ пишетъ: «подъ волохами составитель разсказа о разселеніи славянъ разумѣлъ несомнѣнно франковъ Карла Великаго; это ясно изъ контекста, ибо сожительство славянъ съ волохами, господство послѣднихъ надъ дунайскими славянами смѣняется господствомъ угровъ «мадьяръ» (Стр. 25). Но текстъ «Повѣсти» при вторичномъ ея разсказѣ о судьбѣ дунайскихъ славянъ вполнѣ опредѣлененъ. Онъ самымъ яснымъ образомъ сообщаетъ, что угры смѣнили собой именно болгаръ, а не кого либо другого: «Болгаре сѣдоша по Дунаеви, населници Словѣномъ быша. Посемъ придоша Угри Бѣліи наслѣдиша землю Словеньску». При этомъ лѣтописецъ даже объясняетъ, почему онъ поставилъ оба эти событія (одно 7-го, другое 9-го вѣка) рядомъ. Текстъ «Повѣсти» такимъ образомъ «несомнѣнно» доказываетъ, что походы Карла В. (795-805 гг.) остались нашимъ лѣтописцемъ незамѣченными и что въ исторіи славянъ восточныхъ, эти походы вообще не играли той роли, какую имъ приписываетъ А. А. Шахматовъ. «Повѣсть» не могла, конечно, не знать про болгаръ и угровъ, но про походы Карла В., хотя они и имѣли мѣсто сравнительно незадолго до нашествія угровъ, ей рѣшительно ничего неизвѣстно. Отождествляя влаховъ (болгаръ) съ франками, А. А. Шахматовъ совершаетъ ту ошибку, что онъ исправляетъ самый текстъ «Повѣсти» на основаніи данныхъ, хотя въ дѣйствительности и имѣвшихъ мѣсто, но оставшихся внѣ ея кругозора.

мому также относилъ вытѣсненіе славянъ съ Дуная къ VII-му вѣку. Объясняя, почему онъ поставилъ рядомъ два событія — вытѣсненіе славянъ болгарами и, значительно болѣе позднее, вытѣсненіе болгаръ уграми, — онъ пишетъ: "си бо Угри почаша быти при Ираклiи цари, иже находиша на Хоздроя царя Перьскаго". Кромѣ того сейчасъ же вслѣдъ за этой фразой лѣтописецъ продолжаетъ: "въ си же времена была и Обри, ходиша на Ираклія". Получается, что всѣ указанные составителемъ "Повѣсти" одинъ за другимъ факты, — вытѣсненіе славянъ болгарами, начало существованія угровъ и появленіе обровъ, — по его мнѣнію произошли «въ си же времена", во времена царя Ираклія. Эпоха царя Ираклія — это 610-640 годы, а начало его похода на персовъ — 622 годъ.

Такимъ образомъ, если свидѣтельство "Повѣсти" о появленіи "по мнозѣхъ времянахъ" славянъ на Дунаѣ дѣйствительно представляетъ собой указаніе на "фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію ",то это фактъ VII вѣка и нѣтъ никакихъ основаній относить его къ I-II столѣтіямъ по Р. Х., т. е., другими словами, искать славянскую прародину на нижнемъ Дунаѣ.

Наиболѣе раннія географическія и этнографическія свѣдѣнія о восточно-европейской равнинѣ, включающія въ себѣ первыя краткія и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе достовѣрныя данныя о славянахъ, встрѣчаются въ произведеніяхъ Плинія Старшаго, Тацита и Птоломея.

Плиній плохо знаетъ страны, расположенныя къ востоку отъ Вислы. Въ своей "Естественной исторіи", написанной около 77-го года, онъ только на основаніи слуховъ передаетъ, что за Вислой живутъ сарматы, венеды, скирры и гирры[1]).

Тацитъ написалъ свое сочиненіе о Германіи въ

---

[1]) Nat. Hist. IV, 97. « Quidam haec habitari ad Distulam usque fluvius a Sarmatis, Venedis, Sciris, Hirris tradunt ».

98 году. Хотя и въ его сообщеніяхъ о восточной Европѣ замѣтны иногда нѣкоторыя колебанія, но онъ все же по сравненію съ Плиніемъ значительно болѣе опредѣлененъ въ своихъ утвержденіяхъ. Въ Сарматіи, отдѣленной отъ восточной Германіи "взаимнымъ страхомъ и горами", Тацитъ помѣщаетъ сарматовъ, певкиновъ-бастарновъ, венедовъ и фенновъ. Въ точности онъ не знаетъ причислить ли бастарновъ, венедовъ и фенновъ къ германцамъ или же къ сарматамъ. "Венеды, говоритъ онъ, заимствовали много обычаевъ отъ сарматовъ, они простираютъ свои набѣги на всѣ лѣса и горы, возвышающіяся между певкинами и феннами... Однако они должны быть скорѣй причислены къ германцамъ, т. к. строятъ дома, носятъ щиты и охотно пользуются быстротой ногъ; все это отличаетъ ихъ отъ сарматовъ, живущихъ въ кибиткахъ и на коняхъ"[1]).

Птоломей (умеръ въ 178 г.) черпалъ свои свѣдѣнія о сѣверо-восточной Европѣ, главнымъ образомъ, изъ источниковъ 1-го столѣтія (Маринъ Тирскій). Въ своемъ "Изложеніи географіи", составленномъ при императорахъ Траянѣ и Адріанѣ, онъ сообщаетъ, что Висла отдѣляетъ Сарматію отъ Германіи. Перечисляя "великіе народы" Сарматіи, Птоломей называетъ въ ихъ числѣ венедовъ и отводитъ имъ мѣсто къ востоку отъ Вислы, "вдоль всего Венедскаго залива"[2]).

Всѣ три писателя говорятъ, такимъ образомъ,

---

1) Germ. 46.

2) Geogr. III, 5, 7, 8, 56. Центръ Венедской осѣдлости по Тациту опредѣляется, прежде всего, тѣмъ, что онъ заставляетъ Венедовъ дѣлать набѣги на певкисовъ-батарновъ и на фенновъ. Певкины-бастарны жили въ современной Буковинѣ и Молдавіи до устьевъ Дуная (Певки — островъ въ устьяхъ Дуная), а южная граница финскихъ поселеній простиралась въ то время, какъ это теперь обычно принято думать, отъ верховьвъ Оки до средняго Днѣпра (см. Ю. Готье. Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 29 и др. и С. М. Середонинъ. Историческая географія. Стр. 54-55).

о венедахъ, — Venedi у Плинія, Veneti у Тацита, Οὐενέδαι у Птоломея, — и всѣ они согласно помѣщаютъ ихъ къ востоку отъ германцевъ, за Вислой.

Венедами или вендами нѣмцы до сихъ поръ называютъ нѣкоторыхъ западныхъ славянъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи значительно болѣе чѣмъ тысячелѣтней традиціи. Готскій историкъ VI в. Іорданъ, говоря о венедахъ, высказался въ формѣ, не допускающей сомнѣній въ ихъ славянствѣ. «Многочисленный вентскій народъ, пишетъ онъ, обитаетъ на склонахъ Карпатъ.., раздѣляясь на Словенъ и Антовъ"[1]). Вообще, какъ общее правило, въ настоящее время ни русская, ни иностранная ученая литература не сомнѣваются въ славянствѣ венедовъ[2]).

Однако опредѣлить съ точностью, въ какомъ именно мѣстѣ, къ востоку отъ Вислы, жили славяне въ I-II в. в. по Р. X. на основаніи однѣхъ только показаній Плинія, Тацита и Птоломея не представляется возможнымъ. Птоломей помѣщаетъ венедовъ вдоль побережья Балтійскаго моря[3]). Тацитъ

---

[1]) De Getarum origine gestibusque, 5. Алкуинъ, разсказывая о походѣ Карла В., въ свою очерель говорилъ: « Slavos, quos nos Vionides dicimus ». (Послѣдняя цитата по М. Грушевскому: Кіевская Русь. СПБ. 1911. Стр. 81).

[2]) Для установившейся въ иностранной ученой литературѣ точкѣ зрѣнія на венедовъ, очень характерно примѣчаніе H. Gaelzer' а къ школьному изданію латинскаго текста Тацитовской Германіи (P. Cornelii Taciti de Germania — Paris, 1889) : « Venedi ou Veneti (XLVI, I) les Wendes, peuple slave, à l'est de Vistulemoyenne, dont le nom sert d'appellation générique pour désigner la race slave »p. 143). Въ русской литературѣ А. А. Шахматовъ одно время упорно отстаивалъ кельтское происхожденіе венедовъ. Эта точка зрѣнія сразу же вызвала рядъ серьезныхъ возраженій со стороны Фасмера. Я. Чекановскій по ея поводу даже замѣтилъ, что «теорій подобнаго рода вообще нельзя принимать въ разсчетъ» (Wstep do historyi Slowian, p. 96). Въ своихъ послѣднихъ трудахъ, въ частности, въ «Древнѣйшихъ судьбахъ русскаго племени», А. А. Шахматовъ, въ согласіи съ господствующимъ мнѣніемъ, признаетъ въ венедахъ славянъ (Стр. 42).

[3]) Къ географическимъ и этнографическимъ свѣдѣніямъ

утверждаетъ, что на нижней Вислѣ, по обѣ ея стороны жили готы[1]) и, слѣдовательно венеды, во всякомъ случаѣ, жили южнѣе. Свѣдѣнія же Плинія вообще мало опредѣленны.

Оставаясь на почвѣ однихъ литературныхъ источниковъ, разногласіе указанныхъ писателей, или же недостаточную опредѣленность ихъ свѣдѣній, пришлось - бы разрѣшать на основаніи ясныхъ свидѣтельствъ Іордана. Но Іорданъ писалъ значительно позже, въ VI вѣкѣ, въ эпоху уже ясно опредѣлившагося славянскаго разселенія. Къ счастью, при рѣшеніи вопроса о древнѣйшемъ мѣстожительствѣ славянъ въ восточной Европѣ, не малую помощь могутъ оказать данныя лингвистики.

Исключительная чистота славянскихъ наименованій отмѣчается изслѣдователями близь верховьевъ рѣки Припяти и въ лѣсистой и низменной мѣстности на правомъ ея берегу[2]). Уже ниже Роси, въ бассейнахъ Ингульца и Ингула и на лѣвомъ берегу Днѣпра немедленно начинаютъ встрѣчаться и неславянскія названія. Къ сѣверу отъ Припяти, въ треугольникѣ, образуемомъ нижнимъ теченіемъ этой рѣки и Днѣпромъ, инородческія названія так-

---

Птоломея очень многіе изслѣдователи относятся съ большимъ недовѣріемъ. Въ этомъ отношеніи очень показателенъ отзывъ Müllenhoff'a: «Diese Systematiker (Маринъ Тирскій и Птоломей) sind erst die wahren Sudelkoche der alten Geographie » (Deutsche Altertumskunde. Berlin. III. 1892. Стр. 95). Ѳ. Браунъ, не соглашаясь со скептическимъ отношеніемъ къ Птоломею (Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. Стр. 343-346), объясняетъ появленіе птоломеевскихъ венедовъ на берегу Балтійскаго моря тѣмъ обстоятельствомъ, что «первоначальный объемъ имени венедовъ неясенъ. Если впослѣдствіи оно и пріурочивается къ славянамъ, то все-таки раньше оно могло имѣть и болѣе общее значеніе, т. е. обнимать всю славяно-балтійскую семью» (Стр. 331).

[1]) Germ. 43-44.

[2]) С. М. Середонинъ. Историческая географія. Стр. 112-114.

же отсутствуютъ[1]), но за предѣлами этого треугольника какъ къ сѣверу, такъ и къ сѣверо-западу отъ него, инородческія наименованія сразу же дѣлаются замѣтными, а въ долинѣ Нѣмана становятся уже преобладающими. Къ западу отъ Припяти на всей территоріи, идущей отъ верховьевъ Западнаго Буга къ Вепрю и Сану, разнаго рода географическія наименованія снова свидѣтельствуютъ о глубочайшей древности славянскаго пребыванія въ этихъ мѣстахъ[2]), но далѣе къ сѣверу отъ верхняго теченія Западнаго Буга, славянскія названія начинаютъ теряться среди неславянскихъ именъ. Наконецъ, самыя Карпаты, на сѣверныхъ склонахъ которыхъ многіе историки думаютъ найти этнографическій центръ прародины славянъ, явно неславянскаго происхожденія. Русская лѣтопись не знаетъ даже слова "Карпаты", а называетъ ихъ "Угорьски" или "Кавкаисийскія" горы, а иногда просто "Горы", хотя названіе Карпаты встрѣчаются уже у Птоломея. Явно неславянскаго происхожденія и наименованія отроговъ Карпатъ-Бескиды, Татры, Мазуры и т. д.[3]).

При пользованіи данными хорографіи самымъ труднымъ бываетъ установить эпоху, когда то или иное наименованіе попало въ данную мѣстность и тѣмъ самымъ опредѣлить, въ какой мѣрѣ древнимъ является поселеніе въ ней той народности, которая принесла съ собой сюда это названіе. Но исключительная чистота названій въ опредѣленной мѣстно-

---

[1]) «Россія» подъ ред. В. П. Семенова. Т. IX. СПБ. 1905. Статья М. В. Довнаръ-Заполскаго и Д. З. Шендрика. «Историческія судьбы Верхняго Поднѣпровья и Бѣлоруссіи»: «небольшое пространство между Днѣпромъ и Припятью, прорѣзанное рѣкой Березиной не носитъ на себѣ слѣдовъ ни финскихъ, ни литовскихъ поселеній, всѣ названія мѣстностей здѣсь чисто славянскаго корня. Стр. 56).

[2]) С. М. Середонинъ. Историч. географія. Стр. 115-117. 117.

[3]) С. М. Середонинъ. Историч. географія. Стр. 118-121.

сти уже не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что народъ, языку котораго эти названія принадлежатъ, поселился здѣсь первымъ. Большое значеніе можетъ имѣть иногда и самый характеръ мѣстныхъ наименованій. Въ послѣднемъ отношеній очень важно то обстоятельство, что на правомъ берегу Припяти, "на сравнительно незначительной территоріи можно встрѣтить всѣ мѣстныя названія, характерныя для областей, которыя впослѣдствіи были заселены славянами", при чемъ, что особенно существенно, мѣстныя названія несомнѣнно общеславянскаго корня, происходятъ иногда отъ тѣхъ словъ, которыя отсутствуютъ въ великорусскомъ и малорусскомъ языкѣ, но встрѣчаются въ другихъ славянскихъ языкахъ[1]).

Такимъ образомъ данныя хорографіи указываютъ, во первыхъ, на правый берегъ Припяти, во-вторыхъ, на треугольникъ, образуемый нижнимъ ея теченіемъ и Днѣпромъ и, наконецъ, на территорію, идущую на западъ отъ Припяти къ верхнему теченію Западнаго Буга и оттуда къ Вепрю и Сану, какъ на мѣста, где славяне не застали никакихъ первыхъ насельниковъ. Характерныя особенности и чистота славянскихъ мѣстныхъ наименованій на правомъ берегу Припяти, сами по себѣ могли бы позволить считать правый берегъ Припяти за этнографическій центръ европейской прародины славянъ. Нѣкоторыя изслѣдователи (Пайскеръ, Фасмеръ, Дворникъ, Середонинъ) и придерживаются этой точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе, чрезвычайная болотистость праваго берега Припяти не позволяетъ искать славянскую прародину въ этой мѣстности. Но, во всякомъ случаѣ, чистота мѣстныхъ наименованій и ихъ общеславянскій характеръ свидѣтельствуетъ, что европейская прародина славянъ находилась въ непосредственной близости отъ верховьевъ Припяти и что никакая другая народность

[1]) Vasmer. Die Urheimat der Slaven. Стр. 136 и 137.

не находилась между славянами и Полѣсьемъ. Это обстоятельство и позволило славянамъ, какъ только осѣдлая жизнь въ Полѣсьѣ для сколько-нибудь значительнаго населенія сдѣлалась возможной, первымъ занять ее и, еще въ эпоху своего языковаго единства, принести съ собой на пустовавшія ранѣе мѣста исключительную чистоту славянскихъ наименованій. Этнографическій центръ славянской прародины, географическій исходный пунктъ славянской экспансіи, на основѣ вышеприведенныхъ лингвистическихъ данныхъ, слѣдуетъ искать въ непосредственной близости отъ истоковъ Припяти, на западъ и юго-западъ отъ нихъ, т. е. на верхнемъ теченіи Западнаго Буга и на территоріи, идущей оттуда къ Веприю и Сану, а также, быть можетъ, на самыхъ верховьяхъ Горыни и Стыря, наиболѣе западныхъ изъ правыхъ притоковъ Припяти.

Кромѣ мѣстныхъ географическихъ именъ при опредѣленіи европейской прародины славянъ большую роль можетъ сыграть и наличіе во всѣхъ славянскихъ языкахъ одинаковыхъ названій для тѣхъ растеній, которыя на востокъ отъ Вислы встрѣчаются только въ опредѣленной мѣстности. Поэтому за послѣднее время научная литература обратила большое вниманіе на тотъ фактъ, что слова тисъ, плющъ и букъ имѣются во всѣхъ славянскихъ языкахъ[1]).

Знакомство всѣхъ славянъ съ тисомъ, плющемъ и букомъ доказываетъ, что эти растенія имѣлись въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили славяне, еще въ ту эпоху, когда они представляли изъ себя единое языковое цѣлое. Такъ какъ при этомъ слово "букъ" заимствовано славянами у германцевъ, то, при на-

---

[1]) См. цитированные выше работы Фасмера, Чекановскаго, А. А. Шахматова, «Очеркъ древн. пер. ист. русск. языка», а также Ростафинскаго « O pierwotnych siedzebach Slowian u przedhistorycznych czasach Sprawozdania z czynnosci i posiedzen Akademii Umiejetnosci w Krakowie. 1908. T. XIII. Nr. 3.

личіи его у всѣхъ славянскихъ народовъ, слѣдуетъ полагать, что въ той мѣстности, гдѣ растетъ букъ, славянскіе насельники застали своихъ предшественниковъ-германцевъ и что явились они туда нѣсколько позднѣе, хотя и еще въ ту эпоху, когда они представляли собой единую языковую семью. Восточныя границы тиса и плюща въ Европѣ проходятъ на недалекомъ разстояніи одна отъ другой. Оба эти растенія заходятъ на востокъ отъ Вислы, при чемъ тисъ доходитъ до верховьевъ Припяти, а граница распространенія плюща лежитъ нѣсколько западнѣе. Верхнее теченіе Западнаго Буга и верховья Вепря и Сана приходятся, слѣдовательно, на ту территорію, гдѣ встрѣчаются оба указанныхъ растенія, въ то время, какъ правый берегъ Припяти остается внѣ ея. Достаточно было затѣмъ сравнительно незначительнаго продвиженія славянъ съ Вепря и Сана по направленію къ сѣвернымъ склонамъ Карпатъ, чтобы они попали и на ту территорію, гдѣ растетъ букъ[1]).

Выводы, получаемые изъ знакомства всѣхъ славянъ съ тисомъ, плющемъ и букомъ, не только не противорѣчатъ даннымъ хорографіи, но еще точнѣе опредѣляютъ этнографическій центръ славянской прародины, помѣщая его въ непосредственной близости отъ верховьевъ рѣки Припяти, на западъ и юго-западъ отъ нея. Дѣйствительно, находясь на территоріи, расположенной восточнѣе Вислы, славяне только отсюда могли еще въ эпоху своего языковаго единства достичь мѣстности, гдѣ растетъ букъ.

---

[1]) См. карту распространенія тиса, плюща и бука, приложенную къ статьѣ Фасмера « Die Urheimat der Slaven » (Стр. 139-140) и аналогичную карту у Чекановскаго « Wstep do historyi Slowian » (Стр. 86). Границы распространенія тиса, плюща и бука въ «Русскомъ историческомъ атласѣ» К. В. Кудрявцева. М. 1928 (Таблица 1,5) нанесены слишкомъ приблизительно. См. также **Hoops Reallexikon d. germ. Altertumskunde. 1. 1913, page 517.**

Значительно менѣе ясны и опредѣленны въ этомъ вопросѣ показанія археологическія. Но и при спорности тѣхъ выводовъ, которые можно получить изъ данныхъ археологіи ихъ все же нельзя совершенно игнорировать при выясненіи вопроса о славянской прародинѣ.

Главный интересъ въ данномъ отношеніи представляютъ "поля погребальныхъ урнъ" или, такъ называемая, "лужицкая культура", но именно она и даетъ больше всего поводовъ къ самымъ серьезнымъ научнымъ разнорѣчіямъ[1]).

Культура «полей погребальныхъ урнъ" или, иначе, "культура Лужицкая" за длительный періодъ своего существованія, — приблизительно отъ 1400 г. по 500 г. по Р. Х., — успѣла широко распространиться въ сѣверномъ, южномъ и восточномъ направленіяхъ отъ мѣста своего первоначальнаго сосредоточенія, находившагося на верхнемъ теченіи Эльбы и Одера[2]). Приблизительно къ серединѣ

---

[1]) Л. Нидерле, не теряющій надежды, что современемъ удастся доказать славянскій характеръ «полей погребальныхъ урнъ», считаетъ, что пока осторожнѣе отказаться отъ окончательныхъ выводовъ по данному вопр «Toutes.. tentatives, tant pour établir le caractère slave des champs d'urnes cinéraires, dits lusaciens et silésiens, de l'Allemagne de l'Est, que pour en tirer les conclusions que ce caractère eut comporté, n'ont abouti qu'à un échec. Leur caractère slave n'a pu être demontré car la connexion de ces champs avec les tombeaux historiques indubitablement slaves ne se laisse pas saisir jusqu'à ce jour, et l'on ne saurait, dans ces conditions qu'admettre tout au plus la possibilité de cette théorie » (Manuel de l'antiquité slave. V. I. Стр. 12; также 21 и др.).

[2]) Лужицкой культурѣ за послѣдніе годы былъ посвященъ рядъ работъ извѣстнаго польскаго археолога Леона Козловскаго. Въ томъ числѣ: « Kultura luzycka a problem pochc dzenia Slowian » Pamiantik IV Powszechnego zjazda Historykow Polskich w Posnaniu. Lwow, 1925 et « Mapy kultury luzyckiej » Kwartalnik Historyczny, 1926. Rocznik XL. Lwow Jan Czekanowski въ своей книгѣ «Wstep do Historyi Slowiar« въ вопросѣ о «лужицкой культурѣ» всецѣло примыкаетъ къ выводамъ Л. Козловскаго. Большое вниманіе «полямъ погребальныхъ урнъ» отводитъ въ своей книгѣ «Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ» и Ю. Готье.

перваго тысячелѣтія до Р. Х. населеніе, оставляющее послѣ себя "поля погребальныхъ урнъ", успѣло уже очень далеко отойти отъ прежнихъ мѣстъ своего жительства. На востокѣ оно достигаетъ устьевъ Вислы, а нѣсколько позднѣе доходитъ до верховьевъ Западнаго Буга и Днѣстра. Весьма правдоподобно предположеніе, что распространеніе Лужицкой культуры было вызвано натискомъ германскихъ племенъ, которыхъ, измѣнившіяся къ худшему, климатическія условія Скандинавіи заставляли переселяться съ полуострова на материкъ. Этотъ натискъ германскихъ племенъ оставилъ на территоріи погребальныхъ урнъ ясные слѣды въ видѣ гробовъ-ящиковъ (grobow skrzynkowych) Движеніе германскихъ племенъ коснулось не только населенія, оставившаго послѣ себя "поля погребальныхъ урнъ", но также и кельтовъ, вызвавши въ ихъ средѣ движеніе на западъ, югъ и юго-востокъ.

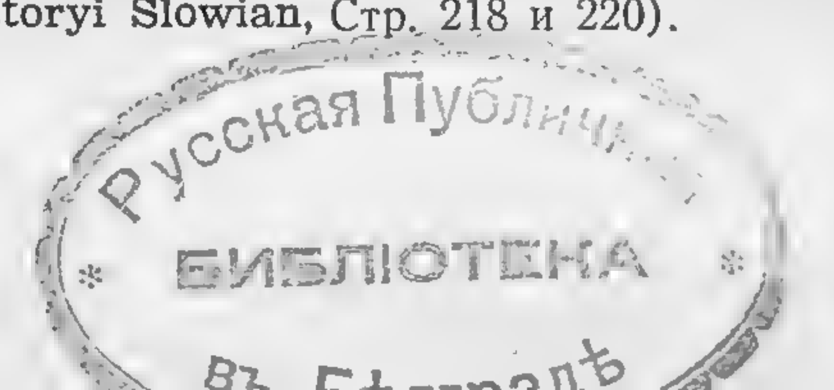
Если культуру лужицкую трудно приписать германцамъ или кельтамъ, то, повидимому, правдоподобнѣе всего отнести ее къ балто-славянамъ той эпохи, когда они составляли единую семью. Близость балтовъ и славянъ общепризнана въ научной литературѣ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что распаденіе, прежде единаго славяно-балтійскаго языка на два принадлежитъ къ числу позднѣйшихъ фактовъ въ исторіи индо-европейскихъ языковъ.

Выдѣленіе славянъ изъ прежде единой, балтославянской, семьи въ отдѣльную языковую группу, очевидно, было возможнымъ только при условіи ихъ сравнительно долгаго пребыванія на относительно ограниченной территоріи, не связанной непосредственно съ той, на которой жили ихъ прежніе родичи.

Карта распространенія лужицкой культуры[1])

---

[1]) См. карты распространенія лужицкой культуры, составленныя Я. Чекановскимъ на основаніи работъ Л. Козловскаго (Wstep do Historyi Slowian, Стр. 218 и 220).

въ серединѣ перваго тысячелѣтія до Р. Х. свидѣтельствуетъ о существованіи какъ бы отдѣльнаго острова лужицкой культуры, приходящагося на верховья: Днѣстра, Западнаго Буга, Горыни и Стыря. Этотъ островъ, образовавшійся въ результатѣ все продолжающагося натиска со стороны населенія, оставляющаго послѣ себя гробы-ящики, нигдѣ не соприкасается съ широко распространенной территоріей "полей погребальныхъ урнъ". Населеніе мѣстности, захватывающей верховья Днѣстра и Западнаго Буга, оказалось изолированнымъ отъ своихъ прежнихъ родичей. Съ этимъ обстоятельствомъ интересно сопоставить тотъ фактъ, что въ такъ называемую доисторическую эпоху въ непосредственный контактъ съ финнами входятъ одни только балтійцы, а съ иранскими племенами, расположенными въ причерноморскихъ степяхъ, одни славяне[1]).

Соприкосновеніе славянъ съ иранцами (скиѳами) не было однако длительнымъ. Германцы въ лицѣ бастарновъ уже въ IV-III вв. до Р. Х. занимаютъ восточныя предгорья Карпатъ и отрѣзаютъ славянъ отъ скиѳовъ, чѣмъ и объясняется сравнительно малое количество иранскихъ словъ, заимствованныхъ славянами. Весьма вѣроятно, что то же продвиженіе германцевъ на юго-востокъ заставило славянъ, не оставляя цѣликомъ всей территоріи, составляющей юго-восточный островъ лужицкой культуры, покинуть его южныя окраины и продвинуться немного къ сѣверу.

Около 500 г. до Р. Х. заканчивается вообще основной циклъ развитія лужицкой культуры и въ дальнѣйшемъ, подъ воздѣйствіемъ новыхъ культурныхъ вліяній она теряетъ свой первоначальный

---

[1]) А. А. Шахматовъ: «судя по даннымъ языка, взаимнаго общенія славянъ и финновъ восточныхъ въ доисторическія времена не было» (Очеркъ древн. пер. исторіи рус. яз.Стр. XI). J. Czekanowski. Wstep do Historyi Slowian.. Стр. 88 и 222.

чистый характеръ[1]). При послѣдующемъ распространеніи "полей погребальныхъ урнъ", имѣвшемъ мѣсто какъ до Р. Х., такъ и въ первые вѣка послѣ него[2]), наряду съ трупосожженіемъ въ нихъ встрѣчается зарываніе покойника въ землю.

Археологическія данныя, при допущеніи, что лужицкая культура въ своей начальной основной стадіи принадлежитъ балто-славянамъ, въ общемъ не противорѣчатъ полученнымъ выше выводамъ и даже прибавляютъ къ нимъ то цѣнное, что опредѣляютъ время раздѣленія балто-славянской группы и образованія отдѣльной славянской народности, что произошло приблизительно въ половинѣ перваго тысячелѣтія до Р. Х.

Въ результатѣ, совокупность литературныхъ, лингвистическихъ и археологическихъ показаній приводитъ къ выводу, что прародиной венедовъ-славянъ, мѣстностью ихъ первоначальнаго и постояннаго пребыванія въ Европѣ, является область, расположенная къ востоку отъ Вислы, а именно территорія, доходящая на востокѣ до верховьевъ Припяти, а на западѣ и юго-западѣ включающая верхнее теченіе Западнаго Буга и верхнія теченія Вепря и Сана[3]).

---

[1]) J. Czekanowski. Wstep do Historyi Slowian. Стр. 220

[2]) Ю. Готье. Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 6, 8-9, 12, 14-15 и др.

[3]) Дополнительнымъ аргументомъ въ пользу помѣщенія славянской прародины по верхнему теченію рѣки Буга въ направленіи къ Вепрю и Сану, возможно, можетъ служить и упоминаніе въ произведеніяхъ Павла Дьякона области Anthaib, черезъ которую проходили лонгобарды во время своего переселения съ сѣвера въ придунайскія страны. Если согласиться, что Anthaib означаетъ «край Антовъ» и что данное названіе перешло къ лангбардамъ отъ готовъ — за готскую традицію высказываются Ѳ. Браунъ (Разысканія въ области славяноготскихъ отношеній .Стр. 308-309) и А. Н. Веселовскій (Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Р. Ак. Н. 1901, 1 стр. 26-27), — то необходимо будетъ примкнуть къ мнѣнію Ф. Вестберга, что лонгобарды могли встрѣтиться съ славянами-антами только неподалеку отъ верховьевъ Сана и Днѣстра (Zur

Указанныя границы славянской прародины не оставались, однако, неизмѣнными до самаго распаденія славянъ на основныя группы. Еще въ эпоху языковаго единства славянъ произошло замѣтное расширеніе границъ ихъ первоначальнаго мѣстожительства, при чемъ они частью разселились на смежныхъ, пустовавшихъ, до сихъ поръ мѣстахъ,частью заняли земли, гдѣ нашли своихъ предшественниковъ, успѣвшихъ оставить послѣ себя различныя топографическія наименованія и названія растеній. Процессъ этого разселенія совершенно скрытъ отъ

Wanderungender Longobarden),(Стр. 28). Возраженія сдѣланныя Ф. Вестбергу М. Грушевскимъ (Кіевская Русь. Стр. 206-207, прим. 3), не убѣдительны, т. к. они заранѣе исходятъ изъ предположенія, что центръ славянской прародины находится на среднемъ Днѣпрѣ.

Наконецъ, къ рѣшенію того же вопроса о славянской прародинѣ, могутъ быть привлечены и знаменитые «невры» Геродота. «Начиная отъ торжища Борисѳенитовъ, пишетъ Геродотъ, первыми живутъ Каллипиды, являющіеся эллино-скиѳами, а выше ихъ другое племя, которое именуется алазонами. Выше алазоновъ живутъ скиѳы-пахари, которые сѣютъ хлѣбъ не для собственнаго употребленія въ пищу, а въ продажу. Выше ихъ живутъ невры, а страна къ сѣверу отъ невровъ, насколько мы знаемъ,не заселена людьми»(IV, 17). Такъ какъ территоріальное положеніе геродотовскихъ невровъ, при желаніи, легко можетъ быть пріурочено къ мѣстности, расположенной между сѣверными склонами Карпатъ и среднимъ Днѣпромъ, и такъ какъ топографическія названія Неръ, Нуръ, Нурецъ, Нурская земля, Наревъ, Наровля, встрѣчающіяся въ долинѣ Нѣмана и особенно часто на правомъ берегу Припяти, нерѣдко признаются находящимися въ прямомъ лингвистическомъ родствѣ съ именемъ невровъ, то и въ иностранной и русской ученой литературѣ довольно широко распространено мнѣніе, что невры являются предками Тацитовскихъ венедовъ. Краткая и довольно загадочная фраза «Повѣсти времянныхъ лѣтъ» — «Норци иже суть славяне» — также привлекается иногда для доказательства славянства невровъ. Уже Шафарикъ въ своихъ «славянскихъ древностяхъ» высказалъ мнѣніе, что невры — славяне. За нимъ послѣдовалъ Томащекъ, который пишетъ въ своей « Kritik der ältesten Nachrichten über der skytischen Norden » (Sitzungsberichten der Ak. der Wissenschaften zu Wie 1888 CXVII) : « Die gleichheit der Neuren mit den späteren Slaven wird jetzt allgemein

глазъ историка и многое представляется здѣсь совершенно загадочнымъ. Возможно, что постепенный ходъ освоенія единымъ славянствомъ новыхъ пространствъ можетъ быть въ нѣкоторой мѣрѣ освѣщенъ степенью распространенія общеславянскихъ топографическихъ названій въ мѣстностяхъ съ инородческими наименованіями, количествомъ словъ заимствованныхъ славянами у различныхъ народностей, а также самымъ характеромъ мѣст-

---

annerkannt. In der That hat diese Anschicht alles für sich ». Того же мнѣнія, хотя и въ менѣе категорической формѣ держится Л. Нидерле (Il me paraît... que les Neuriens n'étaient autres que des Slaves de l'Est établis dans les régions qui constituent actuellement la Volynie, le pays de Kiev et le bassin de Pripet » - Manuel de l'antiquité slave VI стр. 174) и польскіе ученые Л. Козловскій и Я. Чекановскій. Очень опредѣленно высказывается въ пользу славянства невровъ и рядъ русскихъ ученыхъ. Ѳ. Браунъ въ своихъ «Разысканіяхъ въ области гото-славянскихъ отношеній» утверждаетъ: «что невры-славяне въ этомъ не можетъ быть сомнѣній... Сохраненіе цѣлаго ряда топографическихъ названій... въ области Припяти и Нѣмана, т. е. именно въ странѣ геродотовскихъ невровъ служитъ неопровержимымъ доказательствомъ въ ея (теоріи о тождествѣ невровъ со славянами) пользу» (стр. 82-83). С. М. Середонинъ полагаетъ, что мы «имѣемъ право видѣть здѣсь, въ долинѣ Припяти, прародину славянъ въ Европѣ и въ неврахъ Геродота — славянъ» (Историческая географіи. Стр. 34). Ю. Готье также настаиваетъ на этнографическомъ тождествѣ невровъ-венетовъ-славянъ. (Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 27-28, 204-205 и др.). А. Л. Погодинъ въ своей работѣ «Къ вопросу о геродотовскихъ неврахъ» (Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Р. А. Н. 1902 г. VII кн. 4 стр. 346-353), отказавшись отъ своего прежняго взгляда на невровъ, призналъ въ нихъ славянъ.

При всей научной поддержкѣ, которая была оказана теоріи, отождествляющей невровъ со славянами, послѣдняя можетъ быть, однако, признана не болѣе, какъ правдоподобной научной гипотезой. Вполнѣ законно и скептическое отношеніе къ вопросу. « Nous ignorons absolument tout, пишетъ извѣстный польскій филологъ Развадовскій, sur la langue et sur la nationalité de Nura » (Remarques critiques sur la patrie, dite primitive, des peuples slaves. Докладъ, помѣщен. въ сборникѣ. Conférences des historiens des Etats de l'Europe orientale et du monde slave, II partie. Varsovie. 1928. Стр. 161). А. А. Шахматовъ все время считалъ невровъ за финновъ, а М. Грушев-

ныхъ славянскихъ названій, которыя могутъ заключать въ себѣ намеки и воспоминанія о прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства[1]). Во всякомъ случаѣ еще въ эпоху своего языковаго единства славяне прочно заняли правый берегъ Припяти, а на нижнемъ ея теченіи перешли и на лѣвую ея сторону; по направленію къ Карпатамъ они переступили черезъ восточную границу бука, наконецъ, подошли и къ самымъ сѣвернымъ склонамъ Карпатъ; на югѣ же снова заняли верховья Днѣстра и, быть можетъ, продвинулись къ верховьямъ Южнаго Буга. Въ этихъ условіяхъ становится понятнымъ, что, по словамъ Тацита, славяне въ концѣ 1-го вѣка по Р. Х.

скій, ранѣе признавшій ихъ за славянъ (Кіевская Русь, стр. 131), впослѣдствіи поколебался въ своемъ убѣжденіи. «Я, пишетъ онъ, пока не буду углубляться въ этотъ вопросъ во вниманіе къ цѣннымъ, во всякомъ случаѣ, предостереженіямъ акад. Мара» (Статья, помѣщенная въ сборникѣ «Киів та його околиця» Киів. 1926 г. Стр. 15).

[1]) Фасмеръ заканчиваетъ свои соображенія по поводу славянскихъ наименованій, распространенныхъ вокругъ бассейна Припяти, слѣдующимъ интереснымъ замѣчаніемъ: « schliesslich sind auch russiche Ortsnamen vom Typus Zarecie, Zacholmie und s-w. von Wichtigkeit. Sie ermöglichen es die Richtung der Besiedelung einer Gegend zu bestimmen. Be trachtet man sie von diesem Standpunkt, dann fällt auf, das sie alle auf das Pripet-Gebiet, als Ausgangspunkt hinweisen ». (Die Urheimat der Slaven, Стр. 137). Развадовскій остается скептикомъ и въ данномъ вопросѣ. По его мнѣнію, даже въ глубочайшую древность понятія языка и народности не совпадали. « Les sociétés primitives et passives, говоритъ онъ, changent peut-être plus facilement la langue que les sociétés plus avancées et plus actives ». Поэтому постепенное распространеніе славянскихъ наименованій можетъ указывать не на разселеніе славянъ, а исключительно на побѣду ихъ языка. Самые славяне въ теченіе первыхъ вѣковъ по Р. Х. « étaient simplement des peuples parlant des langues slaves » (Remarques critiques sur la patrie, dite primitve des peuples slaves стр. 158 и 157). Но въ глубокой древности единство языка, во всякомъ случаѣ, въ значительно большей степени, чѣмъ теперь, способствовало сознанію своей противоположности по отношенію къ тѣмъ, кто говоритъ на другомъ языкѣ. Главнѣйшій аргументъ, приводимый составителемъ «Повѣсти времянныхъ лѣтъ», въ защиту излюбленной

могли совершать набѣги на «певкиновъ и фенновъ".

Трудно, однако, допустить, какъ это дѣлаютъ нерѣдко ученые изслѣдователи,что уже въ "доисторическую " эпоху славяне занимали также бассейнъ средняго Днѣпра и, въ частности, ту мѣстность, гдѣ впослѣдствiи возникъ Кiевъ[1]). Въ этой области они неминуемо должны были бы войти въ непосредственное соприкосновенiе съ финнами, чего, какъ извѣстно, въ ту эпоху не произошло. Сами славяне, жившiе въ Кiевѣ, считали себя сравнительно поздними пришельцами. Въ противномъ случаѣ "Повѣсть времянныхъ лѣтъ", несомнѣнно воспроизводящая въ данномъ случаѣ мѣстное преданiе, не могла бы утверждать, что занятiе полянской земли произошло послѣ того какъ выдѣлившееся изъ единой славянской земли, восточное славянство само успѣло разбиться на отдѣльныя племена. Наименованiе лѣваго притока Днѣпра не шуей, а Десной, какъ и такое же наименованiе Десной лѣваго притока Южнаго Буга, какъ это неоднократно отмѣчалось, показываетъ, что къ области средняго Днѣпра славяне подошли съ юга, направляясь сюда уже изъ причерноморскихъ земель. Наконецъ, и самое названiе Днѣпръ не славянское. Л. Нидерле и А. Соболевскiй считаютъ его скиѳо-сарматскимъ[2]).

имъ идеи объ единствѣ всѣхъ восточныхъ славянъ, состоитъ въ томъ, что эти славяне говорили на одномъ языкѣ :«аще и Поляне звахуся, но Словѣньская рѣчь бѣ, Полями же прозвашася занеже въ полѣ сѣдяху, языкъ Словѣньскый бѣ имъ единъ».

[1]) Этого мнѣнiя придерживаются, въ частности, Л. Нидерле, Фасмеръ, М. Любавскiй и М. Грушевскiй.

[2]) Нѣсколько времени тому назадъ А. А. Шахматовъ выступилъ съ новой теорiей славянской прародины. «Я признаю, пишетъ онъ, славянъ сѣверными сосѣдями Балтiйцевъ. Ихъ прародину я ищу поэтому также у Балтiйскаго моря, въ бассейнѣ Западной Двины; возможно, что поселенiя славянъ уходили далеко вглубь материка, доходя до великихъ озеръ, но главнымъ центромъ ихъ племенного и культурнаго единства было Балтiйское побережье» (Очеркъ древн. исторiи

Такимъ образомъ тѣ изъ славянъ, которые "по мнозѣхъ времянѣхъ" поселились близъ Чернаго моря и, въ частности, неподалеку отъ устьевъ Дуная, явились сюда, покинувъ свою прародину. Очевид-

---

русск. яз. Стр. XIII). Свое мнѣніе А. А. Шахматовъ подтверждаетъ соображеніями, главнымъ образомъ, филологическаго характера. Въ первую очередь онъ указываетъ на наличіе «въ общеславянскомъ языкѣ» такихъ словъ, какъ тисъ, плющъ и море. Послѣднее слово, по его мнѣнію», «доказываетъ знакомство славянъ съ моремъ, а, слѣдовательно и сосѣдство съ нимъ». Съ тисомъ и плющомъ, какъ онъ полагаетъ, славяне познакомились на Балтійскомъ побережьѣ, гдѣ оба эти растенія встрѣчаются. Но, говоря о тисѣ и плющѣ, А. А. Шахматовъ оставилъ безъ достаточнаго вниманія букъ. А именно онъ и локализуетъ славянскую прародину не на Балтійскомъ побережьѣ, а значительно южнѣе. Так. обр. основное доказательство А. А. Шахматова оказывается неубѣдительнымъ (П.А. Бузукъ, считающій «главнымъ доказательствомъ» теоріи А. А. Шахматова именно, «присутствіе во всѣхъ славянскихъ языкахъ словъ тисъ и плющъ», приводитъ рядъ соображеній, которыя не позволяютъ ему согласиться съ этой теоріей. Изв. отд. русск. яз. и слов. Р. . Н. т. XXIII, кн. 2. 1921 г. Стр. 152). что касается слова море, то оно легко могло оказаться въ славянскомъ праязыкѣ не въ результатѣ непосредственнаго пребыванія славянъ у береговъ балтійскаго моря, а благодаря заимствованію. Самъ А. А. Шахматовъ указываетъ на случай заимствованія славянами чуть ли не единственнаго греческаго слова — Κοράβιον —славянскій корабль, — считая возможнымъ, что оно «попало къ славянамъ черезъ тѣхъ или другихъ посредниковъ». Такое усвоеніе славянскимъ праязыкомъ греческаго слова естественно подразумѣваетъ какую-то форму сношеній со славянской прародины съ черноморскимъ побережьемъ. Такія сношенія, и къ тому же по географическимъ условіямъ гораздо болѣе доступныя, должны были существовать у славянъ и съ Балтійскимъ побережьемъ,въ особенности, съ тѣхъ поръ, какъ римляне, со временъ императора Нерона, стали ѣздить изъ Италіи на Балтійское побережье за янтаремъ. Одна изъ обычныхъ дорогъ, которой пользовались въ этихъ случаяхъ римляне проходила какъ разъ нѣсколько западнѣе Припяти. (Sadowski. Die Handelstrassen der Griechen und Römer durch Flussgebiet der Oder, Weischel, des Dniepr und Nieman an die Gestade des Baltischen Meeres. Jena. 1877. Стр. 77-78, 171-172; Θ. Браунъ. Разысканія въ области славяноготскихъ отношеній. Стр. 88). Какъ славянскій корабль — греческое Κοράβιον — такъ и славянское море, — римское mare

но, что, по крайней мѣрѣ, этихъ славянъ прежнія условія жизни уже болѣе не удовлетворяли и что въ исконномъ славянскомъ быту наступилъ какой-то кризисъ.

— въ этихъ условіяхъ одинаково могли попасть къ славянамъ черезъ «тѣхъ или иныхъ посредниковъ».

Мнѣніе А. А. Шахматова о балтійской прародинѣ славянъ, въ ученой литературѣ остается, повидимому, довольно одинокимъ. Тѣмъ не менѣе «Русскій историческій атласъ» К. В. Кудряшова, изданный въ Москвѣ въ 1928 г., изображаетъ славянскую прародину примѣнительно къ выводамъ А. А. Шахматова. Самъ авторъ теоріи балтійской славянской прародины въ своей послѣдней работѣ, повидимому, нѣсколько поколебался въ своихъ прежнихъ взглядахъ на этотъ вопросъ. По крайней мѣрѣ въ «Древнѣйшихъ судьбахъ русскаго племени» онъ пишетъ: «оставляю вопросъ, откуда именно славяне попали въ Повислинье, открытымъ» (Стр. 12-131).

Другіе представители современнаго научнаго знанія въ большинствѣ случаевъ помѣщаютъ славянскую прародину въ томъ или иномъ мѣстѣ между верхней Вислой, Карпатами, Днѣпромъ, включая иногда въ ея составъ даже бассейны лѣвыхъ притоковъ средняго Днѣпра. Во всякомъ случаѣ научные изслѣдователи, говоря о славянской прародинѣ, постоянно рисуютъ ее въ томъ видѣ, какой она приняла уже въ результатѣ разселенія славянъ въ эпоху ихъ языковаго единства изъ области ихъ первоначальнаго мѣстожительства въ Восточной Европѣ. Примѣромъ наиболѣе обычнаго и распространеннаго представленія о славянской прародинѣ, могутъ служить утвержденія въ русской литературѣ М. Любавскаго и въ иностранной Ф. Дворника. «Ученые, пишетъ М. Любавскій, опредѣляя по даннымъ географической номенклатуры и могильнымъ раскопкамъ, по даннымъ сравнительнаго языковѣдѣнія исконное мѣстожительство славянъ въ Европѣ, склонны въ настоящее время думать, что «славянская прародина» захватывала бассейнъ Вислы, Карпатскую горную страну, бассейнъ Припяти, Средняго Днѣпра, съ низовьями Березины и Десны включительно и верховья Днѣстра и Ю. Буга» (Лекціи по древней русской исторіи до конца XV в., стр. 31). Нѣсколько менѣе широко, но и болѣе неопредѣленно рисуетъ себѣ славянскую прародину Ф. Дворникъ: «nous savons à présent que les Slaves avait leur habitat primitif au Nord des Carpathes, à l'ouest de la Russie actuelle, surtout dans le bassin de Pripet» (Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle. Paris. 1925 page 2).

ГЛАВА III.

Когда въ VI в. по Р. Х. готскій писатель Іорданъ (умеръ послѣ 552 г.) и византійскій Прокопій (умеръ въ 562 г.) заговорили о славянахъ, то они не застали уже славянскую семью единой. Первой, приблизительно, въ III столѣтіи, отдѣлилась отъ славянъ западная вѣтвь. Остальные славяне, по отдѣленіи этой вѣтви, долгое время продолжали жить совмѣстно, что "видно изъ тѣхъ звуковыхъ измѣненій, которыя общи южному и восточному славянству, но не извѣстны западному"[1]). Во всякомъ случаѣ ко времени Іордана и Прокопія отдѣленіе восточныхъ славянъ отъ южныхъ уже произошло.

На югъ славяне пришли несомнѣнно въ составѣ двухъ вѣтвей. "Къ Дунаю, пишетъ Іорданъ[2]), прилегаетъ Дакія, какъ вѣнцомъ огражденная высокими горами, по ихъ лѣвой сторонѣ, обращенной къ сѣверу, на неизмѣримомъ пространствѣ обитаетъ великій народъ венедовъ. Хотя имя ихъ и мѣняется теперь въ зависимости отъ племенъ и мѣстъ, но главныя названія ихъ склавены и анты[3]). Склавены живутъ отъ города Новіодунскаго и озера, называемаго Мурсіанскимъ, до Днѣстра и на сѣверъ до Вислы, роль городовъ у нихъ играютъ болота и лѣса. Анты же, самые сильные изъ нихъ,

---

[1]) А. А. Шахматовъ. Очерки древн. пер. исторіи русск. языка. Стр. XVII.

[2]) De getarum origine gestibusque, V.

[3]) Quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutentur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur.

тамъ гдѣ берегъ моря загибается, простираются отъ Днѣстра".

Извѣстія Прокопія въ одномъ отношеніи дополняютъ сообщенія Іордана. Прокопій также говоритъ, что "славяне и анты живутъ за Дунаемъ недалеко отъ берега"; но вмѣстѣ съ тѣмъ, по его словамъ, анты на востокѣ приблизились уже къ Дону. Разсказывая о народахъ, живущихъ около Азовскаго моря (Меотиды), Прокопій сообщаетъ, что за народами, находящимися по обѣ стороны Азовскаго моря, "далѣе на сѣверъ живутъ безчисленные народы антовъ"[1]).

Много скрытыхъ отъ глазъ историка событій, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго характера, должно было произойти въ жизни Тацитовскихъ венедовъ-славянъ, прежде чѣмъ значительная часть ихъ оказалась на югѣ, далеко отъ своей прародины, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застаютъ Іорданъ и Прокопій. Часть восточныхъ славянъ, совершившая этотъ трудный и сложный по тѣмъ временамъ переходъ, на новыхъ своихъ мѣстахъ оказалась въ обстановкѣ совершенно несхожей съ обстановкой исконнаго славянскаго мѣстожительства, въ сосѣдствѣ съ неизвѣстными дотолѣ народами и неподалеку отъ высоко-культурной и богатой Византіи. Колонизація такихъ большихъ пространствъ, о которыхъ говорятъ Іорданъ и Прокопій не могла не потребовать для своего завершенія большого промежутка времени. Оба писателя отмѣчаютъ только заключительный для ихъ эпохи моментъ длительнаго колонизаціоннаго процесса. Въ теченіе всего этого длительнаго періода старый общественный укладъ восточныхъ славянъ подвергался всѣмъ серьезнымъ испытаніямъ переселенія и размѣщенія по новымъ мѣстамъ; многіе народы, напримѣръ уг-

[1]) De bello gotico. IV, 4. «Καὶ αὐτῶν καθύπερθεν ἐς βορρᾶν ἄνεμον ἔθνη τὰ Ἀντῶν ἄμετρα ἱδρύνται» .

ры, начинали свое переселеніе въ условіяхъ племенного или родового строя, а кончали его въ государственномъ быту. Послѣ перехода въ новую обстановку славянамъ предстояло еще кромѣ того попасть и подъ воздѣйствіе новыхъ условій жизни. Всѣхъ этихъ испытаній старый общественный укладъ восточныхъ славянъ не выдержалъ. Пребываніе восточныхъ славянъ на югѣ, въ при-черноморскихъ степяхъ, на первыхъ же порахъ въ сильнѣйшей мѣрѣ способствовало закрѣпленію и дальнѣйшему развитію тѣхъ измѣненій въ ихъ жизни, которыя, какъ это можно полагать, произошли уже въ эпоху военныхъ столкновеній славянъ съ готами.

Въ VI вѣкѣ и въ началѣ VII-го столѣтія писатели, знающіе уже сравнительно хорошо восточныхъ славянъ, неизмѣнно называютъ ихъ однимъ и тѣмъ же словомъ — "анты".

Слово "антъ" явно не славянскаго происхожденія. Тѣмъ не менѣе славянство антовъ устанавливается, прежде всего, ясными свидѣтельствами Іордана и Прокопія. Первый говоритъ, что венеды (славяне) включаютъ въ себя два главнѣйшихъ племени — славянъ и антовъ. Второй, различая антовъ отъ славянъ (родоначальниковъ южныхъ славянъ), знаетъ, что "прежде они составляли одинъ народъ, и теперь еще они говорятъ однимъ языкомъ и не отличаются другъ отъ друга внѣшнимъ видомъ". Ясно только, что тѣ, кого иностранные писатели называли "антами", сами должны были звать себя какимъ-то другимъ именемъ.

Въ ученой литературѣ славянство антовъ, въ настоящее время какъ общее правило, не вызываетъ сомнѣній[1]). Но относительно дальнѣйшаго существуетъ не мало разногласій.

---

[1]) Необходимо, однако, отмѣтить, что еще сравнительно недавно А. И. Соболевскій въ своей статьѣ «Русско-скиѳскіе этюды» (Извѣстія отд. русск. яз. и слов. Р. А. Н. 1927 г. т. XXVI) писалъ: «за Антами утвердилось мнѣніе, что они

Въ антахъ видятъ или всѣхъ восточныхъ славянъ, или предковъ только однихъ, южно-русскихъ, славянъ, или же, наконецъ, собирательное имя для части южно-русскихъ племенъ, объединенныхъ подъ властью одного племени, носившаго имя — анты[1]).

были извѣстная группа славянскихъ племенъ. Безъ основанія. Данныя источниковъ, особенно Іордана и Маврикія, не даютъ права на отождествленіе ихъ со славянами... Личное имя собственное Ἄντας указанное А. Л. Погодинымъ въ греческой надписи сѣвернаго берега Понта, говоритъ о томъ, что около Р. Х. скиѳское племя съ этимъ названіемъ жило близъ Азовскаго моря». Въ дальнѣйшемъ А. И. Соболевскій считаетъ, однако, возможнымъ, что «нѣкоторыя славянскія племена историческаго врмени — потомки скиѳскихъ племенъ, смѣшавшихся со славянами и утратившихъ свой языкъ, но сохранившихъ свои скиѳскія названія» (Стр. 8). Извѣстный русскій археологъ А. Спицынъ до послѣдняго времени колебался въ вопросѣ объ исконномъ славянствѣ антовъ, задавая вопросъ, «есть ли анты чисто славянское племя», и допуская, что они могли быть «какимъ то славянизированнымъ племенемъ» (Археологія въ темахъ начальной русской исторіи. Въ сборн. статей посвященныхъ С. Ф. Платонову. ПБГ. 1922. Стр. 9). Задолго до А. Соболевскаго и А. Спицына, и при томъ въ весьма категорической формѣ, А. Куникъ отказывался видѣть въ антахъ славянъ. «Анты, писалъ онъ, по происхожденію своему, не были, дѣйствительно, славянами, а лишь династами азіатскаго (черкесскаго?) происхожденія, подчинившими себѣ черноморскихъ славянъ въ 6-мъ столѣтіи» (Извѣстія Ал.-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ. Статьи и разысканія А. Куника и барона В. Розена. Ч. I. СПБ. 1878. Стр. 147). Соображенія А. Куника оказались воспринятыми и въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ иностранной ученой литературы. См. напримѣръ ст. E. Denis въ « Histoire générale du IV-me siècle à nos jours », изданную подъ редакціей E. Lavisse et A. Rambaud (V. I. Paris. 1893). Въ этой статьѣ E. Denis почти дословно повторяетъ мнѣніе А. Куника: «on a cru pendant longtemps que le nom d'Antes s'appliquait aussi à des peuples slaves; on admet plus volontiers aujourd'hui quil désigne des chefs d'origine asiatique, qui avaient établi leur domination sur certaines tribus slaves des bords de la mer Noire». (Стр. 691).

[1]) С. М. Середонинъ, А. А. Шахматовъ и Ю. Готье видятъ въ антахъ предковъ всѣхъ вообще восточныхъ славянъ. М. Грушевскій считаетъ, что анты, «это племена, создавшія то

Не трудно замѣтить, что слово антъ употребляется Іорданомъ въ двоякомъ значеніи. Съ одной стороны — это одно изъ многочисленныхъ подраздѣленій славянъ, на которые они распадаются "въ зависимости отъ племенъ и мѣстъ". Если, говоря о восточныхъ славянахъ, Іорданъ не перечисляетъ всѣхъ славянскихъ племенъ, и называетъ однихъ антовъ, то онъ дѣлаетъ это потому, что "анты самые сильные изъ нихъ". Съ другой стороны — анты есть нѣчто большее. Это всѣ тѣ восточные славяне, которые на югѣ живутъ отъ Днѣстра до Днѣпра, а, по словамъ Прокопія, даже до Дона. Въ этомъ широкомъ смыслѣ анты, дѣйствительно являются собирательнымъ словомъ. Собирательный характеръ антскаго племени и сложный племенной составъ антовъ особенно ясно вскрывается въ словахъ Прокопія, когда онъ говоритъ, что къ сѣверу отъ народовъ, находящихся по обѣимъ сторонамъ Азовскаго моря "живутъ безчисленные народы Антовъ". Прокопій не говоритъ, безчисленные анты, а именно "безчисленные народы" антовъ.

этнографическое цѣлое, которое мы теперь называемъ украино-русскимъ» (Історія Украіни-Руси, т. II. Стр. 102). Въ своей послѣдней статьѣ, помѣщенной въ сборникѣ «Київ та його околиця», М. Грушевскій, признавая антовъ за предковъ южно-русскихъ племенъ (стр. 19), по существу измѣняетъ только названіе того этнографическаго цѣлаго, которое онъ раньше называлъ «украино-русскимъ». Поэтому чистымъ недоразумѣніемъ со стороны М. Грушевскаго является его утвержденіе, что въ новомъ ея видѣ его теорія ничѣмъ не отличается отъ теоріи Л. Нидерле. Несомнѣнно, что послѣдній, видѣвшій въ антахъ только часть южно-русскихъ племенъ, имѣлъ всѣ основанія утверждать относительно антовъ: « ce n'était donc pas un peuple particulier, petit russien ou ukrainien, comme le voudraient plusieurs théories récentes ». Собственное свое мнѣніе объ антахъ Л. Нидерле формулируетъ слѣдующимъ образомъ:«le peuple des Antes ou plutôt le groupe des Antes se composait d'un grand nombre de tribus parentes de la Russie du Sud, réunies sous le gouvernement d'une seul tribue, celle des Antes, ou d'une seule dynastie» (Manuel de l'antiquité Slave V.I., Стр. 191-192).

Въ этомъ широкомъ собирательномъ смыслѣ объ антахъ и говорятъ обычно литературные памятники VI-го столѣтія и начала VII в.

Опредѣлить объемъ собирательнаго понятія анты довольно трудно. Литературные источники VI и VII вв. говорятъ объ антахъ, проживающихъ неподалеку или сравнительно неподалеку отъ Чернаго моря. Между тѣмъ врядъ ли всѣ восточные славяне покинули свою прародину ради благодатнаго юга[1]). Возможно, что именно большинство осталось на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Іорданъ опредѣленно говоритъ, что и въ его время «по сѣверной сторонѣ Карпатъ отъ верховьевъ Вислы обитаетъ великій народъ венедовъ". Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ славянскихъ"племенъ"вообще никогда не покидали своей прародины, а другіе, начавши свое переселеніе значительно позднѣе, двигались уже не на югъ, а на сѣверъ или сѣверо-востокъ. Невозможно сказать, какъ далеко на сѣверъ по направленію къ славянской прародинѣ или на нее самое рас-

---

[1]) А. А. Шахматовъ считаетъ, что на югъ переселилось со своей прародины все восточное славянство въ его цѣломъ, весь «безчисленный» народъ Іордана и Прокопія. (Древнѣйшія судьбы русскаго племени. Стр. 12 и 22). Ю. Готье на основаніи археологическихъ данныхъ говоритъ: «мы должны будемъ признать, что древнюю колыбель сохранили за собой частью западные славяне, частью восточные славяне — западные племена русской группы». (Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 43). Приблизительно того же мнѣнія держится и С. М. Середонинъ (Историческая географія. Стр. 121-122). Е. Ф. Карскій въ своей книгѣ «Бѣлоруссы» (Кн. I. Вильно. 1904) весьма убѣдительно доказываетъ, что главная масса славянъ, заселявшихъ Бѣлоруссію, не покидала своей прародины, а оставлявшіе ее двигались въ сѣверномъ направленіи (стр. 62-63). Мнѣніе А. А. Шахматова, что область между Днѣстромъ и Днѣпромъ явилась въ VI в. прародиной для всего восточнаго славянства, является по существу ничѣмъ не доказаннымъ, и П. А. Бузукъ былъ правъ, когда онъ, разбирая теорію А. А. Шахматова пришелъ къ выводу, что «нѣкоторые изъ русскихъ племенъ могли оказаться болѣе привязанными къ мѣстамъ своего жительства» (Извѣстія отд. русск. яз. и слов. Р. А. Н. XXIII, кн. 2. 1921 г. Стр. 175).

пространялись тѣ условія, которыя привели на югѣ къ обозначенію цѣлаго ряда племенъ однимъ словомъ анты. Поэтому въ антахъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, осторожнѣе всего видѣть собирательное имя для значительной части восточнаго славянства.

Каковы были тѣ условія, которыя создали изъ слова анты собирательное имя для значительнаго числа восточно-славянскихъ племенъ? Основное условіе было съ совершенной отчетливостью формулировано еще Іорданомъ. Анты, въ узкомъ значеніи этого слова, — "самое сильное" изъ всѣхъ восточно-славянскихъ племенъ. Подъ перомъ автора, оцѣнивающаго чуждые ему народы, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія военныхъ событій и знакомящаго съ ними въ связи съ разсказомъ о тѣхъ или иныхъ военныхъ столкновеніяхъ готовъ[1]), эпитетъ "сильный" можетъ означать только то, что анты воинственный народъ, сумѣвшій доказать свою силу побѣдой надъ другими. Именно эта сила антовъ, ихъ способность навязать свою волю другимъ, и заставляютъ писателей VI вѣка, разсказывающихъ о нападеніяхъ славянъ на Византію, когда дѣло касалось восточныхъ славянъ, не перечислять отдѣльныя восточно-славянскія племена, а неизмѣнно называть ихъ собирательнымъ именемъ — анты.

Называть болѣе слабыя народности именемъ того одного народа, которому въ данномъ случаѣ принадлежитъ руководящая роль, — это старая традиція, свойственная еще и отцу исторіи", Геродоту. Въ VI-мъ столѣтіи по Р. Х. она была въ полной силѣ[2]). Ее отмѣтилъ со всей присущей ему вы-

---

[1]) Ср. Тацитъ Germ. I. «Недавно узнали нѣсколько германскихъ народовъ и нѣсколькихъ королей, это война ихъ открыла».

[2]) Традиція эта не умерла впрочемъ и въ наше время. Мы говоримъ о нашествіи «французовъ» въ 1812 г., хотя французы, въ точномъ смыслѣ этого слова, не составляли и половины «Великой Арміи» Наполеона.

разительностью еще Н. В. Гоголь, когда онъ готовился къ профессорской дѣятельности и собиралъ матеріалы для своихъ предстоящихъ лекцій. "Промчались, пишетъ Н. В. Гоголь, оглушительныя нашествія Гунновъ, Аваровъ, Аноковъ, Угровъ, Готовъ. Ихъ толпы состояли изъ многихъ покоренныхъ, но имя вождя и народа побѣдителя одно звучало"[1]).

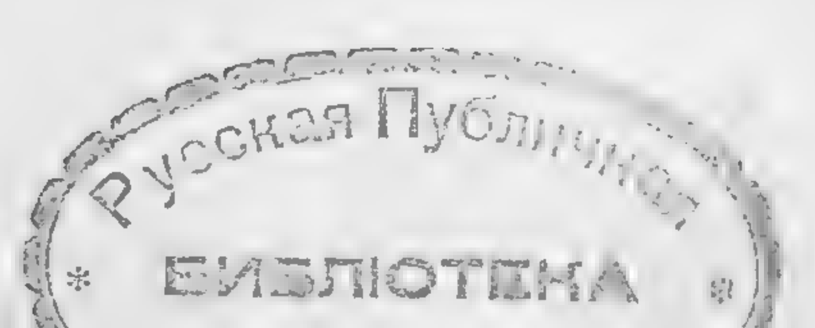
Если анты наложили свое имя на цѣлый рядъ восточно-славянскихъ племенъ, то это обстоятельство заставляетъ предположить, что "самое сильное" племя въ какой-то формѣ оказалось во главѣ другихъ и руководило ими, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ вопросахъ, которые были связаны съ совмѣстными военными предпріятіями. Дѣйствительно, наличіе "антской" военной организаціи и ея немалая сила засвидѣтельствованы Іорданомъ уже для второй половины IV-го вѣка.

Многое въ разсказѣ Іордана о покореніи готскимъ королемъ Эрманарихомъ "всѣхъ народовъ Скиѳіи и Сарматіи" среди историковъ вызываетъ рядъ законныхъ сомнѣній[2]). Но дальнѣйшее его со-

---

[1]) Историческіе матеріалы, собранные Н. В. Гоголемъ впервые были напечатаны въ 1909 г. въ изданіи Росс. Ак. Наукъ «Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя», в. 3-ій и занимаютъ въ немъ 84 страницы. Издатель, Г. П. Георгіевскій въ предисловіи къ Гоголевскимъ текстамъ между прочимъ пишетъ: «Несомнѣнно уцѣлѣла лишь самая незначительная часть его работъ въ этой области, но и она окончательно уничтожаетъ отрицательное сужденіе о профессорствѣ Гоголя». Цитата въ текстѣ взята со страницы 135.

[2]) Въ научной литературѣ неоднократно указывалось, что разсказъ Іордана лишенъ хронологіи, что онъ смѣшиваетъ похожіе по названію народы, напр. готовъ съ гетами, и что многое въ его исторіи основано исключительно на преданіяхъ и пѣсняхъ готовъ и только нѣкоторая часть того, чему онъ самъ не былъ современникомъ, на недошедшихъ до насъ источникахъ (Аблавіусъ и Кассіодоръ, изъ которыхъ послѣдній въ свою очередь опирался на устную традицію, жившую у остготовъ въ VI в.). Ѳ. Браунъ. Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній, стр. 3; С. М. Середонинъ. Историче-

общеніе о столкновеніи готскаго короля Винитара съ антами, признается заслуживающимъ довѣрія и тѣми изслѣдователями, которые далеко не во всемъ склонны полагаться на сочиненіе Іордана.

По словамъ Іордана, до временъ Винитара славяне были неопытны въ обращеніи съ оружіемъ и разсчитывали только на свое многолюдство. "Однако, численность ничего не значитъ на войнѣ, если Богъ того не хочетъ и если надвигается хорошо вооруженное войско". Но уже Винитару пришлось встрѣчаться не просто съ многочисленнымъ врагомъ. Этимъ врагомъ оказались анты.

Согласно разсказу Іордана, Винитаръ, "не желая подчиняться гуннскому верховенству, началъ понемногу уклоняться отъ него и, желая показать свою отвагу, двинулся со своимъ войскомъ въ предѣлы антовъ, напавъ на нихъ, онъ былъ разбитъ въ первой битвѣ, но потомъ воевалъ смѣло и ихъ короля по имени Божа съ его сыновьями и 70-ью старѣйшинами велѣлъ распять для устрашенія"[1]). Та-

ская географія. Стр. 66; М. Грушевскій. Кіевская Русь. Стр. 171-173.

[1]) De getarum origine gestibusque, 48. « In Antorum fines movit procinctum, eosquem dum adgreditur prima congressione superatus (варьянтъ- – superatur) deinde fortifer egit regemque eorum Boz nomine cum filis suis et septuagenta primatibus in exemplum terroris affixit (издан. Момзена).

По мнѣнію М. Грушевскаго, «самый конфликтъ остготовъ съ антами въ то время носитъ признаки достовѣрности — только онъ неправильно истолкованъ въ традиціи. Въ обстоятельствахъ того времени... имъ (остготамъ) было не до далекихъ завоеваній, и въ этой войнѣ я вижу симптомъ славянскаго разселенія и столкновенія его съ готами на юго-западѣ». (Кіевская Русь Стр. 195). Высказываясь противъ того, чтобы столкновеніе славянъ съ остготами могло произойти по иниціативѣ послѣднихъ, М. Грушевскій недостаточно учелъ обычныя отношенія той эпохи. Въ тѣ времена побѣжденные народы, какъ общее правило, пополняли войска побѣдителей. Винитаръ, тѣснимый гуннами и, слѣдовательно, не располагавшій достаточнымъ количествомъ воиновъ для борьбы съ ними, могъ поэтому предпринять свой походъ противъ славянъ именно для того, чтобы пополнить ряды своего войска.

кимъ образомъ уже во второй половинѣ IV вѣка анты стояли во главѣ военнаго союза ряда славянскихъ племенъ, такъ какъ несомнѣнно, что побѣдить самого остготскаго короля съ его войскомъ, хотя бы въ первомъ сраженіи, врядъ ли было подъ силу одному, пусть даже болѣе могущественному, племени антовъ въ узкомъ смыслѣ этого слова. Семьдесятъ казненныхъ старѣйшинъ (primates) и были вольными или невольными участниками союза, возглавленнаго правящей антской династіей, антскимъ королемъ (rex) Божомъ и его сыновьями[1]).

Самъ Винитаръ вскорѣ погибъ въ борьбѣ съ гуннами и, быть можетъ, это обстоятельство дало возможность антскому военному союзу возродиться. Во всякомъ случаѣ въ VI-мъ вѣкѣ, когда извѣстія Іордана и Прокопія помѣщаютъ антовъ, въ собирательномъ смыслѣ этого слова, на югѣ, у береговъ Чернаго моря, этотъ союзъ представляетъ изъ себя несомнѣнную военную силу. Анты въ VI-мъ и VII-мъ вѣкахъ не только принимаютъ совмѣстно со славянами (южными), болгарами и аварами участіе въ походахъ на Балканскій полуостровъ, но нерѣдко выступаютъ совершенно самостоятельно отъ своихъ ближайшихъ сосѣдей. Во времена императора Юстина (518-527) они одни переходятъ Дунай и совершаютъ набѣги на византійскія области. Въ 545 г. императоръ Юстиніанъ, считаясь съ силой

---

[1]) Есть основанія полагать, что память объ упорной борьбѣ съ готами была жива у восточныхъ славянъ, въ княжеско-дружинной средѣ, еще въ концѣ XII в. Въ Бусѣ «Слова о полку Игоревѣ», — Готскія красныя дѣвы, «звоня русскимъ златомъ... поютъ время Бусово», — многіе изслѣдователи склонны видѣть антскаго короля Божа (Boz), побѣжденнаго остготскимъ королемъ Винитаромъ. Мнѣніе это не является общепризнаннымъ. Противъ него, между прочимъ, возражаетъ въ Момзеновскомъ изданіи Іордана Мюлленгофъ (Стр. 147-148). Во всякомъ случаѣ А. А. Шахматовъ считаетъ его вполнѣ вѣроятнымъ». (Древнѣйшія судьбы русскаго племени. Стр. 10, пр. 1).

антовъ, предлагаетъ имъ поселиться въ старой Дакіи для того, чтобы ограждать границы Имперіи. Побѣды надъ антами даются византійскому войску не легко и оба императора, Юстинъ и Юстиніанъ прибавляютъ къ своему титулу, очевидно считавшееся почетнымъ, прозвище «Antikos» — побѣдитель антовъ, подобно тому какъ въ IV вѣкѣ остготскій король получилъ прозвище "Винитаръ", что, повидимому, также означаетъ — побѣдитель венетовъ-славянъ. Кромѣ того, послѣ 533 года, анты самостоятельно воюютъ съ южными славянами, а, начиная съ 50-хъ годовъ VI вѣка, выдерживаютъ тяжелую борьбу съ могучимъ аварскимъ каганатомъ, при чемъ, еще въ 602 году, когда южные придунайскіе славяне находились уже въ полномъ подчиненіи у аваровъ, анты продолжаютъ оставаться отъ нихъ независимыми. Аварскій каганъ счелъ поэтому необходимымъ послать противъ антовъ войско, "чтобы уничтожить антскій народъ, который былъ союзникомъ римлянъ". Это предпріятіе аварскаго кагана окончилось, однако, для него неудачно. Его войско, избѣгая столкновенія съ антами, стало разбѣгаться, и весь планъ пришлось отложить[1]).

Конечно, всѣ эти обширныя военныя предпріятія, въ особенности самостоятельныя, не могли вестись одними только антами, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Извѣстная фраза Прокопія о "безчис-

---

[1]) С. М. Дриновъ. Заселеніе Балканскаго полуострова славянами, стр. 94-120; L. Niderle, Manuel de l'antiquité slave, V I, стр. 59-66 А; А.Шахматовъ, Древнѣйшія судьбы русск. племени, стр.9–10. Исторія антскаго союза служитъ наилучшимъ опроверженіемъ теоріи Я.Пайскера,который въ своихъ трудахъ « Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turko-Tataren und Germanen » 1905 и « Neue Grundlagen der Slavischen Altertumskunden » 1910, выступилъ съ утвержденіемъ объ исконномъ подчиненіи славянъ степнымъ кочевникамъ, что и повлекло за собой, по его мнѣнію, отсталость славянства по сравненію съ германо-романскимъ міромъ. Вообще по поводу теоріи Пайскера прочно установилось мнѣніе, что она опирается на совершенно недостаточный матеріалъ.

ленныхъ народахъ Антовъ" въ свѣтѣ событій VI и VII вв. пріобрѣтаетъ весьма яркій смыслъ. "Самое сильное" восточно-славянское племя ведетъ за собой "безчисленные народы". Нѣтъ основаній даже полагать, что всѣ эти племена непремѣнно славянскаго происхожденія. Прокопій говоритъ не объ антскихъ народахъ, т. е. народахъ антскаго происхожденія, а о "народахъ антовъ", что легко можетъ быть понято, вообще какъ народы, подчиненные антамъ[1]). При такомъ пониманіи сложный, составной характеръ антскаго военнаго союза, или антской военной державы, становится особенно нагляднымъ, а кромѣ того сразу падаютъ и всѣ трудности, которыя связаны съ "буквальнымъ" пониманіемъ текста Прокопія[2]). Извѣстный русскій археологъ А. Спицынъ не рѣшается, напримѣръ, слѣдовать "буквальному смыслу извѣстія Прокопія, не знавшаго лично сѣвернаго побережья Чернаго моря", такъ какъ считаетъ "невозможнымъ столь глубокое удаленіе славянъ отъ своей базы на востокъ, да еще въ формѣ массового движенія"[3]). Но изъ словъ Прокопія съ несомнѣнной ясностью вытекаетъ только наличіе въ VI вѣкѣ въ причерномор-

[1]) При такомъ пониманіи слова Прокопія ἔθνη τὰ Ἀντῶν были бы, mutatis mutandis, равносильны выраженію ἔθνη τὰ Ῥωμαίων что несомнѣнно можетъ означать только: народы, подчиненные римлянамъ.

[2]) С. М. Дриновъ считаетъ, что къ словамъ Прокопія нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ, такъ какъ онъ состоялъ «при Велизаріи въ качествѣ его совѣтника, находясь безотлучно при немъ въ теченіи двадцати пяти лѣтъ, начиная съ 527 г... О славянскихъ дѣлахъ Прокопій могъ знать только по слухамъ, доносившимся до отдаленнаго стана Велизарія, слухамъ, къ которымъ, какъ извѣстно, онъ относился не критически и съ непонятнымъ легковѣріемъ» (Заселеніе Балканскаго полуострова славянами. Стр. 99). Но какъ разъ въ штабѣ Велизарія должны были имѣться болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о врагахъ Византіи.

[3]) А. Спицынъ. Археологія въ темахъ начальной русской исторіи. Въ сборн. статей, посвященныхъ С. Ф. Платонову, 1922 г. Стр. 9.

скихъ областяхъ обширнаго антскаго военнаго союза, въ которомъ руководящей славянской антской группѣ принадлежитъ политическое первенство надъ другими народами, часть которыхъ, именно восточная, могла и не быть славянскаго происхожденія. Уже впослѣдствіи, по пути политическаго вліянія, естественно послѣдовало и этнографическое внѣдреніе славянъ въ зависимыя отъ нихъ восточныя области.

Византійскій писатель, Менандръ, жившій въ концѣ VI-го вѣка, сохранилъ для исторіи даже имя одного изъ главарей антскаго военнаго союза. По словамъ Менандра, въ 560 г. анты отправили къ аварамъ для выкупа своихъ плѣнныхъ Мезамира, сына Идаризія, брата Келагаста. Мезамиръ сталъ говорить съ аварами очень гордо и каганъ, по совѣту одного болгарина, чтобы избавиться отъ человѣка "который имѣлъ очень большую силу (δύναμιν) среди антовъ"[1]) приказалъ его убить.

Въ краткомъ сообщеніи Менандра Мезамиръ выступаетъ какъ отдаленный преемникъ антскаго короля Божа. Божъ упоминался въ сообщеніи Іордана рядомъ со своими сыновьями. Менандръ называетъ Мезамира сыномъ Идаризія и братомъ Келагаста. И Идаризій,и Келагастъ, слѣдовательно были также извѣстными людьми у антовъ и пользовались въ свое время въ ихъ средѣ вліяніемъ и силой. Въ обоихъ случаяхъ, у Іордана и у Прокопія, рѣчь идетъ о главаряхъ союза, принадлежащихъ къ правящей династіи. Но, конечно, самый характеръ вла-

---

[1]) Соотвѣтствующее мѣсто Менандра у И. Штриттера переведено слѣдующимъ образомъ: «Котрагитъ... говорилъ тогда кагану слѣдующимъ образомъ: «Великій Государь! Этотъ мужъ весьма силенъ между Антами и въ состояніи противиться всѣмъ своимъ непріятелямъ; чего ради должно его извести и, не мало не опасаясь, вступить въ непріятельскую землю» (Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія россійскую исторію древнихъ временъ и переселенія народовъ. Часть первая. О славянахъ. СПБ. 1770. Стр. 34).

сти этихъ главарей совершенно иной, чѣмъ тотъ, съ которымъ византійскіе писатели были знакомы у себя дома.

Антскій военный союзъ, или антская военная держава скорѣй всего напоминаетъ собой тѣ союзы, которые представляли изъ себя въ серединѣ IV в. Франки, Бургунды, Алеманы, Вандалы и Готы[1]). Какъ и въ этихъ послѣднихъ, въ немъ есть и многое такое, что роднитъ его съ Тацитовскими германцами. Характеризуя положеніе и власть германскихъ королей (reges) и вождей (principes). Тацитъ говоритъ: "короли не пользуются абсолютной и произвольной властью и вожди руководятъ больше примѣромъ, чѣмъ властью... Дѣла маловажныя разрѣшаются вождями, дѣла болѣе важныя народомъ... На народныхъ собраніяхъ король или тотъ изъ вождей, который выдѣляется возрастомъ, происхожденіемъ, военными заслугами, краснорѣчіемъ, произноситъ рѣчь и ихъ слушаютъ болѣе въ силу убѣдительности ихъ рѣчи, чѣмъ на основаніи ихъ права повелѣвать"[2]). Нарисованный Тацитомъ образъ германскаго вождя весьма близокъ къ облику Мезамира, "имѣющаго очень большую силу среди антовъ". Антскія вѣчевыя собранія, объ одномъ изъ которыхъ сообщаетъ Прокопій, разсказывая о дѣлѣ лже-Хильбудія, не менѣе германскихъ принимали участіе въ рѣшеніи "важныхъ" дѣлъ. "Сила" Мезамира, въ этихъ условіяхъ, какъ и у германскихъ вождей, состояла въ томъ совѣтѣ и примѣрѣ, которые онъ былъ въ состояніи дать. И тѣмъ не менѣе Мезамиръ-несомнѣнный военный руководитель антовъ, онъ и погибъ потому что

---

[1]) « Il semble que ce soit moins un peuple qu'une sorte de fédération des tribus apparentées, ayant chacune son chef particulier et ne formant réellement bloc que contre l'ennemi commun, mais dans ce cas le bloc est solide » — (Louis Halphen. Les Barbares. Peuples et civilisation. Vol. V. Paris 1926, Стр. 5).

[2]) Germ. VII и XI.

«былъ въ состояніи противиться всѣмъ своимъ непріятелямъ", съ его же смертью можно было "не опасаясь вступить въ непріятельскую землю".

Подобный порядокъ византійскимъ писателямъ, привыкшимъ къ сильной единоличной власти долженъ былъ казаться "безпорядкомъ и безначаліемъ" (ἄτακτος καὶ ἄναρχος) "Славяне и анты, говоритъ Прокопій, не управляются однимъ человѣкомъ, но съ древнихъ временъ живутъ въ демократіи, вслѣдствіе чего они сообща обсуждаютъ то, что для нихъ полезно, или вредно"[1]). Немногимъ позже Маврикій скажетъ про славянъ: "они не имѣютъ правленія и живутъ враждебно другъ съ другомъ"[2]).

Тѣмъ не менѣе тотъ строй, который византійскіе писатели считали "безпорядкомъ и безначаліемъ", какъ это показываютъ событія VI-го и VII-го вѣковъ, не помѣшалъ антскому союзу представлять изъ себя довольно сильную военно-политическую организацію. Въ равной мѣрѣ и необходимость дѣйствовать не столько властью, сколько примѣромъ, не препятствовала германскимъ вождямъ, по свидѣтельству Тацита, представлять собой замѣтную силу и достигать немалыхъ военныхъ успѣховъ. Объ удачливомъ вождѣ слава "распространяется не только среди своего народа, но и среди народовъ сосѣднихъ... Его приглашаютъ къ себѣ черезъ посредство пословъ, его поддерживаютъ подарками; чаще всего одна его репутація служитъ къ прекращенію войны"[3]). Какъ ни мало похожъ германскій строй на тотъ, при которомъ характернымъ признакомъ власти является ея право "пове-

[1]) De bello got. 111, 14. Τὰ γὰρ ἔθνη Σκλαβήνοι τὲ καὶὶ Ἄνται οὐκ πρὸς ἀνδρὸς ἑνὸς ἀλλ'ἐν'δημοκρατία ἐκ παλαιοῦ βιοτεύονσι καὶ διὰ τοῦτο αὐτοῖς πραγμάτων ἀεὶ τὰ τὲ ξύμορα καὶ δίσκολα ἐς κοινὸν ἄγετα.

[2]) Strategicum XI, 5. Маврикій говоритъ въ данномъ случаѣ о южныхъ славянахъ.

[3]) Germ. XIII.

лѣвать", извѣстнѣйшій французскій историкъ Фюстель де Куланжъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы назвать ею государственнымъ.

Такимъ образомъ восточные славяне, придвинувшись къ берегамъ Чернаго моря, подъ политическимъ главенствомъ антовъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, создали военную державу приблизительно того же типа, которую въ тѣхъ же мѣстныхъ условіяхъ создали и ихъ предшественники скиѳы и готы. Была ли эта держава прямымъ продолженіемъ того антскаго военнаго союза, съ которымъ встрѣтился остготскій король Винитаръ, или она сложилась заново, сказать, конечно, трудно. Въ условіяхъ военной обстановки, въ которой протекала жизнь антскаго военнаго союза, его политическій руководящій центръ правильнѣе всего представлять въ общихъ чертахъ въ томъ видѣ, въ какомъ М. И. Ростовцевъ рисуетъ себѣ центръ скиѳской военной державы. "Центръ ея находился въ царской ставкѣ — укрѣпленномъ лагерѣ. Около ставки группировалась сильная конная дружина, всегда готовая къ наѣздамъ и набѣгамъ. Въ мирное время цари, князья и дружинники были владѣльцами большихъ стадъ и табуновъ, гдѣ черную работу исполняли подвластные имъ рабы"[1]).

Антскій военный союзъ и былъ той первой государственной формой, съ которой познакомилась и въ условіяхъ которой сравнительно долго находилась значительная часть восточнаго славянства за нѣсколько вѣковъ до появленія въ ея средѣ скандинавовъ[2]).

---

[1]) М. И. Ростовцевъ. Эллинство и иранство на югѣ Россіи. ПГД. 1918. Стр. 38. О томъ, что антскіе вожди были также окружены дружинниками и имѣли стада, табуны и рабовъ, будетъ сказано ниже.

[2]) Утвержденіе, что антскій военный союзъ былъ первой государственной формой въ жизни восточныхъ славянъ, можетъ встрѣтить и чисто теоретическое возраженіе. Вопросъ о томъ, что такое государство, очень сложенъ. Въ зависимости отъ отвѣта на этотъ основной вопросъ рѣшается и слѣ-

Въ тотъ моментъ, когда военный вождь оказался въ состояніи подчинить себѣ родовыхъ старѣйшинъ или когда одинъ изъ старѣйшинъ сталъ во главѣ другихъ не въ силу своего происхожденія и занимаемаго имъ родового положенія, а потому что онъ представлялъ изъ себя удачливаго вождя, въ средѣ восточнаго славянства родилась новая соціальная связь принципіально иного порядка, чѣмъ ранѣе существовавшія, и надъ чистыми формами родового быта была возведена постройка уже не родового, а государственнаго характера.

Антскій военный союзъ, въ лицѣ котораго восточные славяне познакомились впервые съ государственной формой жизни, долженъ былъ не разъ подвергаться существеннымъ колебаніямъ и измѣненіямъ, какъ въ смыслѣ количества племенъ, входящихъ въ его составъ, такъ и въ смыслѣ того значенія, какое имѣло его руководящее ядро во главѣ со своимъ военнымъ вождемъ. Кромѣ того окончательное торжество государственной жизни надъ родовымъ строемъ въ исторіи того или иного народа можетъ и не совпадать съ моментомъ появленія у

дующій: гдѣ проходитъ грань, отдѣляющая государственный бытъ отъ родового и возможно ли вообще проведеніе здѣсь сколько-нибудь ясной раздѣлительной черты. Авторъ настоящей работы въ своихъ представленіяхъ о первичныхъ формахъ государственной жизни исходитъ изъ тѣхъ положеній, которыя были высказаны Л. І. Петражицкимъ: «среди самостоятельныхъ соціальныхъ группъ... слѣдуетъ различать два подкласса, двѣ разновидности. Нѣкоторыя изъ самостоятельныхъ соціальныхъ группъ состоятъ или состояли въ прежнее время изъ людей... объединенныхъ узами родства, т. е. соотвѣтственными правоотношеніями (сознаніемъ взаимныхъ обязанностей и правъ) имущественнаго свойства и личнаго... Другія самостоятельныя группы представляютъ неродственные союзы между чужими безъ приписыванія правоотношеній родства... Самостоятельныя соціальныя группы второго рода мы назовемъ неродственными, офиціальными или государственными группами и государствами». (Теорія права и государства. Т. І. СПБ. 1909 г. Стр. 221-222).

него первичныхъ, наиболѣе рудиментарныхъ формъ. Въ случаѣ крушенія послѣднихъ, при извѣстныхъ условіяхъ вполнѣ возможенъ рецидивъ безгосударственности[1]).

Маврикій касается очень жизненной и характерной черты славянскаго быта, когда онъ даетъ свой извѣстный совѣтъ по поводу политики, которой, по его мнѣнію, надлежитъ держаться по отношенію къ славянамъ. «Такъ какъ, пишетъ онъ, у славянъ множество царьковъ, и они между собой несогласны, то не лишнее нѣкоторыхъ изъ нихъ, и особенно пограничныхъ, привлечь на свою сторону убѣжденіями или подарками, а за тѣмъ уже нападать на остальныхъ. Иначе, вступивъ въ борьбу сразу со всѣми, можно вызвать среди нихъ объединеніе или монархію"[2]). Трудно допустить, чтобы замѣчаніе Маврикія о возможности политическаго объединенія славянъ было исключительно его теоретическимъ предположеніемъ, а не основывалось на его знакомствѣ съ дѣйствительными фактами славянской жизни. Хотя совѣтъ Маврикія и относится въ первую очередь къ славянамъ пограничнымъ, т. е. южнымъ, вполнѣ возможно, что именно примѣръ антскаго союза и заставилъ его предостерегать отъ такой политики, которая и среди "пограничныхъ" славянъ могла бы вызвать "объединеніе или монархію" на подобіе антской. Несомнѣнно также, что, именно, наблюденіе надъ фактами дѣйствительной жизни подсказало Маврикію его выводъ, что славянскихъ "царьковъ" легко ссо-

---

[1]) Еще первымъ варяжскимъ князьямъ, установившимъ изъ Кіева путемъ примучиванія сосѣднихъ «племенъ» во многихъ отношеніяхъ, довольно точное подобіе антской военной державы, — обычно и называемое «первымъ русскимъ государствомъ» — приходилось испытывать на себѣ всю неустойчивость подобныхъ образованій. Каждому князю приходилось начинать дѣло «объединенія» чуть ли не сызнова. Достаточно было умереть Олегу, чтобы «Деревляне заратишася отъ Игоря по Олговѣ смерти».

[2]) Strategicum. XI, 5.

рить другъ съ другомъ. Антскій союзъ, сложившійся въ условіяхъ военной обстановки и выдержавшій рядъ крупныхъ наступательныхъ и оборонительныхъ войнъ, оказался еще сравнительно прочнымъ и жизнеспособнымъ.

Если греческіе писатели VI вѣка хорошо знали антовъ, съ которыми они имѣли возможность познакомиться большею частью какъ съ врагами, но иногда и какъ съ союзниками имперіи, то на востокѣ, за предѣлами византійскаго міра, восточныхъ славянъ подъ этимъ именемъ никогда не знали. Всѣ мусульманскіе писатели, когда имъ приходится говорить о восточныхъ славянахъ, называютъ ихъ просто славянами. Свѣдѣнія мусульманскихъ писателей о восточныхъ славянахъ обычно не древнѣе IX и X вѣковъ, и лишь изрѣдка затрагиваютъ событія VIII-го. Но двумъ изъ нихъ, Аль-Масуди и Аль-Бекри, извѣстны и нѣкоторыя изъ тѣхъ отношеній среди славянскаго міра, которыхъ касаются христіанскіе писатели VI-го столѣтія и, въ частности, Маврикій. Интересъ въ данномъ случаѣ представляютъ однако только сообщенія Масуди, т. к. Аль-Бекри ограничивается въ этомъ мѣстѣ, какъ и во многихъ другихъ, только краткимъ изложеніемъ свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ у Масуди.

Масуди, одинъ изъ ученѣйшихъ арабовъ своего времени, написалъ свои "Золотые луга" въ первой половинѣ X вѣка. Свѣдѣнія въ части, касающейся славянъ и русовъ, онъ почерпнулъ отъ своихъ предшественниковъ или же изъ устныхъ преданій, дожившихъ до его времени[1]).

"Славяне, говоритъ Масуди, составляютъ различныя племена, между которыми бываютъ войны и они имѣютъ царей... Изъ этихъ племенъ одно имѣло въ древности власть, его царя называли Маджакъ, а самое племя называлось Валинаны.

---

[1]) А. Я. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ СПБ. 1870. Стр. 117.

Этому племени въ древности подчинялись всѣ прочія славянскія племена, ибо власть была у него и прочіе цари ему повиновались". "Мы уже разсказывали, сообщаетъ Масуди въ другомъ мѣстѣ, про царя которому повиновались въ прежнее время остальные цари ихъ, т. е. Маджакъ, царь Валинаны, которое племя есть одно изъ коренныхъ славянскихъ, оно почитается между ихъ племенами и имѣло превосходство между ними. Впослѣдствіи же пошли раздоры между ихъ племенами, порядокъ ихъ былъ нарушенъ и каждое племя избрало себѣ царя"[1]).

Масуди не пріурочиваетъ своихъ свѣдѣній о господствѣ славянскаго племени Валинана надъ другими къ какой нибудь опредѣленной эпохѣ. Онъ говоритъ только, что это происходило "въ древности", "въ прежнее время". Изъ его словъ нельзя также сдѣлать опредѣленнаго вывода, относится ли его извѣстіе къ восточнымъ славянамъ или же къ западнымъ[2]). Но, если бы была возможность съ полной увѣренностью отнести слова Масуди къ восточнымъ славянамъ и въ племени «Валинаны" видѣть лѣтописныхъ волынянъ, тогда его извѣстія по своей опредѣленности въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превзошли бы все то, что извѣстно отъ христіанскихъ писателей о первомъ политическомъ объединеніи среди восточнаго славянства. Его сообщеніе, помимо указанія на сложный, междуплеменной составъ союза, опредѣляло бы и географическое положеніе его политическаго руководящаго центра — Волынь, верховья Днѣстра и Западнаго Буга и вмѣстѣ съ тѣмъ давало бы также свѣдѣнія о его гибели.

---

[1]) А. Я. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. Стр. 135-136 и 137-138.

[2]) Изъ контекста Алъ-Бекри видно, что онъ полагаетъ, что рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ о западныхъ славянахъ. Но это мнѣніе не болѣе, какъ его собственное толкованіе словъ Масуди.

Многіе авторитетнѣйшіе представители историческаго знанія не колебались отнести извѣстія Масуди къ восточно-славянскому племени Волынянъ. Опираясь на извѣстія Масуди и лѣтописныя свѣдѣнія о дулѣбахъ, В. О. Ключевскій пишетъ: "воинственное движеніе сомкнуло племена восточныхъ славянъ въ большой военный союзъ, политическое средоточіе котораго находилось на верхнемъ теченіи Западнаго Буга и во главѣ котораго стояло со своимъ княземъ, жившее здѣсь племя дулѣбовъ-волынянъ"[1]). Л. Нидерле также не только отождествляетъ Масудіевыхъ волынянъ съ дулѣбами, но и идетъ еще дальше В. О. Ключевскаго въ томъ отношеніи, что въ политическомъ объединеніи, возглавленномъ волынянами-дулѣбами,онъ видитъ, извѣстный по произведеніямъ христіанскихъ писателей VI вѣка, антскій союзъ восточныхъ славянъ и въ царѣ Маджакѣ — антскаго главаря Мезамира[2]). Въ этихъ условіяхъ выходило бы, что политическій центръ антской военной державы находился на исконной прародинѣ славянъ и оттуда, опираясь на выдвинувшихся впередъ къ Черному морю славянскихъ насельниковъ, руководилъ движеніемъ антовъ на Балканскій полуостровъ. Въ этомъ нѣтъ, конечно, ничего невѣроятнаго. Достаточно припомнить походы кіевскихъ князей, пользовавшимися только немногочисленными опорными пунктами на Черномъ морѣ, въ Табаристанъ или же въ Византійскіе предѣлы. Несомнѣнно также, что, гдѣ бы ни находить славянскую прародину, фактъ весьма древняго пребыванія славянъ на вер-

---

[1]) В. О. Ключевскій. Боярская Дума древней Руси. М. 1902. Стр. 20-21; Курсъ русской исторіи. Ч. I. Стр. 124-125.

[2]) Л. Нидерле Manuel de l'antiquité slave. V. I.Стр. 214 А. А. Шахматовъ въ свою очередь считаетъ, что извѣстіе Масуди относится къ лѣтописнымъ волынянамъ. (Древнѣйшія судьбы русскаго племени. Стр. 21).

ховьяхъ Днѣстра и Западнаго Буга вообще не можетъ подлежать сомнѣнію[1]).

Если по поводу Масудіевыхъ "Валинана" возможны все же нѣкоторыя сомнѣнія, то сообщеніе "Повѣсти времянныхъ лѣтъ" о покореніи дулѣбовъ аварами во всякомъ случаѣ передаетъ фактъ, имѣющій непосредственное отношеніе къ восточнымъ славянамъ и при томъ фактъ такого рода, который въ той или иной формѣ долженъ былъ отразиться на судьбѣ антскаго военнаго союза. О самомъ союзѣ "Повѣсть" ничего не помнитъ, а о покореніи дулѣбовъ сообщаетъ только отрывочныя свѣдѣнія, какъ отрывочны вообще всѣ ея первыя историческія воспоминанія, начинающіяся, какъ извѣстно, съ эпохи нашествія болгаръ и аваровъ. Покореніе дулѣбовъ обрами "Повѣсть" связываетъ съ временами императора Ираклія: "въ си же времена быша и обри, ходиша на Ираклія царя и мало его не яша; си же обрѣ воеваху на словѣнѣхъ и примучиша дулѣбы, сущая словѣны... Быша бо обрѣ тѣломъ велики и умомъ горды и Богъ потребы я, помроша вси, и не остався ни единъ обринъ, есть притча въ Руси и до сего дне погибоша яко обре"[2]). При отождествленіи Мусадіевыхъ "Валинана" съ лѣтописными волынянами необходимо, какъ это и принято въ научной литературѣ, признать въ "Валинана" и лѣтописныхъ дулѣбовъ.

---

[1]) **Jan Czekanowski**, не склонный включать Волынь въ составъ славянской прародины, не только отождествляетъ антовъ-волынянъ-дулѣбовъ, но и признаетъ, что «центръ, съ котораго началось позднѣйшее VII в. разселеніе восточныхъ славянъ находился повидимому на Волыни» (**Wstep do Historji Slowian**, стр. 273, см. также стр. 276).

[2]) Въ ученой литературѣ было высказано мнѣніе, что извѣстіе «Повѣсти» о покореніи дулѣбовъ аварами должно быть отнесено къ дулѣбамъ западнымъ. Этого мнѣнія держатся С. М. Середонинъ и Фр. Вестбергъ. Аргументировано оно подробно только послѣднимъ. «Несторъ, пишетъ Фр. Вестбергъ, неправильно пріурочиваетъ извѣстіе объ обрахъ, заимствованное имъ безспорно изъ византійскаго источника ли-

“Повѣсть” вполнѣ опредѣленно говоритъ: “дулѣбы живяху по Бугу, гдѣ нынѣ велыняне”. Въ такомъ случаѣ лѣтописецъ разсказываетъ о томъ же событіи, котораго коснулся и Масуди, передавая сохранившееся въ его время преданіе о распаденіи союза “Валинана”. Хотя “Повѣсть” и не говоритъ о самомъ союзѣ, а упоминаетъ только объ одномъ племени дулѣбовъ, вполнѣ допустимо предположе-

бо болгарскаго хронографа, къ русскимъ дулѣбамъ... Авары въ устахъ восточныхъ славянъ назывались не обрами, а аварами, какъ это видно изъ Слова о полку Игоревѣ. Въ житіи же Константина авары приводятся подъ именемъ обровъ... Да и все содержаніе отрывка, въ которомъ говорится о дулѣбахъ, представляетъ изъ себя извлеченіе изъ какого-то древняго хронографа. Доказательствомъ тому служитъ достовѣрность и точность сообщенныхъ историческихъ данныхъ» (Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ. Ж. М. Н. Пр. 1908. № 2, стр. 394-395). Свѣдѣнія «Повѣсти», относящіяся непосредственно къ Ираклію-царю, несомнѣнно, дѣйствительно заимствованы ею изъ греческой хроники, но наиболѣе существенная для мѣстной исторіи часть лѣтописнаго разсказа, какъ обры обходились съ примученными дулѣбами, носитъ на себѣ явную печать мѣстнаго преданія: «... и насилье творяху женамъ Дулѣбськимъ. Аще поѣхати будяще обрину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ въ телѣгу и повезти объринa; тако мучаху Дулѣбы». Несомнѣнно, что источниковъ для такого разсказа нельзя искать въ какомъ-то недошедшемъ до насъ хронографѣ и что составитель «Повѣсти» въ этой части своего разсказа совершенно не заслуживаетъ упрека въ «достовѣрности и точности сообщенныхъ историческихъ данныхъ». Ошибочно также утвержденіе Фр. Вестберга, что восточные славяне никогда не называли аваровъ обрами. Образецъ для наименованія аваровъ обрами былъ данъ восточнымъ славянамъ въ славяно-русскомъ переводѣ хроники Георгія Амартола, который «въ древне-русской литературѣ служилъ главнымъ источникомъ при составленіи историческихъ компиляцій». Въ этомъ переводѣ авары (Ἀβάροι) неизмѣнно называются обрами (Хроника Георгія Амартола въ древнемъ славяно-русскомъ переводѣ. Изданіе В. М. Истрина, т. I. ПГД. 1920, стр. 432 и 434). Самый переводъ хроники былъ сдѣланъ, согласно изслѣдованіямъ В. М. Истрина «въ концѣ первой половины XI вѣка на Руси, въ русской книжной средѣ, на общелитературный церковно-славянскій языкъ, но въ русской его редакціи» (Хроника Георгія Амартолы. Т. III. Л. 1930 г.

ніе, что она дѣлаетъ это потому, что "тогда дулѣбы господствовали надъ всѣми восточными славянами и покрывали ихъ своимъ именемъ"[1]).

Конечно, покореніе дулѣбовъ аварами не означало еще подчиненія побѣдителямъ всѣхъ восточныхъ славянъ[2]). Но во всякомъ случаѣ это событіе, происшедшее въ первой половинѣ VII вѣка, такъ или иначе указывало на несомнѣнное ослабленіе антской военной державы. Пришелся ли ударъ аваровъ по самому центру антскаго союза, — какъ слѣдуетъ думать, если допускать тождество антовъ — дулѣбовъ — волынянъ,или онъ коснулся только его периферіи, во всякомъ случаѣ ясно, что антскому союзу приходилъ конецъ. Возникшій въ условіяхъ военной обстановки, требовавшей сплоченія силъ для оборонительныхъ и наступательныхъ дѣйствій, антскій союзъ въ первой половинѣ VII вѣка, оказывался уже не въ силахъ справиться съ ближайшими врагами. Нѣкоторое время антскій союзъ и послѣ покоренія дулѣбовъ аварами могъ продолжать еще свое существованіе, тѣмъ болѣе, что сами авары потерпѣли рядъ жестокихъ пораженій отъ грековъ, черноморскихъ болгаръ и западныхъ славянъ, до тѣхъ поръ, пока болгаре "насельницы" славянъ не вызвали его окончательнаго распаденія. Отрѣзанные болгарами отъ предѣловъ Византіи, восточные славяне изъ черноморскихъ степей стали разселяться на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Таковъ былъ конецъ перваго государственнаго

Введеніе В. М. Истрина. Стр. L. См. также его Введеніе къ 1-му тому хроники. Стр. L). Нѣтъ, слѣдовательно, никакихъ основаній отрицать прямое свидѣтельство лѣтописца, что покоренные аварами дулѣбы жили по Бугу и что «притча: погибоша аки Обрѣ» дѣйствительно существовала на Руси еще въ то время, когда писалась «Повѣсть времянныхъ лѣтъ».

[1]) В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи, ч. I. Стр. 124.

[2]) А. А. Шахматовъ: «Дѣло идетъ не о покореніи всего племени антовъ..., а покореніи именно дулѣбовъ» (Древнѣйшія судьбы русскаго племени. Стр. 21).

объединенія, составившагося изъ значительной части восточныхъ славянъ и, болѣе чѣмъ вѣроятно, изъ нѣкоторыхъ народностей неславянскаго происхожденія подъ главенствомъ "самаго сильнаго" восточно-славянскаго племени. По своему происхожденію союзъ этотъ былъ военнаго характера, военныя же событія нанесли ему и окончательный ударъ[1]).

Военное происхожденіе первичныхъ формъ государственной власти явленіе общее цѣлому ряду самыхъ различныхъ народовъ.

"И у готовъ и у гунновъ и у аваровъ мы находимъ ясно выраженную и прочно организованную власть военнаго вождя"[2]). Таковъ же характеръ власти и Тацитовскихъ германскихъ вождей. Еще въ VI вѣкѣ, когда прошло уже довольно много времени съ тѣхъ поръ, какъ германцы успѣли осѣсть

---

[1]) Кромѣ цитированныхъ выше Л. Нидерле, А. А. Шахматова и Я. Чекановскаго, государственный характеръ антскаго объединенія признается и другими научными изслѣдователями. Хотя В. О. Ключевскій и не упоминаетъ объ антахъ, но говоритъ о политическомъ объединеніи восточныхъ славянъ съ волынянами-дулѣбами во главѣ. С.М.Середонинъ указываетъ на наличіе «большого антскаго союза» и на тотъ фактъ, что у антовъ была своя область, былъ свой князь, носившій славянское имя Божъ» (Историч. географія.Стр. 74) В.А. Пархоменко находитъ, что «должно быть очень рано создался юго-западный племенной союзъ у коего... должно было существовать извѣстное объединеніе на почвѣ взаимныхъ отношеній съ сосѣдями и въ особенности въ виду необходимости принятія мѣръ обороны противъ проходившихъ мимо кочевниковъ: болгаръ, затѣмъ угровъ и, наконецъ, печенѣговъ... Такимъ образомъ мы имѣемъ основаніе утверждать, что именно у сѣверо-западныхъ береговъ Чернаго моря у юго-западнаго племенного союза положено было первое основаніе государственности у восточныхъ славянъ» (У истоковъ русской государственности. Стр. 36 и 38). F. Dvornik также считаетъ, « la première tribu qui semble s'être organisée au point de vue politique est celle des Antes (Les Slaves, Byzance et Rome au IX siècle, p. 23)

[2]) Ю. Готье. Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 41.

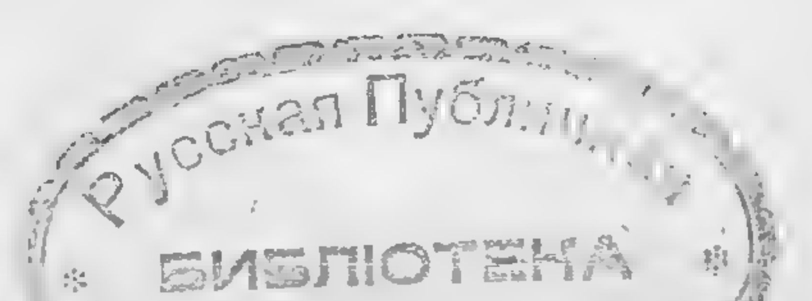
на территорію Римской Имперіи и образовать на ней рядъ "монархическихъ" государствъ, германскій «король былъ въ ихъ (германцевъ) глазахъ по преимуществу вождемъ, избраннымъ воинами и обязаннымъ съ ними считаться"[1]).

Въ письмѣ хазарскаго еврея, современника хазарскаго царя Іосифа X в., къ испанскому еврею (повидимому, Хаздаи-ибнъ-Шафруту) передается преданіе о такомъ же возникновеніи центральной власти у хазаръ: "И не было царя въ странѣ хазаръ, а того, кто одерживалъ побѣды на войнѣ они ставили надъ собой военачальникомъ... И одинъ еврей выказалъ въ тотъ день необычайную силу мечомъ и обратилъ въ бѣгство враговъ, нападавшихъ на хазаръ. И поставили его люди хазарскіе, согласно исконному своему обычаю, надъ собой военоначальникомъ"[2]). Въ 1889 г. въ Сибири, въ бассейнѣ рѣки Орхоны, притокѣ верхняго Енисея, были найдены обелиски, покрытые надписями; позже удалось ихъ прочитать. Надписи орхонскихъ обелисковъ, относящіяся къ VIII в. по Р. X., принадлежатъ народу туки изъ рода гунновъ. Одна изъ нихъ довольно подробно передаетъ исторію возникновенія новаго государственнаго образованія среди народа туки. "Мой отецъ, гласитъ эта надпись, выступилъ сначала съ 17-ю мужами; услышавъ вѣсть, что онъ бродитъ за предѣлами, жители городовъ поднялись въ горы, а жители горъ спустились и составили отрядъ въ 70 мужей. Двигаясь съ войскомъ впередъ и назадъ каганъ собиралъ и

---

[1]) L. Halphen. Les Barbares. Peuples et civilisations. Vol. V, Стр. 51

[2]) П. Коковцевъ. Новый еврейскій документъ. Ж. М. Н. Пр. 1913. № 11. Стр. 155. Также: Ю. Д. Бруцкусъ. Письмо хазарскаго еврея отъ X вѣка. Берлинъ. 1924 г. Стр. 9. Въ своей послѣдней работѣ — «Еврейско-хазарская переписка въ X вѣкѣ». (Изд. Ак. Н. С. С. С. Р. Ленинградъ. 1932) — П. К. Коковцевъ относитъ цитируемый документъ не къ X в., какъ его обычно принято датировать, а къ XII или къ началу XIII в. (Стр. 114).

поднималъ людей, такъ что у него стало 700 мужей. Сорокъ семь разъ онъ ходилъ съ войскомъ и далъ двадцать сраженій; онъ отнялъ племенные союзы у имѣвшихъ ихъ и отнялъ кагановъ у имѣвшихъ ихъ"[1]). Конечно, трудно сказать, какая доля исторической истины заключается въ фактическихъ указаніяхъ хазарскаго еврея и орхонской надписи, но оба эти источники могли исходить въ своихъ сообщеніяхъ только изъ обычныхъ для данной среды представленій о путяхъ и способахъ возникновенія центральной государственной власти.

Исторія западныхъ славянъ знаетъ также не мало случаевъ возникновенія первичныхъ формъ государственной жизни въ условіяхъ военной обстановки. Франкскій лѣтописецъ Фредегаръ разсказываетъ, какъ въ 623 году къ готскимъ славянамъ, возставшимъ противъ аварскаго ига, пришелъ нѣкій Само. По сообщеніямъ Фредегара онъ былъ франкъ, по другому извѣстію — славянинъ. Само сталъ во главѣ возставшихъ и побѣдилъ аваровъ. Изъ благодарности славяне выбрали его своимъ королемъ (627 г.). Такъ возникло могущественное государство. Цѣлыхъ 35 лѣтъ правилъ Само, воевалъ съ аварами и франками и подчинилъ себѣ сосѣднія славянскія племена. Военно-политическіе союзы ободритовъ, лютичей и поморянъ, возникшіе путемъ подчиненія ряда славянскихъ племенъ болѣе "сильному", "воинственному", "жестокому" племени, были только самыми обширными и замѣтными "политическими группировками" (Л. Нидерлэ) между аналогичными государственными образованіями, широко распространенными среди западныхъ славянъ. Въ общемъ эти группировки "не имѣли прочныхъ границъ, такъ какъ небольшія племена, расположенныя у предѣловъ той или иной группировки, то входятъ въ ея составъ,

---

[1]) Цит. по С. М. Середонину. Историческая географія. Стр. 81.

то присоединяются къ другой". Въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ это имѣло мѣсто съ военно-политическими союзами ободритовъ, лютичей и поморянъ, эти "политическія группировки" достигали относительно большой силы и прочности[1]). Аналогія съ антскимъ военнымъ союзомъ тутъ особенно значительна.

Мусульманскій писатель Гардизи, писавшій про восточную Европу въ 1050-1052 гг., но называющій въ числѣ своихъ источниковъ произведенія VIII-X вв., передаетъ хотя, быть можетъ, и легендарный, но также характерный для государственныхъ представленій эпохи, случай, когда основателемъ государственной организаціи въ совершенно чуждой ему странѣ, явился восточный славянинъ. По его словамъ одинъ славянскій вождь убилъ въ спорѣ посла и былъ вынужденъ бѣжать изъ славянской страны. Онъ прибылъ въ Хазарію и оттуда, спасаясь отъ преслѣдователей, бѣжалъ въ Балджурту и далѣе въ страну Кимаковъ и Тогузгузовъ. Здѣсь онъ организовалъ дружину и сталъ грабить гузовъ. Грабежомъ и продажей плѣнниковъ онъ собралъ большія богатства и назвалъ свою дружину «хирхиза" "Когда извѣстіе о немъ дошло до славянъ многіе изъ нихъ явились къ нему со своими родичами и имуществомъ, присоединились къ другимъ и породнились съ ними, такъ что всѣ составили одно цѣлое"[2]).

---

[1]) L. Niederle. Manuel de l'antiquié slave. V. Стр. 146-153.

[2]) Академ. Бартольдъ. Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научной цѣлью 1893-1894 гг. Записки Ак. Наукъ VIII. Истор. фил. отд. т. I. № 4, 1897 г. Стр. 78-126. Къ извѣстію Гардизи ак. Бартольдъ прибавляетъ: «по китайскимъ извѣстіямъ киргизы отличались высокимъ ростомъ, рыжими волосами, румянымъ лицомъ и голубыми глазами. Все это указываетъ на то, что киргизы не были тюркскимъ народомъ» (стр. 109). См. также П. Смирновъ «Волзьский шлях і стародавни Руси». Стр. 187, прим. I.

Процессъ образованія первичной государственной формы среди восточнаго славянства, во всякомъ случаѣ, не былъ историческимъ исключеніемъ.

ГЛАВА IV.

Послѣ крушенія антскаго союза у значительной части восточныхъ славянъ наступила пора глубокихъ перемѣнъ въ ихъ общественномъ укладѣ. Для нѣкоторыхъ изъ племенъ, входившихъ въ составъ антскаго союза, паденіе послѣдняго означало возвратъ къ чистымъ формамъ родового быта. Но для другихъ такой возвратъ былъ уже невозможенъ прежде всего въ силу тѣхъ глубокихъ соціальныхъ измѣненій, которыя не могли не укрѣпиться въ ихъ внутреннемъ быту въ результатѣ событій VI в., но начало которымъ было, быть можетъ, положено еще въ эпоху пребыванія славянъ на своей прародинѣ[1]).

Въ теченіе всего VI-го столѣтія анты, какъ из-

---

[1]) Помимо того самая «ползучесть», которую С. М. Середонинъ правильно считаетъ характерной чертой славянскаго разселенія, должна была дробить, при постепенномъ движеніи на югъ, болѣе или менѣе крупныя родовыя организаціи. Мелкіе кровные союзы или даже просто сборныя ватаги искателей военной добычи должны были выдвинуться впередъ, къ Черному морю, задолго до конца V-го или начала VI-го вѣка. Приводимыя въ этомъ направленіи доказательства (въ частности С. М. Дриновымъ и Л. Нидерле) дѣлаютъ указанное предположеніе «возможнымъ» даже въ глазахъ историковъ, не склонныхъ приходить въ данномъ вопросѣ къ категорическимъ выводамъ (См. П. Н. Милюковъ. «Разселеніе славянъ» въ «Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ» подъ ред. П. Г. Виноградова, т. I, стр. 70). Къ тѣмъ же результатамъ, отрыва отдѣльныхъ частей отъ крупныхъ родовыхъ организацій могли приводить и событія внѣшняго характера. Еще Н. М. Карамзинъ высказалъ предположеніе, «что нѣкоторые изъ

вѣстно, то въ союзѣ съ другими народами, то самостоятельно, совершали набѣги на Балканскій полуостровъ. "Со времени вступленія Юстиніана на престолъ, говоритъ Прокопій, почти не проходило года, чтобы болгары, славяне и анты не нападали на иллирійцевъ и на всю Ѳракію, совершая страшныя жестокости надъ мѣстнымъ населеніемъ".

Непрерывные походы не замедлили сдѣлаться для славянъ хорошей школой военнаго искусства. Маврикій писалъ про славянъ, что "они не умѣютъ сражаться въ строю и вблизи, не любятъ встрѣчаться съ непріятелемъ въ открытомъ и ровномъ мѣстѣ... Они предпочитаютъ держаться лѣсовъ, пріоб-

---

славянъ, подвластныхъ Эрманарику и Атиллѣ служили въ ихъ войскѣ; вѣроятно, что они, испытавъ подъ начальствомъ сихъ завоевателей храбрость и пріятность добычи въ богатыхъ областяхъ имперіи, возбудили въ соотечественникахъ желаніе приблизиться къ Греціи и вообще распространить ихъ владѣнія (Исторія Государства Россійскаго. Изд. Суворина, т. 1. Стр. 15). Приблизительно, въ такомъ же видѣ изображаетъ и Ѳ. Браунъ движеніе въ тѣ же мѣста готовъ. «Великое событіе, отдѣляющее первый періодъ готской исторіи отъ второго, не есть неожиданное переселеніе всего народа разомъ въ силу внезапнаго рѣшенія». Переселеніе произошло «послѣ того какъ отдѣльныя части народа въ продолженіе своихъ перекочевокъ, уже раньше могли познакомиться съ благодатнымъ югомъ и увлечь мало по малу за собой и другихъ». (Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній, стр. 335-336). Когда съ уходомъ гунновъ для славянъ открылась возможность болѣе интенсивнаго переселенія на югъ, на освободившіяся мѣста въ поискахъ лучшей жизни, должны были также, въ первую очередь, устремиться не осѣдлые элементы, а тѣ привычные участники военныхъ предпріятій, которыхъ было не мало среди славянъ, еще раньше, по словамъ Тацита, простиравшихъ «свои набѣги на всѣ лѣса и горы, расположенные между певкинами и феннами». Только такимъ путемъ можетъ быть объяснено то поражающее противорѣчіе, которое существуетъ между показаніями Прокопія, Маврикія и Льва Мудраго, утверждающихъ, что славяне не знакомы съ земледѣліемъ, живутъ въ шалашахъ, охотно измѣняютъ мѣста своего жительства и «предпочитаютъ вести праздную жизнь, чѣмъ трудиться», и длиннымъ рядомъ другихъ данныхъ, съ несомнѣнностью устанавливающихъ, что славяне «строятъ дома» (Тацитъ) и занимаются земледѣліемъ. Извѣстія византійскихъ

рѣтая тамъ значительный перевѣсъ, такъ какъ умѣютъ сражаться въ тѣснинахъ". Въ ту отдаленную эпоху, когда славяне изъ своихъ исконныхъ родныхъ мѣстъ "дѣлали набѣги на всѣ лѣса и горы, расположенные между певкинами и феннами", ихъ примитивное военное искусство, приноровленное къ лѣсамъ и тѣснинамъ, повидимому, стояло на одномъ уровнѣ съ военной тактикой ихъ противниковъ. Но уже въ эпоху, когда писалъ Маврикій, его характеристика военнаго дѣла у славянъ, могла относиться только къ рядовой массѣ славянъ, участвовавшихъ въ набѣгахъ на Византію, а не къ ихъ главному военному ядру. Во 2-ой половинѣ VI-го вѣка, епископъ Ефесскій Іоаннъ, въ своей церковной исторіи, написанной на сирійскомъ языкѣ, съ

писателей могутъ относиться, очевидно, не ко всѣмъ славянамъ, а только части ихъ, т. е. къ славянскому авангарду, тѣмъ искателемъ военной славы и добычи, которые ближе всего подошли къ византійскимъ предѣламъ.

Съ другой стороны, военный характеръ антскаго объединенія и роль военнаго элемента въ дѣлѣ возникновенія первичныхъ государственныхъ формъ позволяетъ предположить, что, быть можетъ, и сами анты, давшіе свое наименованіе цѣлому союзу, были по своему происхожденію не племенемъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, а многочисленной сборной дружиной, или войскомъ, составленнымъ изъ привычныхъ воителей цѣлаго ряда племенъ, т. е. тѣмъ, чѣмъ были, по мнѣнію Фюстель де Куланжа, франки, образовавшіе франкское государство. Возникновеніе сборныхъ дружинъ, но, конечно, меньшаго размѣра, было вообще обычнымъ среди германцевъ. «Если родное племя долго живетъ въ мирѣ, то знатные юноши уходятъ со своими дружинами къ другимъ племенамъ, которыя ведутъ войну». (Тацитъ). Военная дружина, собирающаяся вокругъ военнаго вождя, уже сама по себѣ указываетъ на наличіе извѣстной общественной дифференціаціи, т. е. на начавшееся разложеніе родового строя. Воинственность славянъ достаточно засвидѣтельствована тѣмъ же Тацитомъ, въ значительной степени въ силу этой воинственности, находившимъ, что по образу своей жизни «венеды скорѣй всего должны быть причислены къ германцамъ». Трудно сомнѣваться, чтобы и у славянъ не существовали такія же дружины, какъ и у германцевъ. Равныя условія жизни должны были привести и къ равнымъ результатамъ.

горечью вспоминаетъ о тѣхъ временахъ, "когда славяне "не дерзали еще выходить изъ лѣсовъ и показываться въ безлѣсныхъ мѣстахъ и не знали, что такое оружіе"[1]). Очевидно, при встрѣчѣ съ византійскимъ войскомъ славянамъ пришлось на практикѣ убѣдиться въ превосходствѣ римской военной тактики. Уроки не прошли для нихъ даромъ, и новые принципы военнаго дѣла были ими усвоены весьма успѣшно и достаточно быстро. Ефесскій епископъ Іоаннъ сообщаетъ, что въ 581 г. славяне "завоевали много городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ... до настоящаго времени они живутъ и покоятся въ римскихъ провинціяхъ безъ заботы и страха... Они и войны выучились вести лучше римлянъ". Въ Солунскомъ сказаніи о Св. Дмитріи[2]) передаются аналогичныя свѣдѣнія о развитомъ военномъ искусствѣ у славянъ, проявленномъ ими передъ 597 г. при двухъ осадахъ города Солуня. Осажденныя видѣли передъ собой около 5000 славянъ "людей отборныхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ... На сторонѣ непріятельской стоялъ избранный цвѣтъ всего славянскаго народа". Военныя средства, примѣненныя славянами къ осадѣ Солуня, стояли на высотѣ послѣднихъ достиженій тогдашней военной техники. Славяне "приготовили осадныя машины и желѣзные тараны, огромныя орудія для метанія камней и такъ называемыя черепахи, покрывъ ихъ сухими кожами... Стрѣлки ихъ метали стрѣлы подобно темнымъ тучамъ, такъ что нельзя было стоявшимъ на стѣнѣ безъ опасности показаться за стѣну... Придви-

---

[1]) Переводъ церковной исторіи Іоанна Ефесскаго на нѣмецкій языкъ сдѣланъ Шенфельдеромъ: Iohannes von Ephesus «Kirchengeschichte», Munchen, 1862 г. Часть, относящаяся къ славянамъ, переведена на русскій языкъ Д .А. Хвольсономъ «Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ Ибнъ-Даста». СПБ. 1869 г., стр. 137.

[2]) Арх. Филаретъ: «Св. Великомученникъ Димитрій и Солунскіе славяне», Чтенія Общ. Ист. и Древн. Рос. 1848. № 6.

нувъ черепахи къ наружной стѣнѣ, сильно потрясали они ея основанія.:. Машины выбрасывали непрерывный дождь огромныхъ камней"[1]). Научиться "вести войну не хуже римлянъ" и руководить осадой Солуня съ тѣми средствами, о которыхъ говорится въ сказаніи о св. Дмитріи, могли только настоящіе спеціалисты военнаго дѣла, выдѣлившіеся тѣмъ самымъ изъ рядовъ славянской массы и составившіе изъ себя особую соціальную группу людей "отборныхъ", "избранный цвѣтъ всего славянскаго народа"[2]). Неудивительно, что въ VI в. Византія начинаетъ охотно прибѣгать къ военной помощи антскихъ вспомогательныхъ отрядовъ, которые наравнѣ съ южными славянами не могли не извлечь уроковъ изъ безчисленныхъ военныхъ столкновеній, въ которыхъ имъ приходилось принимать участіе въ теченіе всего VI-го вѣка. Иногда вспомогательные отряды антовъ попадали вмѣстѣ съ греческими войсками даже въ Италію. "Во второе лѣто готическія войны, сообщаетъ Прокопій, Мартинъ и Валерьянъ привели въ Италію на подмогу 1600 человѣкъ конницы, которой большая часть состояла изъ Унновъ, Славянъ и Антовъ, жительство имѣвшихъ тогда неподалеку отъ сѣвернаго берега рѣки Дуная"[3]). (537 г.). Въ рядахъ самого византійскаго

---

[1]) Чтенія Общ. Истор. и Древн. Рос. 1848. № 6. Стр. 10-11 и 15.

[2]) Аналогичный выводъ о существованіи у скиѳовъ особаго общественнаго класса военныхъ спеціалистовъ сдѣланъ М. И. Ростовцевымъ на основаніи вооруженія тяжелой скиѳской конницы. «Такое вооруженіе, пишетъ онъ, предполагаетъ профессіональныхъ бойцовъ-рыцарей, занятыхъ исключительно тренировкой и боевой жизнью. Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ... картинѣ соціальнаго строя Скиѳіи съ господствующимъ классомъ военной конной аристократіи, выносившій на своихъ плечахъ всю тяжесть завоеваній и защиты государства» (Эллинство и иранство на югѣ Россіи. Стр. 71).

[3]) И. Штриттеръ. Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія россійскую исторію, ч. I, стр. 7; Procop. De bello got. 1, 26, 27.

войска, на командныхъ мѣстахъ, начинаютъ появляться иногда военачальники-анты[1]).

Военные походы антовъ въ VI вѣкѣ привели не только къ выдѣленію изъ восточно-славянской массы особой общественной группы, или класса, военныхъ специалистовъ, но они способствовали также и появленію въ ея средѣ людей, отличающихся отъ другихъ своимъ богатствомъ или зажиточностью. Весьма вѣроятно, что и въ данномъ случаѣ военныя событія VI-го вѣка только углубляли тотъ процессъ общественнаго разслоенія славянства, который могъ начаться еще въ эпоху ихъ пребыванія на своей прародинѣ. Обогащеніе военныхъ вождей было въ тѣ времена обычнымъ фактомъ, оно являлось результатомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлью ихъ дѣятельности. Тацитъ разсказываетъ, что германскихъ вождей даже въ мирное время "засыпаютъ подарками". Но, конечно, военная добыча, которую восточные славяне получали въ Византіи, была неизмѣримо богаче той, которой они могли воспользоваться раньше въ "лѣсахъ" и "тѣснинахъ" и, соотвѣтственно съ этимъ, глубже и значительнѣе долженъ былъ оказаться теперь и самый процессъ общественнаго разслоенія восточнаго славянства.

Если бы даже не существовало прямыхъ свидѣтельствъ объ обогащеніи славянъ, принимавшихъ участіе въ походахъ въ Византію, было бы только естественно предположить, что анты возвращались къ себѣ домой съ Балканскаго полуострова далеко не съ пустыми руками. Но и прямыхъ указаній на богатую добычу, которую славяне захватывали себѣ въ предѣлахъ Византійской имперіи, у писателей VI в. встрѣчается очень много. О плѣнникахъ и разнообразной добычѣ, забираемыхъ славянами на Балканскомъ полуостровѣ, идетъ постоянно рѣчь во всѣхъ разсказахъ о сла-

---

[1]) Таковъ, напримѣръ, Дабрагезъ, о которомъ говоритъ Агаѳій (III,21). ,,Δαβραγέζας Αντης ἀνὴρ ταξίαρχος''554-555 г. г.

вянскихъ набѣгахъ. Ефесскій епископъ Іоаннъ, въ своемъ сообщеніи о воинственныхъ набѣгахъ славянъ, указываетъ, что эти славяне "разбогатѣли и пріобрѣли золото, серебро, стада лошадей и много оружія". Богатство славянъ было извѣстно и ихъ ближайшимъ сосѣдямъ, прекрасно знавшимъ, что можетъ принести съ собой набѣгъ на Имперію. Въ 582 г., по сообщенію Менандра, аварскій каганъ напалъ на славянъ, такъ какъ "думалъ найти въ славянской землѣ великія сокровища, потому что они уже долго разоряли греческія области, а въ ихъ землю другой народъ никогда не вступалъ"[1]).

Восточные славяне конечно, также не изъ одной любви къ военнымъ приключеніямъ, совершали свои частые набѣги на Византію. Описывая одинъ изъ очередныхъ набѣговъ славянъ (546 г), Прокопій говоритъ: «почти въ самое то время Анты учинили новое нашествіе на греческія земли и возвратились оттуда съ богатой добычей и со множествомъ плѣнныхъ"[2]). Въ 1912 году пастухами с. Малая Перещепина неподалеку отъ Полтавы былъ найденъ богатѣйшій кладъ золотой и серебряной утвари. Перещепинскій кладъ самымъ яркимъ образомъ подтверждаетъ сообщенія писателей VI в., что благодаря своимъ войнамъ славяне "разбогатѣли" и что къ числу разбогатѣвшихъ принадлежали и анты. Находка была сдѣлана въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются весьма любопытныя древности VI-VII в. в., "о которыхъ вспоминаешь, думая объ антахъ и гдѣ въ эту эпоху "никакого иного земледѣльческаго народа кромѣ антовъ, источники не замѣчаютъ"[3]). Среди многочисленныхъ предметовъ,

---

[1]) И. Штриттеръ. Изв. визант. истор., объясняющія русскую исторію. Ч. I. Стр. 47.

[2]) И. Штриттеръ. Изв. визант. истор., объясняющія русскую исторію Ч. I. Стр. 9; Procop. De bello got. III. 14.

[3]) А. Спицынъ. Археологія въ темахъ начальной русской исторіи. Сборн. статей по русской исторіи, посв. С. Ф. Платонову. 1922 г., стр. 9.

входящихъ въ составъ Перещепинскаго клада, особенно интересно самое большое изъ блюдъ съ клеймами императора Анастасія I (491-518 г. г.), имѣющее кромѣ того надпись: "изъ ветхости возобновлено Патерномъ достопочтеннымъ епископомъ нашимъ". Патернъ извѣстенъ, какъ участникъ Халкидонскаго собора 519; онъ былъ епископомъ города Томи (близъ нынѣшней Констанцы), около котораго не разъ стояли славянскія войска, опустошавшія сѣверные предѣлы Византіи. Большое блюдо съ именемъ Патерна, равно какъ и другіе предметы Перещепинскаго клада, въ томъ числѣ и Персидское серебряное вызолоченное блюдо съ изображеніемъ персидскаго царя Сатора II изъ династіи Сассанидовъ и, возможно, привезенное на Балканскій полуостровъ изъ походовъ Юстиніана, являются такимъ образомъ трофеями антскихъ набѣговъ, полученными ими или непосредственно въ Византіи, или же отнятыми у какого-нибудь другого народа, успѣвшаго ранѣе ихъ захватить[1]).

Конечно, значительная часть военной добычи должна была приходиться на долю вождей, но и другіе участники походовъ не могли также не поживиться захваченнымъ добромъ. Въ подробномъ сообщеніи Прокопія объ антѣ Хильбудѣ, котораго его соплеменники заставили выдать себя за греческаго полководца того же имени, разсказывается объ одномъ антѣ-рабовладѣльцѣ, владѣвшимъ извѣстнымъ состояніемъ и который далеко не прочь былъ его пріумножить[2]). Древне-русскіе клады, ин-

---

[1]) Ю. Готье. Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ, стр. 22-23. Получено ли было все содержаніе Перещепинскаго клада, датируемаго предметами VI и VII в. сразу цѣликомъ, какъ это полагаетъ Ю. Готье, въ видѣ выкупа отъ жителей города Томи, или же предметы и монеты, которые впослѣдствіи составили инвентарь Перещепинскаго клада, накапливались у какихъ то лицъ постепенно, сказать, конечно, невозможно.

[2]) Procop. De bello got. III, 14.

вентарь древнихъ городищъ, кургановъ и отдѣльныя археологическія находки приводятъ къ заключенію о "значительной дифференціаціи классовъ, которая существовала уже въ докняжеской Руси"[1]).

Итакъ, въ VI столѣтіи въ укладѣ жизни, по крайней мѣрѣ, части восточно-славянскихъ племенъ произошли такія измѣненія, при которыхъ "простота быта" и "общность занятій родичей" перестали существовать. Славянская масса замѣтно

---

[1]) Ю. Готье. Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 239. П. Н. Милюковъ въ своей статьѣ «Древнѣйшій бытъ славянъ» (Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ подъ ред. П. Г. Виноградова. Т. 1) говоритъ: «у всѣхъ славянскихъ племенъ... не было раздѣленія общества на классы по правамъ и занятіямъ. Богатство могла, правда, дать война. Но, сколько бы драгоцѣннаго металла ни принесъ съ собой славянинъ изъ своихъ набѣговъ, ему некуда было дѣть этихъ денегъ... Богатство могло принять только одинъ видъ — клада». (Стр. 83-94). Прежде всего славянинъ пріобрѣталъ во время набѣговъ не только золото, серебро и деньги, но и многое такое, что ему во всякомъ случаѣ было куда дѣть: рабовъ, стада, лошадей, оружіе. Во-вторыхъ, нѣтъ основанія полагать, что богатство потому только принимало видъ клада, что иначе неизвѣстно было, что съ нимъ дѣлать. Археологическія данныя свидѣтельствуютъ, что на территоріи, занятой восточными славянами, драгоцѣнные предметы и деньги оказывались въ землѣ, главнымъ образомъ, по причинамъ чисто внѣшняго свойства. «Изумительный по богатству и интересу... рязанскій кладъ лучше всего даетъ возможность отгадать, при какихъ условіяхъ подобные предметы зарывались въ землю... Кладъ, содержавшій часть сокровищъ рязанскихъ князей долженъ былъ быть зарытъ въ землю въ моментъ послѣдней смертельной опасности, когда татары обложили городъ и готовились его брать. Навѣрное можно сказать, что аналогичное происхожденіе имѣютъ и другіе подобные клады — кіевскіе, черниговскіе и иные. Очень характерно, что такихъ богатыхъ кладовъ не дали большіе города домонгольской Руси, которые не подвергались разгрому, напримѣръ Смоленскъ и Новгородъ. (Ю. Готье. Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 119). Что могъ дѣлать со своими деньгами восточный славянинъ въ VI-VIII в. в. будетъ указано ниже. Приведенное мнѣніе П. Н. Милюкова характеризуетъ только его прошлые взгляды. Въ настоящее время и самъ П. Н. Милюковъ врядъ ли повторилъ бы цѣликомъ свое прежнее сужденіе.

разслоилась[1]). Первенствующее положеніе занялъ "цвѣтъ всего славянскаго народа", классъ военныхъ профессіоналовъ. Главнымъ образомъ въ рукахъ того же класса успѣли сосредоточиться значительныя богатства, состоящія въ рабахъ, стадахъ, табунахъ, золотѣ, серебрѣ, драгоцѣнныхъ предметахъ и оружіи. Возможно, что зажиточные люди стали встрѣчаться и среди лицъ для которыхъ война не была основнымъ или единственнымъ ихъ промысломъ и изъ которыхъ уже въ ту эпоху началъ вырабатываться классъ торговцевъ профессіоналовъ. Въ то же время главная масса восточнаго славянства продолжала оставаться при своихъ исконныхъ занятіяхъ. Бытъ этой массы, вскрываемый данными археологіи и лингвистики, — это бытъ примитивнаго земледѣльческаго населенія, занимающагося также звѣроловствомъ и бортничествомъ и не чуждаго вмѣстѣ съ тѣмъ простѣйшихъ формъ торговаго обмѣна[2]).

---

[1]) Въ результатѣ своихъ интересныхъ разысканій надъ археологическимъ матеріаломъ, добытымъ на территоріи радимичей, Б. А. Рыбаковъ приходитъ къ выводу, что даже у радимичей имѣлись на лицо различія въ степени богатства погребенія, свидѣтельствующія о наличіи имущественнаго неравенства и начальной стадіи соціальнаго разслоенія. (Радзімічи. Працы сэкцыі археологіі III, Менск. 1932).

[2]) I. М. Кулишеръ въ «Очеркахъ исторіи русской промышленности» (ПГД. 1922), въ первой главѣ, носящей названіе «Общій характеръ древней Руси», доказываетъ, что еще въ эпоху, нашедшую себѣ относительно полное отраженіе въ «Повѣсти времянныхъ лѣтъ», основными занятіями славянъ было звѣроловство и бортничество. Въ отзывѣ на книгу I. М. Кулишера А. М. Грековъ справедливо указываетъ, что для періода «нашей лѣтописи, Русской Правды, житія Ѳеодосія Печерскаго и др. старѣйшихъ нашихъ памятниковъ вопросъ можетъ быть поставленъ на самомъ твердомъ научномъ базисѣ... Что лѣтописецъ изобразилъ древлянъ живущими въ лѣсахъ, звѣринымъ обычаемъ и ядущими все нечистое — это понятно. Это несомнѣнная тенденція лѣтописца, который тутъ же и проговаривается. Ольга обращается къ древлянамъ, которые упорно не желаютъ ей подчиниться. Посмотрите на сосѣдей, говоритъ она, они мнѣ подчинились и «дѣлаютъ ни-

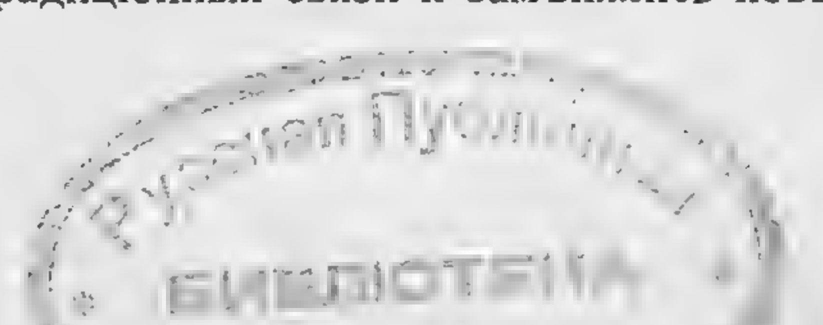
Для тѣхъ восточно-славянскихъ племенъ, въ средѣ которыхъ ко времени распаденія антскаго союза произошло соціальное разслоеніе, возвратъ назадъ, къ чистымъ формамъ родового быта, былъ уже труденъ. Онъ могъ совершиться для нихъ только въ формѣ соціальнаго регресса. Кромѣ того, начавшееся разселеніе восточныхъ славянъ съ сѣверо-западныхъ береговъ Чернаго моря само по себѣ не могло не грозить распаденіемъ и тѣхъ родовыхъ союзовъ — кромѣ самыхъ мелкихъ и потому наиболѣе стойкихъ, которые еще у нихъ оставались[1]). Но, что особенно важно, славяне, вынужденные отказаться отъ обширныхъ военныхъ предпріятій и прочно устраиваться на новыхъ мѣстахъ не замедлили оказаться подъ сильнымъ вліяніемъ тѣхъ глубокихъ и прочныхъ элементовъ цивилизаціи, которые задолго до Р. Х. были заложены въ южно-русскихъ степяхъ и подъ воздѣйствіе которыхъ неиз-

---

вы своя, а вы хотите измрети гладомъ». Неужели народъ, у котораго земледѣліе не главный промыселъ, можетъ вымереть, если перестанетъ абрабатывать землю?» Въ только что появившейся въ печати статьѣ — «Проблема генезиса феодализма въ Россіи». (Историческій Сборникъ. I. Ленинградъ 1934) — Б. Д. Грековъ, ссылаясь, въ частности, на новѣйшія археологическія изысканія Б. Рыбакова, А. Арциховскаго, А. Федоровскаго, А. Лавдянскаго и др., высказывается по данному вопросу еще категоричнѣе. «Нужно рѣшительно подчеркнуть, пишетъ онъ, что всѣ наши памятники русскіе и нерусскіе самымъ очевиднымъ образомъ говорятъ о сельскомъ хозяйствѣ въ качествѣ господствующаго занятія населенія не только въ Приднѣпровьѣ, но и Новгородской землѣ и въ Центральномъ Междурѣчьѣ» (стр. 35).

Ср. мнѣніе Ю. Готье, составленное имъ, главнымъ образомъ, на почвѣ археологическихъ данныхъ. «О томъ, что всѣ восточно-славянскія племена были знакомы съ земледѣліемъ и скотоводствомъ, говорить не приходится; и то и другое было въ полномъ ходу даже у тѣхъ самыхъ древлянъ, которыхъ лѣтописецъ коритъ «скотскимъ обычаемъ». (Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 243).

[1]) М. Любавскій, соглашаясь съ В. О. Ключевскимъ, что благодаря разселенію славянъ «разрывались установившіяся, родственныя и традиціонныя связи и замѣнялись новыми свя-

мѣнно попадали народы, входившіе съ ними въ соприкосновеніе.

С. М. Соловьевъ считалъ несомнѣннымъ, что "русское государство образовалось на дѣвственной почвѣ, на которой исторія, цивилизація другого народа не оставила никакихъ слѣдовъ, никакихъ преданій; никакихъ учрежденій не досталось въ наслѣдство юному русскому обществу, которое должно было начать свою историческую жизнь съ одними собственными средствами"[1]).

Современная исторіографія оставила эту, казавшуюся когда то безспорной, точку зрѣнія о "дѣвственной почвѣ" причерноморскихъ земель и пришла къ широко распространенному выводу, что на территоріи южнорусскихъ степей, искони перекрещивались самыя разнообразныя культурныя вліянія. Начиная со временъ глубочайшей древности населеніе южно-русскихъ степей находилось подъ воздѣйствіемъ культуръ какъ западныхъ, такъ и восточныхъ. Съ появленіемъ въ VII в. до Р. Х. на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря греческихъ колоній указанное вліяніе очаговъ иноземной куль-

---

зями сосѣдства», полагаетъ, однако, что «съ теченіемъ времени, когда первоначальное броженіе улеглось, мало по малу возстанавливались и прежнія формы». (Лекціи по древней русской исторіи. Стр. 58). По отношенію къ древнѣйшей русской исторіи соображеніе М. Любавскаго остается чисто теоретическимъ и, во всякомъ случаѣ, оно неприложимо къ тѣмъ восточно-славянскимъ племенамъ, въ средѣ которыхъ еще до ихъ разселенія имѣла уже мѣсто соціальная дифференціація и которыя кромѣ того испытали на себѣ вліяніе многоразличныхъ элементовъ причерноморской культуры.

[1]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. I. Стр. 268-269. В. О. Ключевскій признаетъ наличіе въ причерноморскихъ степяхъ интереснаго и сложнаго культурнаго наслѣдства, накопленнаго въ теченіи долгихъ вѣковъ, но почти не касается вопроса объ его воздѣйствіи на восточныхъ славянъ. «Всѣ эти данныя, пишетъ онъ, имѣютъ большую общеисторическую цѣну: но они болѣе относятся къ исторіи нашей страны, чѣмъ къ исторіи нашего народа». (Курсъ русской исторіи. Ч. I. Стр. 118-119).

туры на смѣняющееся населеніе причерноморскихъ степей дѣлается особенно нагляднымъ и совершенно безспорнымъ[1]).

Силу культурнаго воздѣйствія греческихъ колоній испытала на себѣ и та скиѳская держава, съ мыслью о которой обычно связывается представленіе о замкнувшейся въ себѣ дикости. "Благодаря милетскимъ колонистамъ... начинается эллинизація скиѳскаго Черноморья. Ея живымъ символомъ стала легендарная личность царственнаго Анахарсиса, современника Солсна, отправившагося въ Грецію для изученія на мѣстѣ греческой мудрости и благозаконія и поплатившагося жизнью за слишкомъ крутую попытку ввести у своихъ земляковъ греческую религію; ея же результатомъ былъ постепенный переходъ сосѣднихъ грекамъ скиѳовъ отъ кочевого образа жизни къ осѣдлому и къ хлѣбопашеству... Такъ то на равнинѣ нашего Приднѣпровья заколыхались первыя зеленыя нивы — и при томъ въ такое время, когда не только прочный скиѳскій сѣверъ, но и германцы, британцы, галлы питались желудями и мясной пищей"[3]).

Скиѳы и смѣнившіе ихъ впослѣдствіи сарматы не только учились у грековъ, но и со своей стороны вліяли на внутренній укладъ жизни греческихъ ко-

---

[1]) М. И. Ростовцевъ. Эллинство и иранство на югѣ Россіи; его же: Происхожденіе Кіевской Руси. Современныя Записки. № 3.

[2]) Греческія колоніи на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей: Тирасъ, Ольвія, Каркинитъ, Херсонесъ Таврическій, Палакіонъ, Феодосія, Пантикапея, Фанагорія, Танаисъ, Діоскуры (Судакъ въ Крыму основанъ уже въ III. в по Р. Х.).

[3]) Ф. Зелинскій. Исторія античной культуры. ПГД. 1915. Стр. 67-68. Ср. М. И. Ростовцевъ: «Ольвія оказала могучее культурное вліяніе на ближайшее къ ней населеніе. Низовья Днѣпра и Буга покрылись рядомъ небольшихъ и торговыхъ укрѣпленныхъ поселеній, населенныхъ полугреческими жителями. Ближайшія къ Ольвіи мѣстности занялись интенсивнымъ земледѣліемъ. Торговля Ольвія шла далеко на сѣверъ», (Эллинство и иранство на югѣ Россіи, стр. 72).

лоній. Особенно ярко это вліяніе сказалось на Боспорской державѣ. Основу Боспорскаго царства составила группа греческихъ колоній у Керченскаго пролива, встрѣтившихъ здѣсь "не варварское, а сравнительно культурное населеніе, со времени II тысячелѣтія, стоявшее подъ сильнѣйшимъ культурнымъ вліяніемъ востока"[1]). Съ появленіемъ въ Пантикапеѣ въ 438-37 г. до Р. Х. сильной единоличной власти въ лицѣ Спартока кладется начало самостоятельному существованію Боспорскаго государства. Оно сумѣло укрѣпить свою независимость по отношенію къ скиѳамъ и эмансипироваться отъ политическаго вліянія со стороны Аѳинъ, а также подчинить своей власти сосѣднія "варварскія" племена. Въ результатѣ Боспорская держава создала свою собственную оригинальную культуру и, въ частности, свой особый художественный стиль, при чемъ очень многимъ Пантикапей "былъ обязанъ своему сосѣдству съ иранскимъ міромъ и своей связи съ великимъ восточнымъ искусствомъ"[2]).

Греческія колоніи продолжали выполнять свою культурную миссію и во время римскаго владычества. Оригинальная и мощная культура Причерноморья продолжала свое существованіе и въ ту эпоху, когда ее стали заливать волны германскихъ, тюркскихъ и славянскихъ народностей. Просачиваніе на югъ по Днѣпровской дорогѣ германскихъ племенъ, начавшееся еще передъ Р. Х. приводитъ къ болѣе сильному, чѣмъ прежде развитію сношеній юга съ сѣверомъ. Клады римскихъ монетъ, идущихъ отъ Балтики къ Черному морю, указываютъ направленіе, по которому развивались эти сношенія.

Возникновеніе въ III в. по Р.Х. въ причерномор-

---

[1]) М. И. Ростовцевъ. Эллинство и иранство на югѣ Россіи, стр. 121.

[2]) М. И. Ростовцевъ. Эллинство и иранство на югѣ Россіи. Стр. 83.

скихъ степяхъ германскаго государства готовъ могло только содѣйствовать укрѣпленію мѣстныхъ культурныхъ традицій. «Готская эпоха время сильнаго культурнаго вліянія... Готы были безспорно самый талантливый народъ эпохи великаго переселенія. Христіанство нашло къ нимъ доступъ и окрѣпло въ ихъ средѣ раньше и быстрѣе, чѣмъ у другихъ германскихъ народовъ, высоко развитая греко-римская культура встрѣтила въ нихъ болѣе глубокое сочувствіе и была воспринята ими лучше, чѣмъ дикими франками, суровыми лонгобардами или неповоротливыми алеманами. Имена остготовъ Теодориха и Тотилы окружены ореоломъ терпимости, гуманности"[1]). Поднѣпровье многимъ было обязано готамъ. Они строили здѣсь города, или владѣли тѣми городами, въ которыхъ жили, быть можетъ, впослѣдствіи восточные славяне, вели оживленную торговлю съ Византіей, о чемъ свидѣтельствуютъ римскія монеты II-IV в. в. по Р. X., находимыя въ предѣлахъ юго-западной Россіи.

Эпоха между IV и VI в. в. христіанской эры явилась для южно-русскихъ степей порой тяжелыхъ испытаній. Быстро смѣнявшія другъ друга орды кочевниковъ угрожали смести всѣ слѣды прежней культуры. Этого, однако, не случилось не только потому, что элементы культуры были заложены здѣсь слишкомъ глубоко и прочно, но и потому

---

[1]) Θ. Браунъ. Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній, стр. 18. Ср. съ характеристичой Теодориха у L. Halphen'a : « Détenu plus de dix ans à Constantinople comme otage, durant sa jeunesse il a gardé jusqu'à la mort l'éblouissement de ce contact avec l'art et la culture antiques, tout en demeurant d'ailleurs incapable même de tracer les lettres de son nom sans se servir d'un poncif. L'effort accompli par ce Barbare pour maintenir intact ou, le cas échéant, restaurer le patrimoine artistique de l'Italie romaine est prodigieux ». (Les Barbares — Peuples et civilisations. Vol. 5 Стр. 81).

[2]) М. И. Ростовцевъ. Происхожденіе Кіевской Руси. Современныя Записки. № 3. Стр. 147.

что они имѣли за собой "никогда не угасавшіе, вѣчные проводники въ городахъ Крыма... Здѣсь кромѣ Грековъ жили Готы, Черные Болгары, Евреи. Лишь только на материкѣ наступало успокоеніе, Крымъ возобновлялъ свои сношенія съ нимъ и оживлялъ его торговыми и промышленными связями. Поднѣпровье находилось въ постоянномъ общеніи съ этимъ ближайшимъ аванпостомъ греческой культуры"[1]).

Начиная съ появленія первыхъ греческихъ колоній и кончая "готской эпохой", пути торговыхъ сношеній служили тѣми артеріями, по которымъ на населеніе причерноморскихъ степей распространялись культурныя вліянія востока, запада и юга. Греческихъ колонистовъ привлекли на сѣверное побережье Черноморья его богатства. Рыба, скотъ, рабы, мѣха и, особенно, хлѣбъ были главными предметами вывоза изъ образовавшихся здѣсь греческихъ колоній въ ихъ метрополіи. "Начиная съ VI в. хлѣбъ дѣлается главнымъ предметомъ вывоза изъ сѣвернаго Черноморья, а оно самое — главной житницей каменистой Греціи"[2]). Даже политическія судьбы Боспорскаго царства въ теченіе долгаго времени находилось въ зависимости отъ обширной хлѣбной торговли, которую Боспоръ велъ съ греческими государствами и, въ частности, съ Аѳинами.

Полибій и Страбонъ даютъ интересное по своей полнотѣ перечисленіе продуктовъ, которые Греція получала черезъ посредство своихъ причерноморскихъ колоній и Боспорскаго царства. "Съ причерноморскихъ земель, пишетъ Полибій, къ намъ шли рабы и при томъ самые лучшіе, а изъ запасовъ они поставляютъ намъ медъ, воскъ и соленую рыбу въ большихъ количествахъ, а хлѣбомъ обмѣниваются, то присылая его, то доставая". Какъ бы въ

---

[1]) А. А. Шахматовъ. Очеркъ древн. пер. исторіи русск. языка, стр. XXXVII-XXXVIII.

[2]) Ѳ. Зѣлинскій. Исторія античной культуры, стр. 82.

дополненіе къ сообщенію Полибія, Страбонъ пишетъ про Боспорскую торговлю въ Танаисѣ: "кочевники привозятъ сюда невольниковъ, шкуры и иные продукты"[1]). Въ свою очередь черезъ посредство колоній греческіе продукты шли далеко вглубь страны и еще въ VII-IV в. ы. "насытили собой цвѣтущее среднее Поднѣпровье и Полтавщину"[2]).

Такъ, за много вѣковъ до христіанской эры, по степямъ Черноморья и оттуда на востокъ, западъ и сѣверъ прокладывались караванныя дороги и водные пути и возникали по этимъ путямъ, или около нихъ, торговые центры.

Чрезвычайно развитая сѣть торговыхъ сношеній, которыми владѣла Русь въ IX-X в.в., не могла быть, конечно, проложена ею впервые въ эпоху стихійной борьбы сѣвера съ югомъ, когда на Кіевъ разъ за разомъ обрушивались "воя многи, Варязи, Чюдь, Словѣни, Меря и Кривичи". "Отъ рода русскаго слы и гостье" шли по путямъ и пользовались торговыми центрами, искони связанными съ мѣстностью, гдѣ строилось Кіевское государство, и эти пути приводили ихъ съ одной стороны въ Византію и на Западъ, съ другой стороны вели ихъ на сѣверъ или на далекій востокъ въ Египетъ, Сирію, Калифатъ, Туркестанъ и т. д. Такіе пути прокладываются нерѣдко вѣками и, разъ установившись, отличаются особой устойчивостью.

Когда князь Святославъ произнесъ свою знаменитую фразу: "хочю жити въ Переяславци на Дунаѣ... яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, овощеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ сребро и комони, изъ Руси же скора и воскъ медъ и челядь", то въ своемъ перечисленіи продуктовъ, идущихъ на Балканскій полуостровъ изъ Ру-

---

[1]) Цит. по М. Грушевскому. Історія Украіни Руси, т. 1, стр. 43.

[2]) М. И. Ростовцевъ. Эллинство и иранство на югѣ Россіи, стр. 82.

си онъ почти повторилъ слова Пөлибія и Страбона. Въ перечнѣ не хватаетъ, главнымъ образомъ, одного исконнаго предмета вывоза изъ причерноморскаго рынка — хлѣба. Но византійскій писатель Левъ Дьяконъ[1]) восполняетъ этотъ важный пробѣлъ въ рѣчи Святослава, своимъ сообщеніемъ, что императоръ Цимисхій договорился со Святославомъ о вывозѣ хлѣба изъ Руси въ Византію. Такимъ образомъ, еще во второй половинѣ X-го вѣка изъ Кіевской области вывозились на Балканскій полуостровъ тѣ же продукты, которые въ III в. до Р. Х. составляли предметъ торговли припонтійскихъ земель съ Греціей.

Разселеніе славянъ не повлекло за собой засоренія и другихъ путей, которые искони пролегали черезъ южно-русскія степи. Одно изъ южныхъ направленій стариннаго караваннаго пути въ предѣлахъ Днѣпровскихъ притоковъ, въ сравнительно болѣе позднюю эпоху, носившее названіе "залознаго пути", усѣяно арабсками диргемами, что помогаетъ "возсоздать явленія, которыя были, быть можетъ живыми еще до христіанской эры"[2]). Весьма вѣроятно, что очень древнимъ былъ и "соляной путь " Кіевской эпохи, ведущій къ мѣстамъ добычи соли у Крымскаго полуострова. Самый Днѣпръ, приблизительно до широты Кіева, служилъ большой торговой дорогой, отмѣченной рядомъ монетныхъ находокъ, доходящихъ до норманской эпохи. Далѣе къ сѣверу "торговые пути, шедшіе съ юга и юго-востока, распадались на мелкіе мѣстные пути, частью рѣчные вверхъ по Деснѣ, Днѣпру и Припяти, частью на сухопутные на территорію по-

---

[1]) Исторія Льва Дьякона. Переводъ Д. Попова. СПБ. 1820.

[2]) Ю. Готье. Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 233. А. Спицынъ полагаетъ, что «залозный путь» не проложенъ, а «упроченъ былъ за Русью еще Владиміромъ Св.» (Торговые пути Кіевской Руси. С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПБ. 1911. Стр. 250).

гребальныхъ урнъ на западъ къ Карпатамъ"[1]). Многочисленные клады восточныхъ монетъ, идущіе отъ средняго Днѣпра на востокъ, свидѣтельствуютъ, что славяне въ хазарскую эпоху пользовались этимъ путемъ. По нему должны были попадать въ хазарскіе города какъ тѣ восточные славяне,—несомнѣнно купцы,—о пребываніи которыхъ въ Хазаріи разсказываютъ Масуди, Истахри и Ибнъ-Хаукаль[2]), такъ и тѣ торговцы, которые, по свидѣтельству опять таки мусульманскихъ писателей, доѣзжали до самаго Багдада. Но сами по себѣ эти пути гораздо древнѣе Хазарскаго царства. "Уже въ эпоху мѣднаго вѣка... налаживаются великіе торговые пути, идущіе черезъ Россію; караванный путь съ Востока къ берегамъ Азовскаго моря, морской путь съ береговъ Чернаго моря въ Средиземное, къ островамъ Эгейскаго моря и къ побережью Малой Азіи, и рѣчной сѣверный путь, путь янтаря — къ Балтійскому морю"[3]).

Быть можетъ самымъ поразительнымъ доказательствомъ налаженности западныхъ сношеній сквозь всю Европу, отъ Хазаріи черезъ Русь до Испаніи, является тотъ путь, который около 900 г. продѣлало письмо испанскаго еврея Хаздаи-ибнъ-Шафрута къ хазарскому царю Іосифу. Хаздаи-ибнъ Шафрутъ, занимавшій постъ финансоваго совѣтника при дворѣ Кордовскихъ халифовъ, рѣшилъ «узнать истину, есть ли гдѣ остатокъ и царство изгнанному Израилю, гдѣ бы онъ не былъ подчиненъ и подвластенъ другимъ". Съ этой цѣлью онъ напи-

---

[1]) Ю. Готье. Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ, стр. 234.

[2]) А. Я. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей. Стр. 38 и 129-130.

[3]) М. И. Ростовцевъ. Происхожденіе Кіевской Руси. Современныя Записки № 111, стр. 145. Ю. Готье допускаетъ, что восточный путь изъ Руси въ Хазарію существовалъ еще «въ эпоху скифовъ, Танаиса и Боспорскаго царства (Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ, стр. 233).

салъ письмо хазарскому царю и отправилъ его черезъ двухъ евреевъ, участвовавшихъ въ посольствѣ страны Гебалимъ (предположительно Чехія). Они должны были переслать его къ евреямъ, живущимъ въ странѣ Гунгаріи (Венгріи). "Тѣ отправятъ ихъ въ Русь, отсюда они пойдутъ въ Булгаръ и такимъ образомъ дойдутъ до указаннаго тобой мѣста". Намѣченный маршрутъ оказался удачнымъ, и хазарскій царь Іосифъ получилъ письмо, отправленное ему изъ Кордовскаго халифата. "Вотъ я сообщаю тебѣ, что пришло къ намъ твое почтенное письмо черезъ р.Іакова Еліезера изъ страны нѣмецъ"[1]). Повидимому путь, продѣланный письмомъ есть одинъ изъ тѣхъ, о которомъ около середины IX вѣка писалъ Ибнъ-Хордадбе, хорошо знакомый съ современной ему географіей по своей должности начальника почтъ въ персидскомъ Иранѣ: "Путь купцовъ-евреевъ Радамитовъ, которые говорятъ по персидски, по румски, по арабски, по французски, по андалузски и по славянски; они путешествуютъ съ запада на востокъ и съ востока на западъ моремъ и сушей"[2]).

Одно внѣшнее обстоятельство, совпавшее по времени со славянскимъ разселеніемъ, сильно помогло тому, что въ VII и VIII вѣкахъ старинные торговые пути, пролегавшіе черезъ южно-русскія степи, послѣ предшествующаго смутнаго періода вновь сдѣлались болѣе доступными. Хазарское цар-

[1]) П. К. Коковцевъ. Еврейско-хазарская переписка X в., стр. 66 и 72. Въ данномъ случаѣ интересно, въ частности, выраженіе «страна нѣмецъ», представляющее изъ себя несомнѣнное «славянское обозначеніе германцевъ, заимствованное затѣмъ византійскими и восточными писателями».

[2]) А. Я. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей. Стр. 48. Въ вопросѣ о датировкѣ «Книги путей и царствъ» Ибнъ-Хордадбе мнѣнія ученыхъ изслѣдователей расходятся. А. Гаркави относитъ сочиненіе Хордадбе къ 60-70 г. г. IX в., Фр. Вестбергъ (вслѣдъ за Марквартомъ) къ 885-886 гг., а П. Смирновъ считаетъ, что оно было написано не позже 846-847 г.

ство прикрыло собой южно-русскія степи отъ натиска кочевниковъ и стало замѣтно покровительствовать развитію торговыхъ сношеній. Подъ хазарскимъ заслономъ "въ VII и VIII вв. вновь укрѣпились въ Россіи старые торговые пути, вновь расцвѣла торговля: съ арабскимъ востокомъ, съ германскимъ сѣверомъ, съ византійскимъ югомъ"[1]).

Большіе торговые пути не существуютъ безъ болѣе или менѣе значительныхъ торговыхъ центровъ-городовъ. Не одна только историческая судьба греческихъ колоній, расположившихся на сѣверномъ побережьи Чернаго моря можетъ служить доказательствомъ исключительной живучести разъ возникшихъ на югѣ Россіи культурныхъ центровъ. Еще въ XII столѣтіи въ глубинѣ половецкихъ земель, на Дону, продолжали существовать древніе города, служившіе и пунктами торговыхъ операцій и мѣстомъ сосредоточенія половецкихъ силъ.

Въ 1111 году нѣсколько русскихъ князей выступили походомъ на половцевъ и "въ 6-ую же недѣлю поста пріидоша ко Донови... И поидоша ко граду Шаруканю. И въ недѣлю выидоша изъ города и поклонишася княземъ Русскимъ и вынесоша рыбы и вино... И завтра, въ среду поидоша къ Сугрову и зажгоша и"[2]). Половецкій городъ Сугровъ, сожженный въ 1111-мъ году продолжаетъ, однако, существовать и въ 1116 г., когда русскіе князья на Дону "взяша три гради: Сугровъ, Шарукань, Балинъ"[3]). Въ 1185 г. сюда же, на Донъ, какъ центръ половецкаго могущества, былъ направленъ главный ударъ князя Новгородъ-Сѣверскаго Игоря, въ его несчастливомъ походѣ, прославленномъ пѣвцомъ "Слова о полку Игоревѣ". Половецкіе горо-

---

[1]) М. И. Ростовцевъ. Происхожденіе Кіевской Руси. Современныя Записки № 3. Стр. 149.

[2]) Ипатьевская лѣтопись. Въ Воскресенской: и «...половцы вышедше изъ града и поклонишася княземъ Русскимъ».

[3]) Ипатьевская лѣтопись. Въ Воскресенской: «городы поима Половецкія: Галинъ (вар. Балинъ), Чешуевъ, Сугровъ».

да — «остатки весьма древнихъ поселенiй сарматовъ, къ которымъ присоединились впослѣдствiи славяне; эти поселенiя должны были признать надъ собой власть кочевниковъ"[1]). Подъ 1117 годомъ Ипатьевская лѣтопись сообщаетъ краткое и вмѣстѣ съ тѣмъ интересное свѣдѣнiе: "придоша Бѣловѣжьци на Русь"[2]). Бѣлая Вѣжа или хазарскiй Саркелъ относительно молодой городъ. Онъ былъ построенъ около 833 года греками по просьбѣ хазаръ, желавшихъ имѣть сильную крѣпость для защиты отъ прорвавшихся въ русскiя степи угровъ[3]). Долгое время мѣстонахожденiе Саркела было спорнымъ, пока археологическiя изысканiя по обѣимъ сторонамъ Дона близъ станицы Цымлянской не открыли здѣсь двухъ городищъ, изъ которыхъ одно, выдвинутое въ степь, было военнымъ поселенiемъ, крѣпостью, а другое, лѣвобережное, сосредоточiемъ торговой жизни. Несмотря на свою относительную молодость Саркелу пришлось перенести не мало

---

[1]) С. М. Середонинъ. Историческая географiя. Стр. 173.

[2]) Рядъ изслѣдователей (Голубовскiй, Шахматовъ, Готье) видятъ въ бѣловѣжцахъ, пришедшихъ на Русь, славянское населенiе Саркела, покинувшее этотъ городъ, когда жизнь въ немъ стала совершенно невозможной. Въ Густинской лѣтописи указанные бѣловѣжцы называются хазарами: «Въ се лѣто прiидоша бѣловѣжцы, си есть хозаре, въ Русь». (Цит. у Багалѣя. Исторiя Сѣверской земли до половины XIV столѣтiя. Кiевъ. 1882 г., стр. 2). Ф. Вестбергъ на этомъ основанiи считаетъ пришедшихъ на Русь бѣловѣжцевъ хазарами. (Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ. Ж. М. Н. П. 1908 г. № 3, стр. 40). Хотя къ разбираемому въ текстѣ вопросу споръ о томъ, кто такiе эти бѣловѣжцы, не имѣетъ непосредственнаго отношенiя, тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить, что выраженiе «си есть хозаре» производитъ впечатлѣнiе явной вставки, другими словами, собственной догадки составителя Густинской лѣтописи.

[3]) Ак. Успенскiй считаетъ впрочемъ, что «Саркелъ былъ построенъ византiйцами для охраны своего влiянiя на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря... Въ Х в. Саркелъ принадлежалъ грекамъ, а не хазарамъ». (Византiйскiя владѣнiя на сѣверномъ берегу Чернаго моря IX и X вѣковъ. Кiевская старина. 1889 г. № 5).

тяжелыхъ испытаній, въ томъ числѣ и взятіе его Святославомъ и смѣну властвовавшихъ надъ нимъ народовъ. При всемъ томъ Саркелъ или Бѣлая Вѣжа дожилъ, во всякомъ случаѣ, до 1117 г.

Города, сохранившіеся въ глуби половецкихъ степей, не были совершенно отрѣзаны отъ внѣшняго міра и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ старыя культурныя и торговыя традиціи не замерли окончательно и въ концѣ XII в. "Среди находокъ, сдѣланныхъ въ цымлянскихъ городищахъ можно назвать мраморныя колонны, схожія съ херсонскими, много крестовъ византійской формы, крестъ съ изображеніями князей Бориса и Глѣба и русскими надписями именъ этихъ князей, кіевскую серебряную монету, такъ называемое "Владимирово серебро" и т. д. Почти всѣ эти находки сдѣланы на площади лѣвобережнаго городища"[1]). Въ 1184 г. русскіе князья, вышедшіе навстрѣчу половецкому хану Кончаку, "устрѣтоста гости идущь противу себе ис Половець"[2]).

Несомнѣнно весьма древними были и нѣкоторые изъ многострадальныхъ городовъ, которыхъ Воскресенская лѣтопись, перечисляя "имена градомъ всѣмъ Русскимъ, далнимъ и ближнимъ" помѣщаетъ "на сей странѣ Дунаѣ"[3]). Всего лѣтопись насчитываетъ здѣсь 13 городовъ. Одни изъ нихъ, какъ "Коломыя", "Бѣлгородъ" (древній Тирасъ, современный Аккерманъ) и «Хотѣнъ" продолжаютъ существовать и въ XX вѣкѣ, другіе исчезли, но ихъ исчезновеніе нѣтъ основанія относить къ до-историческимъ временамъ. Въ 1116 г. Владимиръ Моно-

---

[1]) Ю. Готье. Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ, Стр. 65.

[2]) Ипатьевская лѣтопись. А. Спицынъ допускаетъ возможность,что«гости изъ Половецъ» «могли быть купцами, торговавшими съ Шаруханомъ и другими Донецкими городами» (Торговые пути Кіевской Руси. С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. 1911, стр. 247).

[3]) Воскресенская лѣтопись, стр. 240.

махъ, по сообщенію Ипатьевской лѣтописи, "посла Ивана Войтинича и посажа посадники по Дунаю". Древнѣйшіе города, расположенные на низовьяхъ Серета и Буга, о которыхъ Воскресенская лѣтопись не упоминаетъ въ своемъ перечнѣ, — Берладъ, Текучъ, и Галичъ (теперь Галацъ), — продолжали играть нѣкоторую роль въ русской жизни еще въ XII и XIII вв. "Берладъ былъ подобно Тмутаракани прибѣжищемъ бѣглецовъ, князей и простыхъ людей"[1]). Сюда, разгнѣвавшись на Ростиславовичей, посылаетъ въ 1174 г. Андрей Боголюбскій князя Давида "а ты поди въ Берладъ, не велю ти въ Русской землѣ быти"[2]). Въ области Берлада жили и "бродники", которые вмѣстѣ со своимъ воеводой Плоскиней въ битвѣ на Калкѣ выступили на сторонѣ татаръ противъ русскихъ князей.

Археологическія данныя съ исключительной наглядностью подтверждаютъ, что восточные славяне при своемъ разселеніи занимали области, гдѣ находилось не мало культурныхъ и торговыхъ городскихъ центровъ. Многія изъ находящихся на югѣ городищъ корнями своими уходятъ въ глубь вѣковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ особенности находящіяся на территоріи Кіевской и Полтавской губерніи, весьма значительны. Ихъ площадь равна нѣсколькимъ десятинамъ, а иногда достигаетъ даже нѣсколькихъ сотенъ или тысячъ десятинъ. Таковы, напримѣръ, Пастерское городище или Жарище, Княжая Гора при устьѣ Роси, Митронинское городище при с. Хмельной, Великобудовское, Лекнянское, Песчанское. Городища этого типа встрѣчаются иногда и далеко на востокъ отъ Днѣпра, какъ городище Донецкое близъ Харькова и два городища въ Ахтырскомъ уѣздѣ. Значительно меньше изслѣдованы городища, идущія къ сѣверу отъ Кіева по Днѣпру и его притокамъ, но и тамъ встрѣчаются

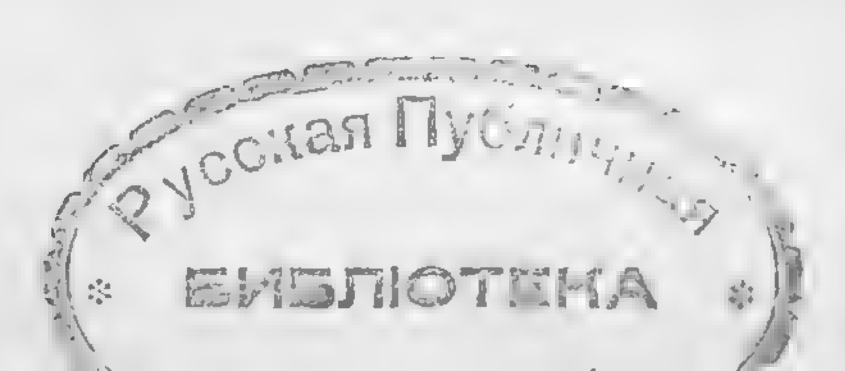
[1]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. I, стр. 398.
[2]) Ипатьевская лѣтопись.

довольно значительные остатки древнихъ поселеній. Городища типа Кіевскихъ и Полтавскихъ "пережили эпоху переселенія народовъ, видѣли основаніе кіевскаго государства и нерѣдко доживали до татарскаго разоренія". "Обломки греческихъ чернолаковыхъ сосудовъ и довольно обильные предметы скиѳскаго происхожденія не оставляютъ сомнѣнія, что жизнь въ этихъ городищахъ существовала одновременно съ лучшими временами греческихъ колоній и Скиѳіи, т. е. въ теченіи V-VI вв., предшествовавшихъ христіанской эрѣ. Но скиѳогреческая культура не была въ нихъ безусловно преобладающей... Обращаетъ вниманіе и то, что въ нихъ попадаются и очень поздніе предметы: украшенія того стиля, который пришелъ съ востока, распространился среди сарматовъ въ позднемъ Босфорскомъ царствѣ и былъ воспринятъ германскими племенами эпохи переселенія народовъ, напримѣръ готами, и, наконецъ, предметы несомнѣнно славянскаго происхожденія, времени близкаго къ великокняжеской Кіевской Руси". Даже въ городищахъ, встрѣчающихся къ сѣверу отъ Кіева и лежащихъ нѣсколько въ сторонѣ отъ главнѣйшихъ торговыхъ путей варварской Европы, встрѣчаются "предметы греко-скиѳскаго происхожденія, а въ болѣе позднее время многочисленные римскіе монеты", доказывающія, "что торговыя сношенія между ними и цивилизованнымъ міромъ существовали"[1]).

Птоломей имѣлъ, слѣдовательно, всѣ основанія утверждать, что въ его время по Тирасу (Днѣстру), Борисѳену (Днѣпру) и другимъ южно-русскимъ рѣкамъ существовало довольно большое количество городовъ. Восемь вѣковъ спустя послѣ Птоломея Константинъ Багрянородный, говоря о запустѣвшихъ городахъ по Днѣстру, выше Тиры, называетъ то же ихъ число, только названія у него иныя,

---

[1]) Ю. Готье .Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 8, 39 и 92.

повидимому тюркскія. Хотя попытки пріурочить Птоломеевскіе города къ древне-русскимъ или же опредѣлить ихъ мѣстонахожденіе путемъ археологическихъ изысканій (Кулаковскій, Браунъ, Веселовскій, Середонинъ) и не привели къ общепризнаннымъ и неоспоримымъ результатамъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что эти города находились на мѣстахъ разселенія восточныхъ славянъ или же, по крайней мѣрѣ, были отъ нихъ столь близко, что не могли не оказывать извѣстнаго вліянія на ихъ жизнь.

Такимъ образомъ восточные славяне, разселяясь послѣ распаденія антскаго союза на сѣверъ, востокъ и сѣверо-востокъ, попадали далеко не на «дѣвственную" почву. Они оказывались въ центрѣ стариннѣйшихъ торговыхъ путей и подъ воздѣйствіемъ расположенныхъ на нихъ или вблизи нихъ старинныхъ торговыхъ центровъ. Занимая эти города славяне не разрушили ихъ, а восприняли и продолжили ихъ многовѣковыя культурныя традиціи[1]). Этимъ путемъ "славянской расѣ суждено было осуществить то, чего не могли и не хотѣли сдѣлать ихъ предшественники, навсегда связать себя со страной, ея государственнымъ и культурнымъ развитіемъ"[2]).

---

[1]) М. Грушевскій въ статьѣ, помѣщенной въ сборникѣ «Київ та його околиця» высказываетъ предположеніе, что «подобно тому, какъ это было на Балканахъ, гдѣ славянская народность, занявши внѣгородскія территоріи, только постепенно просачивалась въ городское населеніе, такъ и у насъ славянская колонизація только постепенно овладѣвала и ассимилировала себѣ городскія поселенія, имѣющія центральное значеніе, гдѣ долго держались потомки тѣхъ, кто въ эпоху ранней металлической культуры завязалъ въ нихъ... широкія торговыя сношенія». (Стр. 16).

[2]) М. И. Ростовцевъ. Происхожденіе Кіевской Руси. Современныя Записки. № 111, стр. 149.

ГЛАВА V.

Восточнымъ славянамъ при своемъ разселеніи, приходилось, конечно, пользоваться не только уже ранѣе существовавшими городами, но и возводить новыя укрѣпленныя мѣста. Такимъ путемъ, по словамъ "Повѣсти", были созданы, напримѣръ, Кіевъ и Новгородъ. Новые города, при удачномъ расположеніи, могли въ свою очередь разрастись въ крупные центры, успѣшно конкурирующіе со своими значительно болѣе старыми собратьями. Далеко не всегда можно опредѣлить, какіе изъ славянскихъ городовъ, встрѣчающихся на первыхъ страницахъ "Повѣсти времянныхъ лѣтъ", воздвигнуты самими славянами и какіе получены ими въ наслѣдство отъ предыдущей эпохи. Даже относительно Кіева, который "Повѣсть" считаетъ построеннымъ уже въ славянскую эпоху, нельзя съ достовѣрностью сказать, былъ ли онъ еще до прихода сюда славянъ крупнымъ городскимъ центромъ и, быть можетъ, какъ это нерѣдко предполагаютъ, главнымъ городомъ сарматовъ (Метрополисъ), а затѣмъ столицей готской державы (Данпарстадиръ), или же Кіевъ разросся только съ появленіемъ въ немъ славянъ, когда къ нему перешла та роль, которая раньше, быть можетъ, принадлежала Княжой Горѣ[1]).

---

[1]) Въ ученой литературѣ къ Кіеву пріурочивались Гельонъ Геродота, Метрополисъ Птоломея, Данпарстадиръ (Днѣпровскій городъ) готовъ и Гунниваръ (гунскій городъ на

Въ городахъ, но, конечно, не въ многочисленныхъ мелкихъ укрѣпленныхъ поселеніяхъ, которыя по своей незначительности могли быть только "огороженными селами" (М. Соловьевъ) или же "одинокими укрѣпленными дворами" (В. О. Ключевскій), а въ крупныхъ центрахъ жизни еще въ далекую донорманскую эпоху соредоточиваются наиболѣе зажиточные элементы восточнаго славянства. "Археологическіе памятники учатъ насъ, что городъ и деревня въ древней Руси разошлись очень

Днѣпрѣ), при чемъ наибольшее вниманіе было удѣлено Метрополису Птоломея и «Днѣпровскому городу» готовъ. Въ скандинавской Герварсагѣ разсказывается о ссорѣ двухъ братьевъ, наслѣдниковъ готскаго конунга Гейдрека, Ангантира, жившаго въ Днѣпровскомъ городѣ, гдѣ стояли «высокія палаты и пышныя залы, готскихъ королей», и Глодра, воспитанника своего дѣда по матери, гунскаго короля. Глодръ требуетъ у Ангантира «половину того, чѣмъ владѣлъ Гейдрекъ» и въ томъ числѣ половину «того знаменитаго лѣса, что зовется темной дубравой, ту священную могилу, которая стоитъ на дорогѣ, ту прекрасную гору въ Днѣпровскихъ мѣстахъ, половину укрѣпленій, котор. владѣлъ Гейдрекъ, земель и народовъ». (Antiquités russes d'après les monuments historiques des islandais et des anciens scandinaves, éditées par la Société Royale des Antiquaires du Nord V.I. Copenhague. 1850. Стр. 193, 196 и др). Въ Атлаквидѣ Днѣпровскій городъ принадлежитъ уже гуннамъ, король которыхъ, Атли, говоритъ про «городъ Днѣпровскій, лѣсъ знаменитый, который люди зовутъ дубравой» (Antiquités russes. V. A. Стр. 35) П. Смирновъ, одинъ изъ послѣднихъ изслѣдователей, подробно остановившихся на извѣстіяхъ скандинавскихъ сагъ, полагаетъ, что «имѣется достаточно основаній признать подъ нимъ (Danparstadir'омъ) готскую столицу на мѣстѣ теперешняго Кіева» (Волзький шлях і стародавні Руси, стр. 64). Убѣжденными сторонниками той же мысли являются М. И. Ростовцевъ и Е. Шмурло. Выдающійся историкъ литературы, А. Н. Веселовскій, уже давно высказалъ мысль, «что здѣсь разумѣются Кіевъ — это вѣроятно, и ничто не мѣшаетъ предположить, что Danparstadir или Danaparstad «Днѣпровскія мѣста или поселье» было съ давнихъ поръ его нарицательнымъ или описательнымъ именемъ» (Кіевъ — градъ Днѣпра. Ж. М. Н. Пр. 1887. VI. Стр. 299).

Сужденіе А. Н. Веселовскаго по данному вопросу можно признать рѣшающимъ. Отождествленіе Кіева съ «Днѣп-

далеко и что это расхожденіе должно было начаться ранѣе, чѣмъ возникло первое государство... Деревня продолжала жить почти въ первоначальныхъ условіяхъ и почти не продвинулась въ своемъ развитіи за все время, которое можно охватить изученіемъ археологическихъ памятниковъ послѣдняго доисторическаго и ранняго исторического періода; города, же, особенно самые богатые изъ нихъ, города средняго Поднѣпровья, успѣли далеко уйти впередъ, благодаря тому, что рано стали торговы-

---

ровскимъ городомъ» готовъ не болѣе, какъ вѣроятная гипотеза. Одно изъ основаній, препятствующихъ прійти къ болѣе категорическому выводу, какъ это уже неоднократно указывалось, заключается въ томъ, что скандинавскія саги были записаны только въ XI-XII вѣкахъ. Въ этихъ условіяхъ историческія свѣдѣнія сагъ должны представлять изъ себя наслоенія самыхъ различныхъ эпохъ. Кромѣ того нѣтъ причинъ пріурочивать данныя сагъ о днѣпровскомъ городѣ непремѣнно къ Кіеву. Днѣпровскимъ городомъ готовъ впослѣдствіи «городомъ антовъ, болѣе раннимъ, чѣмъ Кіевъ, могъ быть, напримѣръ, Княжій городокъ на устьѣ Роси, въ нижнихъ слояхъ котораго найдены были серебряныя фибулы предполагаемаго антскаго типа» (А. Спицынъ. Археологія въ темахъ начальной русской исторіи. Сборникъ статей посвященныхъ С. Ф. Платонову. 1922 г. Стр. 10). «Нигдѣ, можетъ быть, пишетъ Ю. Готье, послѣдовательная смѣна временъ не замѣтна такъ, какъ въ городищѣ Княжая Гора... Жители Княжей горы не были жалкими бѣдняками. Среди находокъ не мало серебряныхъ и золотыхъ украшеній.., свидѣтельствующихъ о сравнительно большомъ благосостояніи, хотя бы нѣкоторой части мѣстнаго населенія» (Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 93-24. См. также стр. 237). Въ то же время «Повѣсть времянныхъ лѣтъ» помнитъ, что ко времени появленія въ немъ Аскольда и Дира Кіевъ представлялъ собой только «градокъ».

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Кіевъ, какъ пунктъ поселенія, существовалъ съ незапамятныхъ временъ. «На самой территоріи города и около него жили и въ палеолитическую и въ неолитическую эпоху и позднѣе. Если до сихъ поръ въ Кіевѣ сдѣлано мало находокъ за тотъ періодъ, который непосредственно предшествовалъ возникновенію Кіевской державы, то и эти рѣдкія находки сами по себѣ очень важны. Назову, напримѣръ, большой монетный кладъ, въ которомъ самыми поздними являются монеты императора Констанція Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ (Стр. 337 - 361)...

ми центрами; они накопили большія богатства и создали болѣе утонченный культурный классъ, который былъ столь же далекъ отъ деревенскаго жителя смерда, какъ интеллигентъ XIX в. — отъ крестьянина"[1]). Въ "доисторическую" же эпоху возникаютъ промыслы и занятія, которые и впослѣдствіи "сохранятъ свой основной характеръ", но благодаря болѣе сильному вліянію Византіи «усовершенствуются и развиваются въ болѣе культурныя формы"[2]).

Сельскій житель, смердъ, въ Кіевскую эпоху, выдѣляется отъ другихъ не только своей профессіей, тѣмъ, что онъ земледѣлецъ, но и тѣмъ, что онъ убогій, "худой" человѣкъ. Недаромъ Владимиръ Мономахъ въ своемъ "Поученіи" ставитъ на одну доску "худого смерда" и "убогую вдовицу". Но такое же отношеніе къ смерду, какъ маленькому человѣку существовало и задолго до Владимира Мономаха. Корни подобнаго от-

---

На территоріи Кіева были найдены еще три клада съ римскими монетами, одинъ съ греческими и нѣсколько кладовъ съ византійскими монетами, начиная съ VI в... Накопленіе богатствъ въ Кіевѣ шло издавна, а въ великокняжескую эпоху достигло только своего наибольшаго расцвѣта. Оно не могло возникнуть только благодаря князьямъ норманскаго происхожденія». (Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 233 и 237). М. Грушевскій имѣлъ несомнѣнно основаніе назвать Кіевъ «старымъ культурнымъ островомъ, который держался среди смѣнявшихъ другъ друга колонизаціонныхъ и политическихъ отношеній» (Статья въ Сборн. Київъ та його околиця. Стр. 17).

[1]) Ю. Готье. Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 239-242. Выраженіе — «ранѣе чѣмъ возникло русс. государство» — по мысли автора, означаетъ — до появленія среди восточныхъ славянъ князей норманновъ.

[2]) В. Антоновичъ. «Черты быта русскихъ славянъ въ курганныхъ раскопкахъ» Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ подъ ред. проф. Довнаръ-Запольскаго. Т. I. Стр. 141. Статья В. Б. Антоновича была первоначально помѣщена въ «Древностяхъ Поднѣпровья». Собраніе Б. И. Ханенко. В. V. Кіевъ. 1902.

ношенія лежатъ въ донорманской эпохѣ. Въ 1019 году, послѣ своей побѣды надъ Святополкомъ, "Ярославъ нача вои дѣлити: старостомъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новгородьчемъ по 10 всѣмъ"[1]). Если смердъ получилъ отъ Ярослава въ награду за оказанную ему поддержку въ 10 разъ меньше, чѣмъ горожанинъ новгородецъ, то это означаетъ, что его общественное значеніе было въ то время неизмѣримо ниже значенія рядового горожанина. Въ такомъ видѣ первое же лѣтописное извѣстіе о смердѣ опредѣляетъ отношеніе сельскаго жителя къ горожанину. Общественный вѣсъ человѣка, смерда, стоящаго въ данномъ случаѣ несомнѣнно за предѣлами "княжескаго огнища"[2]), не могъ опредѣляться княжеской волей. Нѣтъ также основанія считать подобное положеніе смерда общественной новостью начала XI вѣка. Очевидно Ярославъ, награждая воиновъ, руководился "старой пошлиной" столь же древней, какъ и породившій ее экономическій котрастъ между городомъ и деревней.

Будучи маленькимъ человѣкомъ смердъ съ давнихъ поръ фактически лишился возможности принимать участіе въ обсужденіи дѣлъ, касавшихся всей земли. Самое участіе смердовъ въ походѣ Ярослава противъ Святополка было рѣшено новгородскимъ посадникомъ совмѣстно съ горожанами. "Посадникъ Коснятинь, сынъ Добрынь, съ Новгородци разсѣкоша лоды Ярославлѣ, рекуще: хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и Святополкомъ". Сельское населеніе въ рѣшеніи не принимало никакого участія, оно просто подчинилось постановленію горожанъ новгородцевъ. Дѣйствія новгородцевъ оче-

---

[1]) Воскресенская лѣтопись.

[2]) Что въ данномъ случаѣ смерды, во всякомъ случаѣ, не могли быть княжими, видно изъ того, что участіе смердовъ въ походѣ опредѣлилось не княжеской волей, а постановленіемъ, въ которомъ виднѣйшее участіе приняли горожане новгородцы.

видно также опирались на «старую пошлину", а не на какую-нибудь новую норму, впервые введенную въ 1018 г. Конечно, не въ условіяхъ напряженной и длительной борьбѣ сѣвера съ югомъ, когда Ярославъ совсѣмъ было уже собрался бѣжать за море къ варягамъ, а самимъ новгородцамъ предстояла "сѣча злая, яка же не была въ Руси", можно было вводить нововведенія, которыя грозили привести еще къ новымъ осложненіямъ.

Но и помимо разсказа о новгородскихъ событіяхъ 1018 г., въ которыхъ городъ Новгородъ занялъ властную позицію по отношенію къ сельскимъ жителямъ, въ "Повѣсти времянныхъ лѣтъ" имѣется и рядъ болѣе прямыхъ указаній на то, что еще въ доваряжскую эпоху крупный городъ успѣлъ сдѣлаться правящимъ центромъ отдѣльной области.

Передавая стариннѣйшее кіевское преданіе о трехъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, "Повѣсть" говоритъ, что "и до сее братьѣ" поляне уже существовали, но у нихъ не было въ тѣ времена объединяющаго ихъ центра, и они жили раздѣленными на отдѣльныя родовыя организаціи: "кождо съ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще родомъ своимъ". Однимъ изъ многочисленныхъ родовыхъ владыкъ, по словамъ "Повѣсти", и былъ раньше Кій, который не былъ перевощикомъ, какъ объ этомъ разсказываютъ "несвѣдущіе" люди, но "княжаше въ родѣ своемъ". Поляне перестали быть раздѣленными на отдѣльные роды только послѣ того, какъ братья "створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго и нарекоша ему имя Кіевъ". Потомки Кія съ этихъ поръ и стали править уже не родомъ своимъ, а всѣми Полянами: " и по сей братьи держатѣ поча родъ ихъ княженье въ Поляхъ". Сквозь легендарную фабулу кіевскаго преданія, переданнаго "Повѣстью времянныхъ лѣтъ", ясно сквозитъ мысль, значительность которой только подчеркивается изстаринностью самого сказанія, что главный городъ сыгралъ роль центра,

объединившаго всѣхъ полянъ, что выразилось въ томъ, что лицо, ставшее во главѣ этого города, тѣмъ самымъ сдѣлалось княземъ надъ всѣми полянами. Въ разсказѣ о древнѣйшей, донорманской, жизни новгородскихъ славянъ та же мысль сообщается "Повѣстью" уже внѣ рамокъ какой-либо легенды: "ихъ княженье" было въ Новгородѣ. Было "княженье", также связанное съ главнымъ городомъ, по сообщенію "повѣсти", и у кривичей: "ихъ же градъ былъ Смоленскъ". Конечно, у смоленскихъ кривичей былъ не одинъ городъ, но только Смоленскъ игралъ для нихъ роль объединяющаго центра. Правящимъ центромъ у Полочанъ въ ту же эпоху былъ Полоцкъ. Правда, сообщая "о княженіи" у Полочанъ, "Повѣсть" говоритъ, что оно было на рѣкѣ "Полотѣ", но изъ того, что Рюрикъ сажаетъ своего мужа въ Полоцкѣ, видно, что центръ княженья находился именно въ этомъ городѣ, подобно тому какъ центръ "мери" въ Ростовѣ, а «веси" въ Бѣлоозерѣ.

Въ началѣ своего повѣствованія лѣтописецъ перечисляетъ, конечно, далеко не всѣ главные донорманскіе славянскіе города. О многихъ изъ нихъ онъ вспоминаетъ значительно позднѣе по поводу событій, которыя почему либо привлекли къ себѣ его вниманіе. Такъ о древнѣйшемъ городѣ, Волыни, еще въ донорманское время давшемъ названіе цѣлой области, "Повѣсть" упоминаетъ впервые только въ 1018 году, когда древнее значеніе Волыни уже успѣло перейти къ основанному Владимиромъ Св. городу Владимиру. Еще позднѣе, подъ 1100 годомъ, упоминаетъ она о древнѣйшемъ городѣ Бужскѣ. И даже о такихъ крупныхъ городскихъ центрахъ, какъ Черниговъ, Переяславъ, явно существовавшихъ у восточныхъ славянъ еще въ донорманское время[1]),

---

[1]) Ю. Готье. «Въ Черниговѣ нѣтъ никакихъ явныхъ признаковъ иноземнаго происхожденія» (Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 236).

первое упоминаніе встрѣчается только въ отрывкѣ договора Олега съ греками 907 г., въ которомъ эти два города наравнѣ съ Полоцкомъ и Любечемъ, въ явномъ противорѣчіи съ общей историко-политической концепціей лѣтописца, характеризуются, какъ центры княженій, не связанныхъ къ тому же никакими династическими узами съ княземъ Олегомъ. "И заповѣда Олегъ даяти уклады на русскіе городы: первое на Кіевъ, также и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полтескъ и на Любечь и на прочая городы: по тѣмъ-бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще". Такимъ образомъ свѣдѣнія "Повѣсти" о древнѣйшихъ городскихъ — политическихъ центрахъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны исчерпывающими, но и при всей своей отрывочности они съ неоспоримостью свидѣтельствуютъ, что у восточныхъ славянъ въ донорманскую эпоху существовалъ рядъ стольно-княжескихъ городовъ, стоявшихъ во главѣ отдѣльныхъ областей.

Такъ какъ главный городъ былъ для всей земли правящимъ центромъ, то, естественно, его судьба отражалась и на судьбѣ области. По сообщенію "Повѣсти временныхъ лѣтъ" уже Рюрикъ засталъ такое положеніе вещей, при которомъ занятіе главнаго города влекло за собой господство надъ цѣлой округой. Рюрикъ, сѣвши въ Новгородѣ, раздаетъ "мужамъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Бѣлоозеро". Этимъ путемъ Рюрикъ получаетъ власть надъ "первыми насельниками" соотвѣтствующаго края, "а первые насельники въ Новгородѣ Словѣни, Полотьскѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлоозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома и тѣми всѣми обладаша Рюрикъ". Аскольдъ и Диръ, занявши Кіевъ, "начаста владѣти Польской землей". Занятіе Олегомъ Смоленска и Кіева повлекло за собой подчиненіе ему Кривичской и Полянской земель. Эти факты лишній разъ подтверждаютъ, что до появленія норманскихъ князей городовая область, по

крайней мѣрѣ, у значительной части восточныхъ славянъ была вполнѣ сложившимся политическимъ организмомъ.

Наконецъ, что также очень характерно, еще въ донорманскую эпоху отдѣльныя "племена" назывались по имени своего главнаго города. "Словѣни, разсказываетъ лѣтописецъ, сѣдоша около Илмеря, прозвашася именемъ своимъ", но уже при ближайшемъ перечисленіи славянскихъ племенъ, "Повѣсть" замѣняетъ названіе "словѣни" терминомъ "новгородцы". Волыняне, несомнѣнно получили свое наименованіе по имени своего главнаго города; повидимому имена бужанъ, полочанъ и лучанъ также произошли отъ названій своихъ центральныхъ городовъ — Божеска (Бужскъ, Бускъ), Полоцка и Луцка[1]). При этомъ иногда "племя" въ ту же доваряжскую эпоху дѣлится, и каждая часть тянетъ къ разнымъ городскимъ центрамъ: "кривичи"... ихъ же градъ есть Смоленскъ", но и полочане — тоже кривичи: "первіи насельници... Полотьски-кривичи"[2]). Это дѣленіе одного "племени" между

[1]) Л. Нидерле. «L'ancienne unité des Doulêbes s'est elle même divisée en nouvelles unités régionales, qui étaient denommées d'après la rivière et les places fortifiées(Buzsk, Volyn, Luck)... Cela s'était passé dès avant le IX siècle, car le Geographe bavarois cite déjà les Bousanes (Busani). (Manuel de l'anitquité slave. V - 1 Стр. 214-215). Также М. Грушевскій. Кіевская Русь. Стр. 247-252 и С. М. Середонинъ. Историческая географія. Стр. 135. Относительно, въ частности, полочанъ С. М. Середонинъ пишетъ, что хотя Повѣсть и говоритъ, что полочане «нарекошася... рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину именемъ Полота» но, конечно, они прозывались Полочанами отъ имени своего города, Полотескъ (Полоцкъ) на это указываетъ суффиксъ анинъ». Ссылка на суффиксъ «анинъ» не можетъ быть, однако, признана въ данномъ случаѣ убѣдительной. Слово волжанинъ имѣющее тотъ же суффиксъ, означаетъ именно прибрежныхъ жителей Волги.

[2]) В. О. Ключевскій правильно указываетъ, что «древнее племенное дѣленіе не совпадало съ городовымъ или областнымъ, образовавшимся въ половинѣ XI в.» (Курсъ русской исторіи. Ч. I. Стр. 159), но оно не всегда совпадало съ нимъ и въ VIII столѣтіи.

разными городовыми областями и дѣлаетъ понятнымъ, какимъ образомъ въ 882 году Олегъ съ помощью кривичей занялъ главный кривичскій городъ Смоленскъ: "приде къ Смоленьску съ кривичи и прія градъ и посади мужъ свой". Какъ наименованіе славянскихъ насельниковъ по имени своего главнаго города, такъ и распредѣленіе одного "племени" между разными городовыми областями, было бы невозможнымъ, если бы въ жизни данныхъ насельниковъ центральный городъ не игралъ доминирующей роли.

Города — центры, стоящіе во главѣ отдѣльной области, съ населеніемъ культурно и экономически выдѣлявшимся отъ жителей сельскихъ округовъ, съ развитыми городскими промыслами, явно не укладываются въ рамки родового быта. Точно также и власть "князей" сидящихъ въ такихъ городахъ не опирается уже на родовой принципъ.

С. М. Соловьевъ, говоря о значеніи городовъ въ исторіи восточнаго славянства, указалъ, что "если мы видимъ различныя занятія, торговлю въ городахъ, то необходимо должны предполагать ослабленіе родового быта"[1]). Но, какъ полагаетъ С. М. Соловьевъ, такое ослабленіе становится замѣтнымъ впервые "къ концу перваго періода" русской исторіи, т. е., по его мнѣнію, ко времени смерти Ярослава. Столь поздній срокъ, къ которому относитъ С. М. Соловьевъ, правильно отмѣченное имъ, вліяніе торговаго города-центра на измѣненіе общественнаго быта у восточныхъ славянъ, является логически неизбѣжнымъ выводомъ изъ его основной невѣрной предпосылки, что жизнь славянъ на восточно-европейской равнинѣ строилась на дѣвственной почвѣ[2]).

---

[1]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. I. Стр. 278.

[2]) Въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» наряду съ ея отрывочными воспоминаніями о руководящей центральной роли

Городовая область для значительной части восточныхъ славянъ, послѣ ихъ разселенія, явилась, такимъ образомъ, вторичной формой ихъ государственной жизни. Этой формѣ предстояло просуществовать нѣсколько столѣтій[1]).

отдѣльныхъ городовъ, имѣется также и извѣстіе, прямо противоположнаго характера, опредѣленно указывающее, что и при наличіи большихъ городскихъ центровъ, славяне, предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, продолжали жить въ родовомъ быту. Это именно то мѣсто «Повѣсти времянныхъ лѣтъ», въ которомъ составитель «Повѣсти» подчеркиваетъ государственно-созидательную роль князей Рюриковой династіи. Извѣстіе относится къ областямъ, съ которыхъ варяги, по словамъ Повѣсти, брали въ 859 г. дань и гдѣ находились такіе значительные города, какъ Новгородъ, Ростовъ, Полоцкъ и Смоленскъ. «Имаху дань варязи изъ Заморья на Чюди, на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичахъ». И тѣмъ не менѣе, когда въ 862 г. насельники этихъ областей изгнали варяговъ за море и начали «сами въ собѣ володѣти» то «не бѣ въ нихъ правды и въста родъ на родъ». Первоначальнымъ источникомъ свѣдѣній о событіяхъ, въ центрѣ которыхъ въ 862 г. стоялъ Новгородъ, могли быть только мѣстныя новгородскія преданія. Текстъ «Повѣсти времянныхъ лѣтъ» въ данномъ случаѣ представляетъ изъ себя несомнѣнно переработку новгородскаго сказанія. Между тѣмъ соотвѣтствующее мѣсто въ древнѣйшемъ Новгородскомъ Сводѣ 1050 г. (въ томъ видѣ, какъ онъ возстанавливается А. А. Шахматовымъ. — Разысканія о древнѣйшихъ лѣтописныхъ Сводахъ. Стр. 612), читается иначе: «Словѣни свою волость имяху и поставиша градъ и нарекоша и Новгородъ, и посадиша старѣйшину Гостомысла; а Кривичи свою, а Меря свою, и Чюдь свою. И всташа сами на ся воевать и бысть межю ими рать велика и усобица. И всташа градъ на градъ». Такой же приблизительно текстъ имѣется и въ Архангельской лѣтописи: «и возсташа сами на ся и бысть межъ ними рать велика и усобица, и возсташе городъ на городъ и нѣсть межъ ними правды». (На текстъ Архангельской лѣтописи обратилъ въ свое время вниманіе Н. Хлѣбниковъ — Общество и государство въ домонгольскій періодъ русской исторіи. Стр. 38). Такимъ образомъ, тѣ же междуусобицы, которыя изображается «Повѣстью», какъ проявленіе междуродовой вражды, ея первоисточникомъ, свободнымъ отъ желанія доказать, что создателями государственнаго строя у восточныхъ славянъ явились призванные князья-варяги, характеризуются какъ взаимная борьба различныхъ городовыхъ областей.

[1]) В. О. Ключевскій давно уже указывалъ, «что воору-

Не трудно замѣтить, на чемъ, помимо культурнаго и экономическаго преобладанія города, строилась его руководящая роль надъ цѣлой округой.

Жизнь восточныхъ славянъ на новыхъ мѣстахъ, даже въ эпоху владычества хазаръ, хотя и была значительно болѣе спокойной, чѣмъ раньше, но все же далеко не сдѣлалась идиллической. Пора боль-

---

женный торговый городъ сталъ узломъ первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточныхъ славянъ на новыхъ мѣстахъ жительства». (Боярская Дума. Стр. 23. Впервые эта мысль была высказана В. О. Ключевскимъ въ его статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Русской Мысли» за 1880 г.). Торговый городъ, по его мнѣнію, возникъ у восточныхъ славянъ въ VIII вѣкѣ, при чемъ процессъ его возникновенія былъ связанъ съ разселеніемъ славянъ. Разселеніе разрушало старыя формы племенного и родового быта и разбрасывало славянъ по новымъ мѣстамъ отдѣльными семьями, одиноко стоящими дворами. «Съ теченіемъ времени успѣхи промысла и торга создали среди разбросанныхъ дворовъ сборные пункты обмѣна, центры гостьбы (торговли), погосты; нѣкоторые изъ нихъ превращались въ болѣе значительныя торговыя средоточія, къ которымъ тянули въ промышленныхъ оборотахъ окрестные погосты, а города, возникшіе на главныхъ торговыхъ путяхъ, вырастали въ большія торжища, которыя стягивали къ себѣ обороты окрестныхъ городскихъ рынковъ... Когда хазарское владычество поколебалось, малые и большіе города стали вооружаться. Тогда погосты стали подчиняться ближайшимъ городамъ, къ которымъ тянули въ торговыхъ оборотахъ, а малые города подчинялись большимъ, которые служили имъ центральными рынками... Такъ экономическія связи становились основаніемъ политическихъ, торговые районы городовъ превращались въ городовыя волости». (Боярская Дума. Стр. 24. См. также Курсъ русской исторіи. Ч. I. Стр. 147-149 и 157-158). Картина возникновенія «городовыхъ волостей», нарисованная В. О. Ключевскимъ, цѣликомъ основана на утвержденіи, что въ VIII столѣтіи торговля въ жизни одиноко стоящихъ славянскихъ дворовъ (древнихъ деревень), играла существеннѣйшую роль. Между тѣмъ для такого утвержденія не только нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ, но и то немногое, что по этому поводу можетъ разсказать историческій матеріалъ, свидѣтельствуетъ объ обратномъ, а именно, что восточно-славянская деревня въ теченіе своего «доисторическаго», а затѣмъ и въ первые вѣка своего историческаго существованія въ своей торговлѣ не пошла далѣе наиболѣе примитивныхъ формъ обмѣна. Еще при норманскихъ князьяхъ въ

шихъ военныхъ предпріятій для восточныхъ славянъ послѣ ихъ разселенія надолго миновала, но небольшихъ войнъ и военныхъ столкновеній было сколько угодно. Они происходили, прежде всего, между самими славянами. Хотя "Повѣсть" и замѣчаетъ: «живяху въ мирѣ Поляне и Деревляне, Сѣверъ и Радимичи и Вятичи и Хорвате", но этотъ

развитыхъ торговыхъ операціяхъ были заинтересованы непосредственно одни только общественные верхи. Масса же сельскаго населенія затрагивалась ими только косвенно, отдавая верхамъ, согласно свидѣтельству Константина Багрянороднаго, необходимые для ихъ торговли продукты въ видѣ дани. Неудивительно, что въ условіяхъ примитивнаго торговаго обмѣна и земледѣльческаго хозяйства, деревня въ теченіе всего кіевскаго періода русской исторіи упорно сохраняла многія черты древнѣйшаго родового быта, въ то время, какъ въ богатомъ и торговомъ городѣ онѣ давно уже исчезли.

Главнымъ, если не единственнымъ, основаніемъ для В. О. Ключевскаго утверждать, что въ развитіи торговли искони были сильнѣйшимъ образомъ заинтересованы одинокіе дворы, является терминъ «погостъ» связываемый имъ съ принятіемъ гостьбы-торговли. Впервые «Повѣсть» говоритъ о погостахъ по поводу кончины княгини Ольги, при чемъ оказывается, что они были «установлены» самой княгиней, что, конечно, плохо согласуется съ представленіемъ о погостѣ, которое послужило отправной точкой для теоріи В. О. Ключевскаго. Впрочемъ необходимо отмѣтить, что А. А. Шахматовъ. (Разысканія о древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ. Стр. 171-172), высказываетъ предположеніе, что въ древнѣйшемъ кіевскомъ сводѣ (1039 г.) соотвѣтствующее мѣсто не заключало въ себѣ извѣстія о погостахъ и, что послѣднее появилось впервые въ Новгородскомъ сводѣ 1050 г., потому что составитель этого свода смѣшалъ Древлянскую землю «съ той частью Новгородской области, которая носила названіе Деревской земли или просто Деревъ, а тоже Деревской пятины». Но и въ томъ случаѣ, если терминъ погостъ дѣйствительно встрѣчается впервые въ лѣтописи въ качествѣ мѣстнаго бытового и вмѣстѣ съ тѣмъ исконнаго новгородскаго наименованія, а не княжескаго установленія, пониманіе «погоста» какъ торговаго, и по своему происхожденію и по своимъ основнымъ функціямъ, пункта, остается весьма сомнительнымъ.

Прежде всего, очень трудно себѣ представить, какого рода продукты могли служить предметомъ постояннаго и столь оживленнаго торговаго обмѣна между «отдѣльными разбросанными дворами», жившими въ одинаково-примитив-

миръ былъ далеко непрочнымъ. "Повѣсть" вспоминаетъ, что по смерти Кія, Щека и Хорива Поляне "быша обидими Древлями, инѣми околними". Это было началомъ борьбы, которой было суждено окончательно рѣшиться въ пользу Кіева только при норманскихъ князьяхъ. "Повѣсть" подъ 895 годомъ сообщаетъ, что Олегъ "съ Уличи и Тѣверци имя-

---

ныхъ условіяхъ быта, что нѣкоторые изъ нихъ въ сравнительно короткій срокъ сумѣли превратиться въ крупные, торговые центры. Кромѣ того, въ извѣстномъ отношеніи, несомнѣнно правильно возраженіе, сдѣланное А. Прѣсняковымъ: «нѣтъ основаній считать основнымъ и первоначальнымъ то значеніе слова погостъ, которое уясняется его сопоставленіемъ съ гость, гостьба, значеніе торговаго пункта, рынка, какого это слово никогда не имѣло. Самые ранніе тексты, въ какихъ мы встрѣчаемся съ погостомъ, ставятъ его въ связь не съ торговлей, а съ оброками и данями» (Княжое право въ древней Руси. СПБ. 1909. Стр. 162). Дѣйствительно, хотя слово «погостъ» того же корня, что и слово «гость» нѣтъ все же основанія утверждать, что въ своемъ первичномъ значеніи самое слово «гость» означало непремѣнно купца. «Добри гости придоша» говоритъ Ольга про Древлянскихъ пословъ, прибывшихъ сватать ее за князя Мала. И. И. Срезневскій полагаетъ, что слово гость означаетъ, прежде всего, чужеземецъ. (Уже аще ми толико доѣхати съ гостьми съ Угры и съ Ляхи, а уже дружина моя пространена» Лавр. лѣт. 6658 г.), а затѣмъ ужъ иноземный пріѣзжій купецъ (Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Т. II). Но въ смыслѣ иноземца, пришельца съ чужой стороны терминъ «гость», въ свою очередь, весьма плохо согласуется вопреки мнѣнію А. Прѣснякова, и съ представленіемъ о даняхъ и оброкахъ. Въ данномъ случаѣ вопросъ рѣшается тѣмъ, что по существу той связи между погостами, съ одной стороны, и оброками и данями, съ другой, о которой говоритъ А. Прѣсняковъ, «Повѣсть временныхъ лѣтъ» не устанавливаетъ. Разсказывая о дѣятельности Ольги, повѣсть непосредственно сопоставляетъ погосты не съ данями и оброками, а скорѣй съ «ловищами и перевѣсищами» «знаменьями», съ освоенными «мѣстами» «становищемъ», наконецъ съ «селомъ» «Иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ повосты(во всѣхъ другихъ спискахъ — погосты) и дани и по Лугѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей землѣ, знаменья и мѣста и повосты, и сани ея стоять въ Плесковѣ и до сегодне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ея Ольничи и доселѣ». Передъ этой фразой «Повѣсть» сообщала: «иде Вольга по

ше рать". Вполнѣ вѣроятно, что столкновеніе Олега съ Уличами и Тиверцами было также лишь одной изъ стадій стародавней борьбы, начавшейся еще до появленія варяговъ и закончившейся взятіемъ Пересѣчена при князѣ Игорѣ. Въ этихъ условіяхъ мечъ въ жизни восточныхъ славянъ долженъ былъ играть немаловажную роль. Соот-

---

Дерьвсьстѣй землѣ...уставляюще уставы и уроки; суть становища еѣ и ловища» («Перевѣсъ» — большая сѣть для ловли птицъ или звѣрей... перевѣсы устраивались и въ рѣкахъ — перевѣсища. Е. Ф. Карскій. Русская Правда по древнѣйшему списку. Л. 1930. Стр. 104). Несомнѣнная близость «погостовъ» къ ловищамъ и перевѣсищамъ наводитъ на мысль, что въ первоначальномъ своемъ смыслѣ слово «погостъ» означало «ловчій станъ» — охотничью стоянку или заимку.

Терминъ «погостъ» встрѣчается только въ Новгородской, Псковской, Суздальской и Смоленской земляхъ. На югѣ онъ отсутствуетъ, но то, что соотвѣтствуетъ сѣверному «погосту» имѣется и здѣсь, но только оно носитъ иное, равнозначное названіе — «становище». Въ новгородской области, гдѣ терминъ погостъ былъ особенно распространенъ и гдѣ о немъ упоминается впервые, освоеніе новыхъ земель обычно происходило по иниціативѣ и на средства экономически сильныхъ бояръ, заинтересованныхъ въ полученіи лѣсныхъ и рѣчныхъ сѣверныхъ продуктовъ. «Господствующій видъ русскаго поселка на сѣверѣ — промышленная заимка, станъ охотниковъ или рыболововъ, преобладающій типъ поселенцевъ: «холопи-сбои» работающіе на своихъ бояръ господъ»... «Уже вслѣдъ за «ловчими станами появились и «страдомыя деревни» или «ораемыя земли» въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возможно бывало занятіе земледѣліемъ» (С. Ф. Платоновъ. Прошлое русскаго сѣвера. Берлинъ. 1924. Стр. 23 и 21). «Ловчіе станы» на сѣверѣ, окруженные нерѣдко совершенно дикими мѣстами, находились обычно на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, сообщеніе съ ними шло отъ одной стоянки къ другой. Подобный путь получилъ въ новгородской области опредѣленное названіе. Такъ у новгородцевъ съ теченіемъ времени наладился «судовой ходъ Онегомъ озеромъ на обе стороны по погостамъ», существовалъ путь въ «Лопскіе погосты» и т. д. Не всегда дѣло съ организаціей «ловчихъ становъ» шло мирно. Въ 1342 г. новгородскій бояринъ Лука Валфоромеевъ, желая воспользоваться плодами чужихъ рукъ, по рѣкѣ Двинѣ взялъ всѣ погосты на щитъ». Если въ XIV вѣкѣ погосты устраивались на Двинѣ, то во времена княгини Ольги охотничьяго приволья было еще достаточно въ мѣстности значительно болѣе близ-

вѣтствующее воспоминаніе нашло себѣ мѣсто въ разсказѣ "Повѣсти" о томъ, что Поляне дали хазарамъ въ видѣ дани "отъ дыма мечъ" и что ха-

---

кой къ Новгороду, на Мстѣ и Лугѣ. «Погостъ» поэтому и назывался этимъ именемъ, что онъ основывался чужими для данной мѣстности людьми, пришедшими сюда издалека и чувствующими себя не болѣе какъ временными пришельцами. По той же причинѣ на югѣ «ловчіе станы» носили названіе «становищъ», т. е. времянныхъ стоянокъ.

«Естественно, что жившіе на погостахъ, «гости» занимались не только охотой, но въ какой то мѣрѣ, и торговымъ обмѣномъ съ ближайшими инородцами, естественно также, что на «погостахъ» же гости хоронили своихъ покойниковъ, а съ принятіемъ христіанства, окруженные чуждой, иновѣрной средой, воздвигали у себя на погостахъ деревянныя церковки или часовни. Съ теченіемъ времени отдѣльные погосты, постепенно окружаемые «ораемыми землями», теряли свой первоначальный характеръ охотничьей заимки и обращались въ постоянные поселки и, даже, будучи первыми населенными пунктами края, становились въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ центромъ небольшой округи.

Если «погостъ» въ первоначальномъ своемъ значеніи является охотничьей стоянкой, то понятнымъ дѣлается и то обстоятельство, почему «Повѣсть» говоря о погостахъ тутъ же упоминаетъ и «ловища и перевѣсища и знаменья и мѣста». Понятно также, почему Ольга, устанавливая «оброки и дани», учреждаетъ также погосты. Охота, даже княжеская въ старину не была простой забавой. Охота на ряду съ оброками и данями доставляла необходимые для княжеской казны продукты, при чемъ, какъ это показываетъ исторія новгородскаго сѣвера, при постепенномъ истощеніи мѣстныхъ лѣсныхъ богатствъ, только сравнительно отдаленный «ловчій станъ» могъ дать лицамъ, у которыхъ имѣлись средства на его организацію, наиболѣе цѣнный товаръ, въ особенности пушной. Организація же «ловчихъ становъ» требовала затратъ, которыя далеко не каждому были по силамъ.

Наконецъ, въ конструкціи В. О. Ключевскаго весьма спорнымъ является и то положеніе, что торговые города вначалѣ были невооружены и стали «вооружаться» только съ тѣхъ поръ, какъ хазарская сила ослабѣла. Невооруженный городъ — вещь невозможная въ условіяхъ славянскаго разселенія.

Но, конечно, основной дефектъ этой конструкціи въ томъ, что она, говоря о развитіи торговыхъ городовъ, совершенно не учитываетъ соціальныхъ послѣдствій антской эпохи, ни вліянія причерноморскихъ культурныхъ традицій.

зарскіе по этому поводу сказали: "недобра дань, княже. Мы ея доискахомъ оружьемъ единою стороною, рекше саблями, а сихъ оружіе обоюдо остро, рекше мечъ; си имуть имати дань на насъ и на всѣхъ странахъ". Это несомнѣнно мѣстное, кіевское, воспоминаніе о силѣ полянскаго оружія. Но интересно, что и хазарскія преданія знаютъ славянъ, какъ людей воинственно настроенныхъ и, при случаѣ, охотно нападающихъ на своихъ сосѣдей. Персидскій писатель Мирхондъ[1]) передаетъ легенду явно хазарскаго происхожденія о первой встрѣчѣ хазаръ съ восточными славянами. По словамъ легенды родоначальникъ славянъ Саклабъ, — что означаетъ — славянинъ, — имѣлъ сына, также называвшагося Саклабомъ. Хазарамъ пришлось имѣть дѣло съ сыномъ. "Саклабъ (отецъ), такъ какъ родъ его былъ многочисленъ, искалъ земель для обработки. Мать его новорожденнаго ребенка, померла отъ родовъ и ребенка выкормили собачьимъ молокомъ, благодаря этому онъ усвоилъ себѣ обычай бросаться на людей какъ собака"[2]). Такъ характеризовать восточныхъ славянъ могли только тѣ, у кого съ ними происходили частыя военныя столкновенія. Появленіе около 830 г. угровъ въ причерноморскихъ степяхъ и ослабленіе хазарской державы, увеличили, конечно, опасность жизни вблизи степей, но не создали эту опасность впервые.

На немирный, тревожный характеръ обстановки, въ какой очутились восточные славяне на своихъ новыхъ мѣстахъ, указываетъ и самый характеръ славянскихъ поселеній. Каждый свой шагъ вглубь новыхъ земель славянамъ приходилось закрѣплять постройкой небольшой крѣпостцы. Память о такомъ характерѣ славянскаго продвиженія

---

[1]) Фр. Вестбергъ. Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ. Ж. М. Н. Пр. 1905. № 2.

[2]) Хазарскій характеръ легенды, переданной Мирхондомъ, вполнѣ убѣдительно доказанъ П. Смирновымъ: Вользкий шлях і стародавни Руси. Стр. 84-55 и 89-90.

сохранилась въ видѣ большого числа укрѣпленныхъ поселковъ, городищъ, которыхъ въ настоящее время насчитываютъ на пространствѣ славянскихъ земель значительно свыше 2000. Географъ Баварскій (писалъ незадолго до 875 г.) сообщаетъ, что «Уличи народъ многочисленный, у него 318 городовъ, Бужане имѣютъ 231 городъ, Волыняне 70, Сѣверяне — 325"[1]). Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ извѣстіемъ "Повѣсть времянныхъ лѣтъ" говоритъ объ Уличахъ: "а Уличи Тиверьцы сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, суть града ихъ и до сего дне". Укрѣпленный характеръ поселеній свидѣтельствуетъ, что на новыхъ мѣстахъ своего жительства восточнымъ славянамъ необходимо было принимать военныя мѣры предосторожности отъ окружающихъ ихъ опасностей. Большинство городищъ представляли собой только незначительныя крѣпостцы, сооруженныя сельскимъ населеніемъ, на подобіе городовъ, о которыхъ княгиня Ольга говорила жителямъ осажденнаго ею главнаго древлянскаго города Искоростеня: "вси грады ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя". Но большія городища представляли собой уже настоящія и солидныя, по тѣмъ временамъ, крѣпости. "Они почти всегда расположены на берегахъ рѣкъ, въ мѣстахъ, гдѣ руками человѣка оставалось лишь усилить природныя укрѣпленія, но валы и рвы ихъ, нерѣдко двойные и тройные, свидѣтельствуютъ о сложной фортификаціонной работѣ древнихъ людей". Одно изъ типичныхъ большихъ городищъ Днѣпровскаго района, Пастерское или Жарище, «занимаетъ площадь размѣромъ до 35.000 кв. метровъ и окружено глубокимъ, прекрасно сохранившимся рвомъ и насыпнымъ валомъ, доходя-

---

[1]) Цит. по М. Любавскому — Лекціи по древней русской исторіи. Стр. 68.

щимъ мѣстами до 20 м. въ вышину, а у основанія до 12-14 м. въ толщину; съ четырехъ сторонъ въ немъ продѣланы обширные въѣзды"[1]). Взять подобнаго рода сооруженія было дѣломъ нелегкимъ. Неудивительно, что главные города древлянъ и уличей надолго задержали подъ своими стѣнами даже опытное въ военномъ дѣлѣ кіевское войско. Княгиня Ольга простояла передъ Искоростенемъ все лѣто и взяла его только путемъ хитрости. Осада древняго города Пересѣчена далась воеводѣ князя Игоря, Свѣнельду еще труднѣе: "и не вдашется единъ градъ, имѣнемъ Пересѣченъ, и сѣде около него 3 лѣта и едва взя и"[2]).

Земледѣльцы и звѣроловы, какими являлись сельскіе жители, не могли, конечно, ни возводить, ни возобновлять крупныя и сложныя крѣпостныя сооруженія. Работы подобнаго дѣла сами по себѣ показываютъ, что онѣ производились подъ руководствомъ военныхъ спеціалистовъ и что въ городахъ-центрахъ существовалъ особый классъ военныхъ людей, для которыхъ военное дѣло было ихъ основной профессіей[3]). Недостатка же въ военныхъ предпріятіяхъ разнаго рода эти люди, по тѣмъ временамъ чувствовать не могли. Такимъ образомъ не только богатства, накопленныя восточными славянами во время ихъ набѣговъ VI-VII вв. на Византію, но пріобрѣтенная ими тогда военная выучка нашли себѣ примѣненіе и на новыхъ мѣстахъ славянскаго разселенія. Городской военный элементъ и былъ той силой, которая обезпечивала главному городу господство надъ менѣе опытнымъ въ военномъ дѣлѣ, хуже вооруженнымъ и вмѣстѣ

---

[1]) Ю. Готье. Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 92 и 6.

[2]) Воскресенская лѣтопись.

[3]) В. И. Сергѣевичъ. «Города строились не цѣлымъ племенемъ, а группами предпріимчивыхъ людей, которые нуждались въ нихъ, какъ и въ XVI вѣкѣ, для береженія». Русскія юридическія древности. Т. I. СПБ. 1902 г. Стр. 11.

съ тѣмъ экономически и культурно болѣе слабымъ населеніемъ городской области[1]).

Военный классъ нуждается въ вождѣ. Имъ былъ князь, державшій "княженіе" въ главномъ городѣ. Княжеская власть "безъ сомнѣнія была военной по своему происхожденію"[2]) и по своимъ основнымъ функціямъ. Появленіе норманскихъ князей въ этомъ отношеніи не принесло ничего принципіально новаго. Въ высокой степени показательно, что и на долю древлянскаго князя Мала, вопреки словамъ древлянскихъ пословъ — "наши князи добри суть, иже распасли Деревську землю", — выпадаетъ не попеченіе о внутреннихъ дѣлахъ Деревской земли, — устройствомъ этихъ дѣлъ, какъ видно изъ преданія объ Ольгиной мести, озабочены мѣстные "нарочитые мужи", — а забота о военной оборонѣ волости. Тотъ единственный разъ, когда "Повѣсть" изображаетъ Мала дѣйствующимъ лицомъ, совпадаетъ съ моментомъ, когда неподчиненіе древлянъ требованіямъ Игоря поставило ихъ передъ опасностью военнаго столкновенія съ дружиной кіевскаго князя. Передъ лицомъ грозящей имъ опасности древляне "сдумавше со княземъ своимъ Маломъ". Глубокіе историческіе корни военной княжеской власти лежатъ еще въ антской эпохѣ, если не въ еще болѣе отдаленныхъ временахъ.

Князь въ своемъ качествѣ военнаго вождя естественно былъ не только военачальникомъ на

---

[1]) В. О. Ключевскій: «Можетъ быть, торговые округа добровольно подчинялись городамъ, какъ укрѣпленнымъ убѣжищамъ подъ давленіемъ внѣшней опасности; еще вѣроятнѣе, что при помощи вооруженнаго класса, сложившагося въ торговыхъ городахъ, послѣдніе силой завладѣвали своими торговыми округами; могло быть въ разныхъ мѣстахъ и то и другое». Курсъ русской исторіи. Ч. I. Стр. 157. В. И. Сергѣевичъ; «Сила создавшая такую волость должна была выйти изъ города». Русскія юридическія древности. Т. I. Стр. 12.

[2]) T. Taranovski. Historya prava Rosyiskiego. Cz. I. Lwow. 1928. Стр. 15.

войнѣ, но и активнымъ организаторомъ военныхъ силъ и рессурсовъ страны. Конечно, обходиться одинъ, безъ помощи "княжихъ мужей", въ своей организаторской дѣятельности онъ не могъ. Прямыя указанія первоисточниковъ на существованіе донорманскихъ "княжихъ мужей", которые способствовали бы князю выполнять его функціи, однако, отсутствуютъ, и поэтому о древнѣйшихъ княжескихъ помощникахъ можно судить только на основаніи тѣхъ должностей болѣе поздней эпохи, которыя могутъ быть признаны пережиткомъ древнѣйшихъ временъ.

Древнѣйшее упоминаніе "Повѣсти времянныхъ лѣтъ" о княжихъ мужахъ относится еще ко времени Рюрика. У него были "свои мужи", которымъ онъ раздавалъ "грады" и свои мужи-бояре (Аскольдъ и Диръ). У Олега также есть "свои мужи", которыхъ онъ посылаетъ заключить миръ съ греками и двумъ изъ которыхъ даетъ города Смоленскъ и Любечъ. Но первое указаніе на болѣе или менѣе спеціальное наименованіе должностныхъ лицъ относится ко времени княгини Ольги, которая, по взятіи Искоростеня, "старѣйшины града изънима". Наконецъ, при Владимирѣ Св. неоднократно упоминаются "старѣйшины по всѣмъ градомъ", "старѣйшины градьскыѣ", «старцы градьскіе", "старцы людскіе" и кромѣ того посадники, сотскіе и десятскіе: Владимиръ "устави при дворѣ, въ гридьницѣ пиръ творити и приходити бояромъ и гридемъ и соцьскимъ и десяцькимъ и нарочитымъ мужамъ... И созываша боляре своя, и посадники, старѣйшины по всѣмъ градомъ".

Контекстъ "Повѣсти времянныхъ лѣтъ" почти не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что всѣ упоминаемые при Владимирѣ спеціальныя должностныя лица — "старцы градскіе", "старѣйшины градскіе", посадники, сотскіе, десятскіе — наравнѣ съ боярами и "нарочитыми мужами" принадлежатъ къ одной средѣ, и, при томъ, къ средѣ княжеской,

всѣ они княжіе мужи. Отдѣльныя мѣста "Повѣсти" еще болѣе утверждаютъ въ такомъ мнѣніи. Если широкое значеніе термина "дружина"[1]) препятствуетъ на основаніи словъ Владимира, сказанныхъ имъ, при рѣшеніи вопроса о вѣрѣ — «скажите передъ дружиной" — считать бояръ и старцевъ, къ которымъ эти слова относились, непремѣнно за княжихъ мужей, то описанная "Повѣстью" сцена, происшедшая на княжеской трапезѣ, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что обычные участники княжескихъ пировъ — бояре, гридь, сотскіе, десятскіе, нарочитые мужи — составляютъ дружину въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. кругъ ближайшихъ княжескихъ сотрудниковъ и помощниковъ въ войнѣ и мирѣ. Услышавъ ропотъ пирующихъ, недовольныхъ тѣмъ, что имъ приходилось ѣсть деревянными ложками, Владимиръ повелѣлъ "исковати лжицы сребрены ясти дружинѣ", сказавъ при этомъ, "яко серебромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, съ дружиной налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиной злата и сребра". Тѣ же самые обычные участники княжескихъ пировъ помогаютъ Владимиру не только доискиваться злата и серебра, но и управлять землей. "Бѣ бо Володимеръ, продолжаетъ "Повѣсть" сейчасъ же послѣ только что приведенной лѣтописной фразы, любя дружину и съ ними думая о строѣ землянѣмъ, и о ратѣхъ и уставѣ землянѣмъ". Интересно также свидѣтельство по данному вопросу Іакова Мниха, автора "Памяти и похвалы кн. Владимиру". Время составленія "Памяти и похвалы" нужно отнести ко времени появленія у насъ митрополита Ѳеопомпа и до разрыва съ нимъ Яро-

[1]) Слово — дружи́на имѣло очень широкое значеніе, отъ дружины княжеской въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и кончая людьми, дѣлающими какое нибудь общее дѣло и даже спутниками, совершающими общій путь. И. И. Срезневскій. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Т. II.

слава[1]), т. е. приблизительно къ 1037-38 г. г. Князь Владиміръ скончался въ 1015 г. Въ этихъ условіяхъ составитель "Памяти" легко могъ быть участникомъ знаменитыхъ пировъ Владиміра Св. и, во всякомъ случаѣ, онъ долженъ былъ быть о нихъ хорошо освѣдомленъ. Дѣйствительно сообщенія автора "Похвалы" о пирахъ Владиміра въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подробнѣе лѣтописныхъ. По его словамъ, въ господскіе праздники Владиміръ устраивалъ три трапезы: первую митрополиту съ епископами, монахами и попами, вторую нищимъ и убогимъ, третью себѣ, боярамъ и мужамъ своимъ[2]).

Такимъ образомъ, по компетентному разъясненію Іакова Мниха, десятскіе, сотскіе, "нарочитые мужи", "старѣйшины по всѣмъ градомъ", которые, очевидно, могли принять участіе только въ третьей княжеской трапезѣ, всѣ безъ исключенія были княжими мужами.

Самъ по себѣ терминъ "старцы градскіе", иногда употребляемый, — но только при Владимірѣ Св.,—вмѣсто "старѣйшины градскіе", не можетъ давать основаній для вывода, что старцы — представители не княжого, а земскаго міра. Точно также и исчезновеніе этого термина со страницъ лѣтописи послѣ смерти Владиміра Св., не означаетъ, что со времени Ярослава "старцы градскіе" перестали принимать участіе въ княжеской думѣ, какъ это полагаетъ В. О. Ключевскій. Должностныя лица, которыхъ "Повѣсть" при Владимірѣ Св. называла иногда "старцами градскими", продолжаютъ существовать и послѣ его смерти, но только они называются

---

[1]) М. Д. Приселковъ. Борьба двухъ міровоззрѣній. Въ сборн. Россія и Западъ. I. ПБГ. 1923 г. Стр. 30. А. А. Шахматовъ не рѣшается съ точностью указать время составленія «Памяти и Похвалы», но полагаетъ «все таки вѣроятнымъ относить этотъ памятникъ къ глубокой древности». (Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Стр. 28).

[2]) М. Д. Приселковъ. Борьба двухъ міровоззрѣній. Стр. 39.

теперь другими, равнозначными, терминами, не носящими уже библейской окраски, такъ какъ памятники древней русской письменности при жизнеописанiи послѣдующихъ князей въ значительно - меньшей степени пользуются библейскими образцами, чѣмъ они это дѣлали въ отношенiи Владимира Св.[1]). Въ Несторовомъ "Чтенiи о житiи и погублении блаженную страстотерпыцю Бориса и Глѣба" упоминается «старѣйшина" града Вышгорода" (Миронѣгъ), при чемъ онъ характеризуется еще какъ "властелинъ граду тому", княжой мужъ Ярослава[2]). Въ 1071 году, по сообщенiю "Повѣсти" несомнѣнно на тѣхъ же основанiяхъ, что и Миронѣгъ, Вышгородъ держитъ уже другой княжой мужъ: "тогда держа Вышгородъ Чюдинъ". Тѣ же "старѣйшины градскiе" именуются иногда "боярцами". "Повѣсть" разсказываетъ, что Святополкъ, задумавъ погубить брата своего Бориса, "приде ночью Вышгороду отай и призва Путшю и Вышегородьскыѣ болярьцѣ". Что и Путьша, и Вышегородскiе "боярци" являются княжими мужами, видно изъ того же Несторова чтенiя, которое называетъ пособниковъ Святополка въ дѣлѣ убiенiя Бориса княжескими людьми: «посла слуги своя погубити, избра мужи неистовыя".

Раннее упоминанiе отдѣльныхъ должностныхъ лицъ изъ состава княжихъ мужей само по себѣ позволяетъ предположить ихъ давнее, донорманское, существованiе. "Повѣсть времянныхъ лѣтъ" и вся

---

[1]) Ср. В. Н. Строевъ: «Уже Н. И. Костомаровымъ было замѣчено, что лѣтописный образъ Св. Владимира не остался безъ влiянiя библейскаго образа Соломона... Если принять это во вниманiе, то мы находимъ другое, гораздо болѣе простое происхожденiе «старцевъ градскихъ». Это« πρεσβύτεροι τῆς πόλεος съ которыми совѣщался Соломонъ» (Къ вопросу о «старцахъ градскихъ» русской лѣтописи. Извѣстiя отд. рус. яз. и слов. Р. А. Н. XXIII т. 21 г. Стр. 63-34).

[2]) А. А. Шахматовъ. Разысканiя о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Стр. 62.

житійная литература нигдѣ не говоритъ ни слова о томъ, чтобы вышеуказанныя должности, носящія къ тому же чисто славянскія наименованія, были учреждены при комъ либо изъ первыхъ норманскихъ князей, хотя "Повѣсть" и касается внутреннихъ мѣропріятій княгини Ольги, а древняя письменность подробно излагаетъ дѣянія Владимира Св., какъ крупныя — введеніе христіанства, такъ и менѣе значительныя — измѣненіе имъ системы уголовныхъ наказаній и его пиры. Молчаніе древнѣйшихъ памятниковъ русской письменности о времени появленія "сотскихъ", десятскихъ" и другихъ "старѣйшинъ градскихъ" легче всего въ этихъ условіяхъ объясняется тѣмъ, что въ глазахъ авторовъ древнѣйшихъ произведеній русской литературы органы княжого управленія были такимъ же "изначальнымъ" явленіемъ, какъ для сѣвернаго русскаго лѣтописца вѣчевыя собранія главныхъ городовъ. Наконецъ, объ исконности разнаго рода "старѣйшинъ града" свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, что "старѣйшины града" встрѣчаются не только при князьяхъ норманской династіи, но и въ древлянскомъ городѣ Искоростенѣ[1]).

Если перечисленныя въ "Повѣсти" должностныя лица, упоминаемыя въ эпоху первыхъ нор-

[1]) Въ русской исторической литературѣ нерѣдко можно встрѣтить мнѣніе, что «старцы градскіе», сотскіе, десятскіе и т. д. являются не княжими мужами, а земскими боярами. В. О. Ключевскій считаетъ, что «присутствіе старцевъ въ боярской думѣ кончилось при Владимирѣ» и что образовавшуюся еще въ донорманское время «торговую аристократію городовъ начальная лѣтопись въ разсказѣ о временахъ князя Владимира называетъ «нарочитыми мужами», а выходившихъ изъ нея десятскихъ, сотскихъ и другихъ управителей «старцами градскими или старѣйшинами по всѣмъ градомъ» (Боярская Дума. Ст. 19 и 31). Того же приблизительно мнѣнія держится цѣлый рядъ другихъ выдающихся изслѣдователей русской старины. М. Владимирскій-Будановъ полагаетъ, что «система земскаго управленія (болѣе древняя, чѣмъ княжеская) построена по численному (математическому) дѣленію общества: какъ цѣлое государство составляло тысячу,

манскихъ князей, всѣ безъ исключенія оказываются княжими мужами то отсюда все же нельзя дѣлать вывода, что организація городской области и, въ частности, всѣхъ ея военныхъ силъ обязана была своимъ существованіемъ исключительно княжеской дѣятельности.

Уже первымъ норманскимъ князьямъ пришлось не только встрѣтиться, но и опираться на "воевъ", не входящихъ въ составъ ихъ дружины въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Олегъ передъ своимъ движеніемъ на югъ "поимъ воя многи, Варязи, Чюдь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи". Еще болѣе разнообразенъ былъ составъ его войска во время похода на Византію. "Поя же множество Варягъ, и Словѣнъ, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверо, и Древляны, и Радимичи, и Хорваты, и Тиверци". Игорь для своего греческаго похода "совокупивъ вои многи Варяги, Русь и Поляне, и Кривичи, и Сѣверьцѣ и Печенѣги". Княгиня Ольга "собра вои храбры и прогна Печенѣги". Для похода противъ по-

---

а старшіе города и провинціи дѣлились на сотни и десятки, такъ центральнымъ правителемъ былъ тысяцкій, а подчиненные ему — сотскіе и десятскіе. Происхожденіе должности тысяцкаго — доисторическое» (Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ 1907 г. Стр. 76). По мнѣнію М. А. Дьяконова «сотни — это сохранившійся пережитокъ исконнаго военнаго дѣленія, когда земли составляли тысячу, дѣлившуюся на сотни и десятки» (Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. СПБ. 1908. Стр. 174). Ф. В. Тарановскій находитъ, что «рядомъ съ княжескимъ управленіемъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, функціонировало и управленіе земское. Земскимъ оно можетъ быть названо потому, что свое происхожденіе оно вело отъ временъ докняжескихъ, собственно доваряжскихъ... Главнымъ органомъ земскаго управленія былъ тысяцкій» (Historya prawa rosyiskiego. Cz.Стр. 25). Въ приведенныхъ сужденіяхъ заключаются два правильныхъ и весьма существенныхъ положенія. Во-первыхъ, признаніе исконности «земскаго управленія» и, во-вторыхъ, исконности сотенно-десятичной организаціи. Но самая сотенно-десятичная организація, будучи доваряжской, была все же княжой. Древнѣйшіе органы земскаго управленія слѣдуетъ искать за предѣлами этой организаціи.

лоцкаго князя Рогволода Владимиръ "собра вои многи Варяги и Словѣни, Чюдь и Кривичи".

Такимъ образомъ для всѣхъ сколько нибудь крупныхъ военныхъ предпріятій князю необходимо было, помимо своей дружины, набирать еще многочисленныхъ «храбрыхъ воевъ". "Съ одной дружиной — и притомъ со всей дружиной — князья не въ походъ ходятъ, а въ полюдье, по дань"[1]). Привлеченные "вои" въ большинствѣ, если не во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, были, можно полагать, не народнымъ ополченіемъ, а набранными охотниками. "Война съ помощью народнаго войска, составленнаго изъ охотниковъ, была весьма обыкновеннымъ явленіемъ. Военная добыча составляла одинъ изъ главныхъ способовъ обогащенія въ древнѣйшее время и охотниковъ повоевать, что собственно равносильно понятію пограбить, было не мало, и потому князь, взывавшій къ охочимъ людямъ, рѣдко оставался одинъ"[2]).

"Храбрые вои" княгини Ольги, очевидно, воины уже не разъ, побывавшіе въ бояхъ, отчего храбрость ихъ и сдѣлалась извѣстной. Это, если и не исключительно профессіональные, то, во всякомъ случаѣ привычные бойцы. Изъ того же разряда лицъ набиралъ "мужей" для выстроенныхъ имъ по границѣ своей земли новыхъ городовъ и Владимиръ Св., когда онъ "поча нарубати мужи лучшіѣ отъ Словѣнъ и отъ Чюди и Вятичь". Конечно, среди сельскаго земледѣльческаго населенія, смердовъ, трудно было найти опытныхъ и бывалыхъ воиновъ, способныхъ оборонять пограничные города. "Лучшіе мужи" не могли выйти изъ среды тѣхъ смердовъ, которыхъ Ярославъ оцѣнивалъ въ десять разъ ниже рядового горожанина. Не только князю Святославу приходилось

---

[1]) А. Прѣсняковъ. Княжое право. Стр. 192.

[2]) В. И. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія. СПБ. 1899. Стр. 238.

набирать себѣ войско въ осажденномъ Кіевѣ по необходимости изъ горожанъ, но къ той же городской средѣ должны были обращаться и всѣ князья, всякій разъ, какъ они хотѣли получить "храбрыхъ воевъ". Лѣтописное сказаніе «о убьеньи Борисовѣ" съ особенной ясностью говоритъ о томъ, что обычно ряды княжескихъ воиновъ состояли изъ городскихъ жителей. Сыну Владимира Св., Борису, находящаяся при немъ отцовская дружина совѣтуетъ занять кіевскій столъ, говоря: "се дружина у тобе отня и вои", а въ то же время кіевляне колеблются идти навстрѣчу предложеніямъ Святополка: "не бѣ бо сердце ихъ съ нимъ, яко братья ихъ бѣша съ Борисомъ". Слѣдовательно "вои" Бориса, это "братья", находившихся въ Кіевѣ горожанъ. Неудивительно, что въ "Повѣсти времянныхъ лѣтъ" смерды, невысоко цѣнимые, какъ воины, и появляются въ рядахъ войска только въ тотъ единственный разъ, когда обстоятельства потребовали отъ новгородцевъ крайняго напряженія всѣхъ силъ, какъ это было во время борьбы Ярослава со Святополкомъ.

Итакъ уже первые князья норманской династіи встрѣтили въ славянскихъ городахъ "храбрыхъ" мужей, опытныхъ воиновъ-горожанъ. Это тотъ городской элементъ, который они получили въ наслѣдство отъ предшествующей эпохи.

Необходимость искать поддержку въ доброхотныхъ воинахъ-горожанахъ заставляетъ норманскихъ князей считаться съ волей городского населенія. Съ другой стороны наличіе въ городской средѣ "лучшихъ мужей" очень рано позволяетъ городскому населенію проявлять себя, какъ активное цѣлое.

Въ 968 году осажденные печенѣгами кіевляне принимаютъ въ отсутствіи князя и его дружины рядъ мѣръ къ спасенію города. Тѣ же городскіе жители приглашаютъ Святослава съ дружиной вернуться въ Кіевъ и горько упрекаютъ князя за его

поведеніе: “ты княже чужія земли ищеши, а своея ся охабивъ”. Въ 980 г. воевода Ярополка Блудъ убѣждаетъ князя покинуть Кіевъ, говоря, что “Кияне сносятся ко Володимеру глаголюще, приступай ко граду, яко предамы ти Ярополка”. Блудъ въ данномъ случаѣ только пугалъ Ярополка, но важно то, что угроза его оказалась дѣйствительной; Ярополкъ счелъ вполнѣ возможнымъ, что кіевляне въ состояніи проявить свою самостоятельность при рѣшеніи вопроса о замѣнѣ на кіевскомъ престолѣ одного князя другимъ. Въ 997 г. жители осажденнаго Бѣлгорода «створиша вѣче” для рѣшенія вопроса о сдачѣ печенѣгамъ. Въ 1015 г. Святополкъ, намѣреваясь послѣ смерти своего отца занять кіевскій столъ, въ виду колеблющейся позиціи горожанъ, неувѣренный въ ихъ сочувствіи, “съзва Кияне и нача даяти имѣнье”. Послѣ убійства Бориса и послѣ того какъ бывшіе съ послѣднимъ “вои” вернулись въ Кіевъ, Святополкъ вторично “съзвавъ люди нача даяти овѣмъ корзна, а другимъ кунами и раздая множьство”. Святополкъ дѣйствовалъ такимъ образомъ очевидно сознавая, что его пребываніе на кіевскомъ столѣ въ значительной степени зависитъ отъ воли кіевлянъ, недаромъ отцовская дружина совѣтовала Борису, опираясь на нее и городскихъ воевъ, самому занять кіевскій престолъ. Немногимъ позднѣе кіевляне дѣйствительно доказали, что они умѣютъ защищать свои интересы. Въ 1024 г. кіевляне въ отсуствіи Ярослава рѣшительно отказались принять къ себѣ его брата Мстислава — “и не пріяша его Кіяне”, — и тому пришлось удовлетвориться Черниговомъ.

Въ томъ - же 1015-мъ году, когда въ Кіевѣ Святополкъ, ухаживая за кіевлянами, пытался закрѣпить за собой престолъ, въ далекомъ Новгородѣ произошли событія, доказывающія, что и на сѣверѣ городское населеніе представляетъ изъ себя активную силу. Въ этомъ году Новгородцы, не подозрѣвая еще о кіевскихъ событіяхъ и возму-

щенные поведеніемъ варяговъ Ярослава, избиваютъ ихъ на Парамоновомъ дворѣ. Въ отвѣтъ на это Ярославъ пригласилъ къ себѣ "нарочитыи мужи, иже бяху изсѣкли Варяги обольстивъ и исѣче". Но тутъ пришли извѣстія о кіевскихъ событіяхъ, и Ярославъ "на вѣчѣ", "собравъ избытокъ Новгородцевъ" проситъ у нихъ помощи. Новгородцы соглашаются. Во время самого похода новгородцы также ведутъ себя очень самостоятельно. Въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ Ярославъ не рѣшался переправиться черезъ Днѣпръ, чтобы напасть на Святополка, пока новгородцы не заявили своему князю: «Яко заутра перевеземся на не; аще кто не поидетъ съ нами, сами потнемъ". Въ дальнѣйшемъ новгородцамъ предстояло проявить еще большую активность. Когда въ 1018 г. Ярославъ, разбитый Болеславомъ и Святополкомъ, съ 4 мужами появился въ Новгородѣ и намѣревался бѣжать оттуда за море къ варягамъ, то "посадникъ Коснятинъ сынь Добрынь, съ Новгородцы разсѣкоша лодьѣ Ярославлѣ рекуще: хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ". Вслѣдъ за тѣмъ новгородцы по своему почину собираютъ деньги съ бояръ, старостъ и мужей, нанимаютъ варяговъ и, наконецъ, привлекаютъ къ походу и сельскихъ жителей, смердовъ. Событія 1015-1018 г. г. только съ особой ясностью подчеркиваютъ активность новгородцевъ, но сама по себѣ эта активность, не является новостью этихъ лѣтъ, она проявлялась и раньше. Еще въ 970 году къ Святославу въ Кіевъ "придоша людье Ноугородьстии, просяще князя собѣ: аще не поидите къ намъ, то налѣземъ князя собѣ".

Въ свѣтѣ той самостоятельности, которую умѣетъ проявлять городское населеніе уже при первыхъ норманскихъ князьяхъ, нѣтъ основаній не довѣрять и общимъ выраженіямъ "Повѣсти", изъ которыхъ нѣкоторыя относятся еще къ доваряжскимъ временамъ, въ родѣ — "рѣша сами въ себѣ — поищемъ къ себѣ князя", "сдумаша же

поляне и вдаша отъ дыма мечъ", "древляне же рекоша" и т. д. — и отказываться видѣть въ нихъ лѣтописное свидѣтельство о проявленіи воли самого населенія и при томъ, — въ виду доминирующаго положенія, занимаемаго главнымъ городомъ, — именно организованной воли горожанъ[1]).

"Повѣсть времянныхъ лѣтъ" не разсказываетъ непосредственно о дѣятельности самого населенія, ее интересуютъ главнѣйшимъ образомъ дѣла церкви и дѣянія князей. Тѣмъ показательнѣе, что даже на наиболѣе лаконичныхъ страницахъ «Повѣсти" всякій разъ, какъ дѣятельность князей перекрещивается съ интересами земли, на точкѣ пересѣченія вскрывается организованная воля горожанъ.

---

[1]) Большинство историковъ русскаго права, въ томъ числѣ В. И. Сергѣевичъ и М. А. Дьяконовъ, видятъ въ приведенныхъ выраженіяхъ лѣтописи указанія на общія и согласныя дѣйствія «всего народа или всѣхъ людей такого то города или такой же земли». Того же мнѣнія держится и І. Малиновскій въ своей недавно вышедшей работѣ «Стародавний державний лад східніх славян» В. У. А. Н. Збірнікі соц. економичн. відділу. № 26. Київ. 1929 р. Напротивъ А. Прѣсняковъ считаетъ такія лѣтописныя извѣстія, какъ «сдумаша Поляне», повидимому, не болѣе какъ трафаретными выраженіями, лишенными реальнаго содержанія. Возражая, въ частности, противъ толкованія В. И. Сергѣевичемъ тѣхъ мѣстъ договоровъ русскихъ съ греками, гдѣ говорится, что соглашенія заключены»... и отъ всѣхъ иже суть подъ рукой его Руси»... «И отъ всѣхъ людій Русскія земли», А. Прѣсняковъ замѣчаетъ, что упоминаніе о Руси въ договорахъ съ греками аналогично выраженію Константина Багрянороднаго» μετὰ πάντων τῶν Ῥῶς Значатъ ли эти слова, говоритъ онъ, что князь отправляясь на полюдье, «бралъ съ собой все населеніе Кіева?» (Княжое право. Стр. 159 и тамъ же прим. I). Но договоръ 945 г. употребляетъ не только выраженье «людіи всѣ Рустіи», но и другое, значительно болѣе опредѣленное, и при томъ дважды: въ началѣ договора — «отъ всѣхъ людей Русская земля» — и къ концу договора — «отъ всѣхъ людій отъ страны Русскія». Совершенно ясно, что послѣднія два выраженія далеко не равнозначны «всей Руси» Константина Багрянороднаго: ,,μετὰ πάντων τῶν. Ῥῶς''. Константина Багрянороднаго можетъ означать только, — со всей дружиной, а «отъ всѣхъ людей Русской земли» — отъ всего населенія Кіевскаго государства.

Активное, а иногда и властное поведеніе жителей главнаго города, отмѣченное "Повѣстью временныхъ лѣтъ" при первыхъ же норманскихъ князьяхъ, подразумѣваетъ наличіе исконной организаціи мѣстныхъ силъ, которая не могла быть создана одними только князьями, тѣмъ болѣе смотрѣвшими на свое пребываніе въ славянскихъ городахъ, какъ на временную остановку въ своемъ неудержимо-стихійномъ стремленіи въ болѣе заманчивыя мѣста. Подобная организація и не можетъ быть создана сверху и сразу, ея корни въ исконныхъ органическихъ условіяхъ жизни восточно-славянскаго города. Сѣверно-русскій лѣтописецъ, утверждающій, что "Новгородцы бо изначала, и смоляне, и кыяне и полочане и вся власти якоже на думу на вѣче сходятся и что старѣйшіе сдумають, на томъ и пригороди стануть"[1]), не ошибся, считая вѣчевыя собранія въ главныхъ городахъ "изначальнымъ" явленіемъ въ жизни городовой области. Прежнія племенныя вѣча, по существу являвшіеся въ антскую эпоху собраніемъ антовъ-воиновъ, должны были смѣниться городскими вѣчевыми собраніями съ того момента, какъ богатый и сильно укрѣпленный главный городъ, со своимъ княземъ, окруженнымъ своими "мужами" и населеніемъ, вобравшимъ въ свой составъ лучшихъ мужей-воиновъ всей области, занялъ въ послѣдней доминирующее положеніе[2]).

---

[1]) Лаврентьевская лѣтопись подъ 1176 г.

[2]) Н. А. Прѣсняковъ въ своей книгѣ «Княжое право» пришелъ къ совершенно противоположному выводу. По его мнѣнію, «чтеніе древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ безъ всякой предвзятой мысли не даетъ представленія о томъ, что князья — пришельцы нашли готовый и сложный строй городскихъ областей и народныхъ войскъ, а побуждаетъ признать, что они создавали условія своей жизни на болѣе примитивной почвѣ» (Стр. 192) А. Прѣснякову, конечно, хорошо извѣстны приведенныя въ текстѣ лѣтописныя указанія на дѣятельность древнихъ городскихъ міровъ, но онъ считаетъ ее вызванной къ жизни самими варяжскими князьями, впервые организовавшими внутренній строй древне-русскихъ город-

Организація мѣстныхъ силъ въ городскіе міры, которые въ отдѣльные моменты могли занимать самостоятельную позицію по отношенію къ князю, невозможна безъ наличія "городской аристократіи" вліятельныхъ мѣстныхъ "земскихъ" людей. «Повѣсть",не интересующаяся непосредственно жизнью самого населенія, не сохранила спеціальныхъ наименованій лучшихъ городскихъ людей, но ихъ наличіе въ городскомъ міру несомнѣнно. Они скрыты въ "Повѣсти" подъ названіями общаго характе-

---

скихъ областей. Основнымъ аргументомъ исторической конструкціи А. Прѣснякова ,— оставляя въ сторонѣ чтеніе лѣтописныхъ сводовъ «безъ предвзятой мысли» — является подмѣченный и усиленно имъ подчеркиваемый фактъ виднаго участія «княжихъ мужей» въ отдѣльныхъ проявленіяхъ дѣятельности городскихъ міровъ. «Вои, говоритъ онъ, не готовое войско, а организуемое княземъ, и состоитъ оно подъ его властью, подъ начальствомъ его воеводы». (Стр. 92). «Безъ организующей дѣятельности князя и княжого воеводы населеніе не можетъ мобилизовать своихъ силъ: когда въ 1068 г. люди кіевскіе рѣшили биться съ Печенѣгами, они обращаются къ князю: «да вдай, княже, оружья и кони» (Стр. 193). Въ лѣтописномъ разсказѣ о новгородскихъ событіяхъ 1015-1018 гг. А. Прѣсняковъ, правда, готовъ видѣть «несомнѣнное выступленіе Новгорода, какъ самостоятельной вѣчевой силы, вѣчевого Новгорода», но, по его мнѣнію, и въ данномъ случаѣ активно дѣйствующими людьми являются исключительно княжіе мужи. «Во главѣ дѣйствующихъ Новгородцевъ стоитъ посадникъ, княжой мужъ, вѣроятно — сынъ знаменитаго Добрыни, двоюродный братъ Владимира» (Стр. 198). Правильно считая тысяцкаго, сотскихъ, десятскихъ, «старцевъ градскихъ» (а съ нѣкоторыми оговорками, и старостъ) за «княжихъ мужей» и дѣлая отсюда нѣсколько неожиданный выводъ объ отсутствіи вообще въ старину «земскихъ бояръ», А. Прѣсняковъ заключаетъ, что варяжскіе князья, «военные вожди, окруженные небольшой дружиной, организуютъ въ Новгородѣ, затѣмъ въ Кіевѣ населеніе пригородныхъ поселеній-посадовъ въ сотни, закладывая тѣмъ самымъ основаніе городского строя» (Стр. 194-195), и только послѣ того, какъ князья организовали строй городовыхъ областей имъ позднѣе пришлось считаться съ мѣстнымъ населеніемъ какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Кіевѣ (Стр. 196).

Такова историческая конструкція А. Прѣснякова, не лишенная внѣшней убѣдительности, но страдающая тѣмъ основ-

ра. Вліятельные "земскіе" городскіе элементы слѣдуетъ искать среди "нарочитыхъ мужей" которые въ 1015 г. избили въ Новгородѣ варяговъ, и въ свою очередь были "изсѣчены" дружинниками Ярослава. "Нарочитые мужи" новгородскіе не входили, слѣдовательно, въ составъ княжеской дружи-

---

нымъ дефектомъ, что въ ней теорія доминируетъ надъ историческими фактами. А. Прѣсняковъ утверждаетъ, что городское населеніе послушно идетъ за княземъ и его мужами, а послѣдніе начинаютъ считаться съ этимъ населеніемъ только позднѣе, т. е., по его мнѣнію, приблизительно съ XII вѣка. Между тѣмъ тѣ же историческіе примѣры, на которые ссылается самъ А. Прѣсняковъ, свидѣтельствуютъ, что напротивъ сами «княжіе мужи» при выборѣ между двумя сторонами княземъ и городскимъ міромъ, уже въ началѣ XI столѣтія предпочитаютъ иногда стать на сторону послѣдняго. Очевидно они съ нимъ считаются. Новгородскій посадникъ, «княжой мужъ», Коснятинъ сынъ «Добрынь», опирается на новгородцевъ, желая помѣшать Ярославу бѣжать за море. Считать, въ данномъ случаѣ, что новгородцы послушно идутъ за княжимъ посадникомъ, а не послѣдній дѣйствуетъ солидарно съ новгородцами, — нельзя. Дальнѣйшая судьба Коснятина какъ нельзя болѣе убѣждаетъ въ этомъ. Уже въ 1019 году, т. е. вскорѣ послѣ услугъ оказанныхъ ему Коснятиномъ, «разгнѣвался на нь великій князь Ярославъ, и поточи и въ Ростовъ, и на третье лѣто повелѣ его убити въ Муромѣ, на рѣкѣ на Оцѣ» (Воскресенская лѣтопись). Очевидно Ярославъ со времени событій 1018 года имѣлъ серьезныя основанія не считать Коснятина своимъ, преданнымъ исключительно себѣ, человѣкомъ. Новгородскій посадникъ Коснятинъ не единственный «княжой мужъ» предпочитающій связать свою судьбу съ вліятельными кругами городского населенія. Такъ поступали иногда и другія «княжіе мужи», имѣвшіе непосредственное отношеніе къ городскимъ «воямъ». Въ 1043 г. Ярославъ послалъ сына своего Владимира противъ грековъ, а воеводой назначилъ Вышату. Буря разбила русскіе корабли. Изъ нихъ уцѣлѣлъ только одинъ, на которомъ помѣстился Владимиръ съ дружиной. Никто изъ дружиниковъ не пожелалъ пойти домой пѣшимъ путемъ вмѣстѣ съ шестью тысячами воевъ, но Вышата сказалъ: «азъ пойду съ ними... аще живъ буду, то съ ними, аще погину, то съ дружиною». Если согласиться съ А. Прѣсняковымъ, что «воевода X-XI в. — историческій предшественникъ тысяцкаго, княжъ мужъ, стоящій во главѣ ополченія воевъ» (Стр. 192), то поступокъ Вышаты съ тѣмъ большимъ основаніемъ можно сопоставить съ

ны, не были княжими мужами. Тотъ же вліятельный "земскій" городской элементъ слѣдуетъ видѣть въ "боярахъ" и "старостахъ", которыхъ въ 1018 году новгородцы обложили единовременнымъ высокимъ поборомъ въ цѣляхъ дальнѣйшей борьбы со Святополкомъ. Дѣйствительно, невозможно предположить, чтобы для найма варяговъ новгородцы могли бы собирать деньги съ "княжихъ мужей". Послѣд-

---

поведеніемъ тысяцкихъ въ эпоху, когда самъ А. Прѣсняковъ не станетъ отрицать самодѣятельности городскихъ міровъ. Такъ въ 1147 г., когда кіевское вѣче отказалось помогать Изяславу въ его борьбѣ противъ его дяди Юрія и князь выступилъ въ походъ съ одними охотниками, то и тысяцкій Лазарь остался въ городѣ (Ипатьевская лѣтопись). Поведеніе посадника Коснятина, воеводы Вышаты и тысяцкаго Лазаря отмѣчены той же печатью ихъ солидарности съ городскимъ населеніемъ. Если бы послѣднее не представляло собой никакой самостоятельной силы, всѣ эти три «княжихъ мужа» — хотя Коснятинъ и отдѣленъ отъ Лазаря промежуткомъ времени въ 130 лѣтъ, — при возможности выбора между княземъ и городскимъ міромъ въ равной мѣрѣ, не стали бы связывать своей судьбы съ послѣднимъ. Не болѣе удачна ссылка А. Прѣснякова на кіевскія событія 1068 г., какъ на доказательство полной военной безпомощности городского населенія, оставшагося безъ княжеской поддержки. Въ этомъ году Кіевляне разбитые половцами и потерявшіе въ бою и бѣгствѣ своихъ коней и оружіе — (нужно думать, что они сражались съ половцами не съ пустыми руками)—«створища вѣче на торговищѣ» и стали просить у Изяслава оружія и коней для продолженія борьбы. Князь отказалъ.Возмущенные кіевляне «възвыли», освободили изъ заключенія князя Всеслава, «дворъ же княжъ разграбиша, безчисленное множьство злата и сребра, кунами и бѣлью». Изяславъ, окруженный дружиной, не пытался даже организовать сопротивленіе. Кіевляне, даже ослабленные только что понесеннымъ ими пораженіемъ, все же оказались неизмѣримо сильнѣе князя съ его прекрасно вооруженной дружиной, и въ результатѣ Изяславу оставалось только «бѣжать въ ляхи». По мнѣнію А. Прѣснякова даже новгородское посольство къ Святославу 970 г. доказываетъ, что мѣстная политика Новгорода находилась всецѣло подъ руководствомъ «княжихъ мужей», хотя о какомъ бы то ни было ихъ участіи въ новгородскомъ посольствѣ «Повѣсть» на этотъ разъ не говоритъ ни одного слова. Подобный выводъ для А. Прѣснякова является, по существу, логически неизбѣжнымъ, т. к. иначе вся его конструкція оказалась бы опровергнутой. Къ чи-

нихъ къ тому же въ этотъ моментъ въ городѣ было очень мало: Ярославъ прибѣжалъ въ Новгородъ всего на всего съ 4-мя мужами.

Вліятельной городской средой были также купцы, которые вели торговыя дѣла съ Византіей и въ 945-мъ году, вмѣстѣ съ княжескими "слами", участвовали въ заключеніи договора съ греками. Купцы эти — очень важные люди, носящіе при себѣ серебряные печати и поголовно

слу такого же рода логически неизбѣжныхъ для него догадокъ относится и его замѣчаніе, что «бояръ» упомянутыхъ въ лѣтописномъ разсказѣ о новгородскихъ событіяхъ 1018 г., нельзя считать земскими: они, вѣдь, дѣйствуютъ вмѣстѣ съ посадникомъ» (Стр. 198).

Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что участіе князя въ организаціи военныхъ силъ области, конечно, было очень значительнымъ. Иначе и быть не могло, разъ князь является главнымъ защитникомъ земли и представляетъ изъ себя «необходимый элементъ каждой волости» (В. И. Сергѣевичъ). Вполнѣ понятно поэтому, что и городскія «вои» выступаютъ подъ начальствомъ воеводы-тысяцкаго, назначавшагося княземъ. Но отсюда во всякомъ случаѣ нельзя дѣлать вывода, что князья начинаютъ считаться съ городскимъ населеніемъ только, приблизительно, съ XII столѣтія. Князю, независимо отъ его организаторской дѣятельности, по необходимости приходилось вообще считаться съ каждой реальной силой своей волости. Еще въ большей степени, чѣмъ къ городскому населенію, князь имѣлъ непосредственное отношеніе къ своей дружинѣ. Ни князь безъ дружины, ни дружина безъ князя существовать не могли. Организующая роль князя въ дѣлѣ устроенія своего «огнища» безспорна, и тѣмъ не менѣе также безспорно, что князья весьма считаются со своей дружиной и стараются идти навстрѣчу ея желаніямъ. Наконецъ, — и это въ данномъ случаѣ главное, — можно вполнѣ согласиться съ А. Прѣсняковымъ по вопросу о «властномъ», княжомъ, происхожденіи сотенной организаціи, но отсюда нельзя дѣлать вывода, что только варяжскіе князья стали пользоваться военными силами горожанъ и ихъ организовывать. По собственнымъ словамъ А. Прѣснякова, тысячно-сотенную организацію «надо признать явленіемъ возможнымъ въ связи съ развитіемъ городского строя и преобладанія городовъ надъ землями-волостями» (Стр. 189). Но тѣмъ самымъ начало такой организаціи переносится ко времени возникновенія городовыхъ областей, т. е. въ донорманскую эпоху, въ которую А. Прѣсняковъ въ сущности даже не попытался заглянуть.

перечисленные во вступительной части договора. По признанію самихъ норманистовъ среди нихъ встрѣчается и нѣсколько славянскихъ именъ. О славянскихъ купцахъ, ведущихъ далекую торговлю съ чужими странами, сообщаютъ и мусульманскіе писатели Масуди, Истахри и Ибнъ Хаукаль. Масуди, писавшій между 20-25 г. г. X вѣка говоритъ, что въ столицѣ хазарскаго государства "бываетъ семь судей, двое изъ нихъ для мусульманъ, двое для хазаръ, которые судятъ по закону Тауры (Торы), двое для тамошнихъ христіанъ, которые судятъ по закону Инджиля (Евангелія); одинъ изъ нихъ для славянъ, русовъ и другихъ язычниковъ, они судятъ по закону разума"[1]). Въ хазарской столицѣ (Итилѣ) Славяне, какъ и Русы, могли проживать, главнымъ образомъ, съ торговыми цѣлями, подобно тому какъ богатымъ славянскимъ купцамъ приходилось проживать съ той же цѣлью подъ стѣнами Царьграда, "у святого Мамы".

Весьма вѣроятно, что "старосты" упоминаемые "Повѣстью" подъ 1018 г. въ Новгородѣ, и были "земскими" выборными должностными лицами, вѣдающими наравнѣ съ "княжими мужами" различными сторонами городской жизни[2]).

"Городская аристократія" во всякомъ случаѣ

---

[1]) А. Я. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей. Стр. 129-130.

[2]) А. Прѣсняковъ, хотя и въ несомнѣнномъ противорѣчіи со своей собственной конструкціей, все же полагаетъ, что «неустранима и возможность сосуществованія княжихъ и выборныхъ старѣйшинъ въ одной и той же организаціи для различныхъ функцій. Недостатокъ данныхъ уничтожаетъ пути къ какому нибудь детальному развитію представленій объ этихъ явленіяхъ» (Княжое право. Стр. 195-196). Въ предположеніи А. Прѣснякова остается впрочемъ сомнительной мысль о возможности размежеванія функцій княжихъ и выборныхъ старѣйшинъ. Сколько-нибудь точное размежеваніе функцій княжой и «земской» дѣятельности въ теченіе всего кіевскаго періода было той стороной правовой жизни, которая менѣе всего удавалась древней юридической мысли и практикѣ.

не могла быть создана организаціонной княжой дѣятельностью. Въ варяжскую эпоху она перешла наслѣдіемъ болѣе древнихъ временъ.

Вліятельный "земскій" городской элементъ и былъ силой, обусловливавшей активность и ту степень самостоятельности городскихъ міровъ, которая заставляла "городскую старшину" изъ княжихъ мужей при выборѣ между княземъ и городскими "земскими" людьми связывать иногда свою судьбу съ послѣдними.

Благодаря организаціонной дѣятельности донорманскихъ князей и наличію опытнаго "земскаго" боевого элемента и "городской аристократіи", въ славянскихъ городахъ еще въ доваряжское время должна была создаться сложная и мощная для своего времени военная организація и скапливаться значительныя военныя средства. Только опираясь на издавна сложившуюся военную организацію, хотя и подкрѣпленную норманскими пришельцами, Аскольдъ и Диръ могли уже въ 860 г. предпринять изъ Кіева свой смѣлый и далеко не неудачный походъ на Византію[1]).

Появленіе князей-варяговъ среди восточныхъ

---

[1]) А. А. Шахматовъ, полагавшій раньше, что походъ 860 года на Византію кончился полной неудачей (Очеркъ древн. пер. исторіи русскаго языка. Стр. XXVII), въ своемъ послѣднемъ трудѣ приходитъ къ противоположному выводу. «Благодаря открытой въ 1894 году Fr. Cumont, профессоромъ Гентскаго университета, лѣтописной замѣткѣ, теперь извѣстно, что русы явились подъ стѣнами Византіи 18 іюня 860 года. Х. Лопареву, посредствомъ анализа «Слова о положеніи ризы Богородицы во Влахернахъ», а также упомянутаго выше сообщенія о походѣ русовъ въ Венеціанской хроникѣ XII вѣка, двухъ рѣчей патріарха Фотія по поводу русскаго нашествія и нѣкоторыхъ другихъ свидѣтельствъ, удалось доказать, что этотъ походъ окончился совсѣмъ не такъ, какъ объ этомъ говоритъ Симеонъ Логоѳетъ (продолжатель Амартола), а почетнымъ для русскихъ миромъ, заключеннымъ подъ стѣнами Царьграда, послѣ чего, они, 25 іюня, удалились отъ города» (Древнѣйшія судьбы русскаго племени. Стр. 90).

славянъ не внесло слѣдовательно въ жизнь послѣднихъ тѣхъ измѣненій, которыя связываетъ съ нимъ «Повѣсть времянныхъ лѣтъ". Государственность окончательно установилась среди значительной части восточныхъ славянъ задолго до появленія въ ихъ средѣ норманновъ. Городовая область, какъ форма государственнаго быта, была получена варяжскими князьями отъ предшествующей эпохи и продолжала свое существованіе и при нихъ[1]).

Сила государственнаго начала и степень его проникновенія въ глубь мѣстной жизни не могли быть одинаковыми во всѣхъ городовыхъ областяхъ. Если между городомъ и деревней въ донорманскую эпоху существовалъ замѣтный контрастъ, то и между отдѣльными городовыми областями можно замѣтить серьезныя различія, касающіяся иногда именно тѣхъ сторонъ древняго быта, которыя обуславливали главенство города надъ областью и тѣмъ самымъ вели къ созданію государства-города.

Въ суровомъ осужденіи, которое древлянскій образъ жизни вызвалъ у составителя "Повѣсти" — "древляне живяху звѣринскимъ образомъ, живяху скотьски" — сказался, повидимому, не только мѣстный патріотизмъ кіевскаго лѣтописца, но и зна-

---

[1]) Данное положеніе уже не разъ высказывалось какъ въ исторической, такъ и историко-юридической русской ученой литературѣ. Впрочемъ, историки русскаго права скорѣе постулировали, а не обосновывали его сколько-нибудь детально. При всемъ томъ, несмотря на присущую ему нерѣшительность въ конечныхъ выводахъ, М. А. Дьяконовъ все же считалъ возможнымъ полагать, что «элементы государства были на лицо у русскихъ славянъ съ древнѣйшихъ временъ» (Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Стр. 60). Гораздо болѣе рѣшительно высказывается по данному вопросу М. Ф. Владимирскій-Будановъ. По его словамъ, «князья варяги вездѣ застали готовый государственный строй» (Обзоръ исторіи русскаго права. Стр. 13). Въ послѣднемъ утвержденіи неправильно только слово — «вездѣ». См. также С. А. Корфъ. Исторія русской государственности. СПБ. 1908 г. Т. I Спр. 13–17).

ніе дѣйствительнаго положенія вещей. При изученіи археологическихъ данныхъ "поражаетъ бѣдность инвентаря древлянскихъ могилъ... Сравнивая курганы древлянъ съ курганами полянъ, понимаешь презрительное отношеніе кіевскаго лѣтописца къ близкимъ лѣснымъ сосѣдямъ, которые своимъ простымъ и бѣднымъ бытомъ такъ отличаются отъ жителей ближайшихъ окрестностей самого большого и богатаго изъ городовъ — Кіева"[1]). Въ условіяхъ простого и болѣе бѣднаго быта общественное разслоеніе въ древлянской землѣ не могло сдѣлать тѣхъ же успѣховъ, что и въ другихъ, удачнѣе расположенныхъ по отношенію къ древнимъ торговымъ путямъ, городовыхъ областяхъ, могущихъ въ силу своего положенія перехватывать на свою долю львиную часть торговыхъ прибылей. Тѣмъ не менѣе ко времени подчиненія древлянской земли князьямъ-варягамъ государственное начало успѣло проникнуть и сюда. "Повѣсть времянныхъ лѣтъ" въ своемъ сообщеніи о "лучшихъ" и "нарочитыхъ мужахъ" древлянскихъ не говоритъ про нихъ что они володѣли роды своими", а отмѣчаетъ, что они "дерьжаху Деревьску землю". Знаетъ она и "старѣйшихъ града"Искоростеня. Кромѣ того чисто топографическій характеръ наименованія — «древляне", роль князя Мала, съ которымъ древляне считаются именно въ его качествѣ военнаго вождя, наконецъ сильныя укрѣпленія Искоростеня и удачная его оборона отъ искушеннаго въ военныхъ дѣлахъ кіевскаго войска, указывающая на присутствіе въ городѣ профессіональныхъ опытныхъ воиновъ, — также не даютъ возможности дѣлать вывода, что Древляне еще въ серединѣ X-го вѣка продолжали жить въ чистомъ племенномъ быту. Но во всякомъ случаѣ различныхъ родовыхъ группировокъ въ Древлянской землѣ должно было быть значительно

---

[1]) Ю. Готье. Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 240-242.

больше, чѣмъ въ развитыхъ городовыхъ областяхъ. Позволительно даже предположить, что строй древлянской земли еще въ серединѣ Х-го вѣка представлялъ изъ себя совокупность родовыхъ организацій, совмѣстно со своими старѣйшинами признавшими власть князя-военнаго вождя, имѣвшаго со своей дружиной, "княжими мужами", резиденцію въ наиболѣе значительномъ и сильнѣе другихъ укрѣпленномъ древлянскомъ городѣ.

Древлянская земля по степени развитія въ ней государственнаго начала стояла, повидимому, въ наибольшемъ отдаленіи отъ развитыхъ городовыхъ областей. Дальше древлянъ въ этомъ отношеніи могли находиться только тѣ славяне, которымъ государственный бытъ, даже въ его наиболѣе элементарныхъ формахъ, былъ совершенно неизвѣстенъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ Радимичи и Вятичи.

"Повѣсть" замѣтно выдѣляетъ Радимичей и Вятичей изъ другихъ восточно - славянскихъ "племенъ". Она помнитъ появленіе на Сожѣ и Окѣ ихъ родовыхъ владыкъ со своими родами. "Радимичи и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо 2 брата въ Лясѣхъ, Радимъ, а другой Вятко; и придоша сѣдоста Радимъ на Сожю, прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи"[1]).

---

[1]) А. А. Шахматовъ, основываясь на сходствѣ говора радимичей и вятичей съ говорами польскими, соглашается съ «Повѣстью», указывающей на польское происхожденіе обоихъ этихъ племенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. А. Шахматовъ высказываетъ предположеніе, что Радимичи и Вятичи покинули свои прежнія мѣста жительства подъ давленіемъ аваровъ, оставившихъ свою страну послѣ разгрома «аварской державы, павшей подъ ударами Карла Великаго въ концѣ VIII в.» (Древнѣйшія судьбы русскаго племени. Стр. 37-39). Лингвистическія соображенія А. А. Шахматова, повидимому, не являются, однако, безспорными. «Не думаю, пишетъ про радимичей и вятичей Е. Ф. Карскій, чтобы они были дѣйствительно ляшскаго происхожденія; языкъ ихъ чисто русскій, бытъ и поэзія

Такимъ образомъ Радимичи и Вятичи перешли на новыя мѣста сравнительно поздно. До того времени они продолжали пребывать на своей прародинѣ, вдалекѣ отъ событій, оказавшихъ столь замѣтное вліяніе на общественный бытъ славянъ, пришедшихъ въ движеніе значительно раньше. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы Радимичи и Вятичи и на новыхъ мѣстахъ своего жительства, въ сторонѣ отъ главныхъ центровъ тогдашняго восточно-славянскаго міра, смѣнили свой племенной строй на бытъ государственнаго характера. У обоихъ племенъ нѣтъ и крупныхъ городовъ, которые могли бы играть роль государственныхъ центровъ. Еще въ своемъ "Поученіи" Владиміръ Мономахъ, разсказывая про свои походы на Вятичей, не говоритъ, какъ онъ это обычно въ такихъ случаяхъ дѣлаетъ, о взятіи того или другого города, а ограничивается краткимъ сообщеніемъ, что онъ ходилъ на Ходоту и его сына. Въ этихъ условіяхъ Ходоту легче всего представить себѣ, какъ племенного старѣйшину. Въ то время какъ даже древлянская земля, выдержавшая упорную и долгую борьбу со своими сосѣдями полянами, "примученная" Олегомъ и испытавшая тяжелую

тоже; одно дзеканье связываетъ ихъ съ ляхами, да и то только радимичей, но дзеканье свойственно и другимъ бѣлоруссамъ дреговичскаго и кривичскаго происхожденія; кромѣ того оно не повсемѣстно у радимичей и не совсѣмъ совпадаетъ съ польскимъ, у поляковъ дзеканье имѣетъ нѣсколько шипящій характеръ, чего нѣтъ у бѣлоруссовъ (Бѣлоруссы. Кн. I. Стр. 71-72). Кромѣ того мнѣніе А. А. Шахматова не находитъ себѣ подтвержденія въ археологическихъ данныхъ. «Въ археологическихъ древностяхъ радимичей и вятичей нѣтъ никакихъ чертъ, которыя роднили бы ихъ съ древностями польскими». (Ю. Готье. Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 219). Лѣтописное выраженье — «отъ Ляховъ» «въ Лѣсяхъ» — можетъ быть понято, какъ указаніе, что до своего переселенія радимичи и вятичи жили къ западу отъ Дреговичей въ непосредственной близости къ ляшскимъ племенамъ или даже въ окруженіи послѣднихъ. Что касается предположенія о давленіи на радимичей и вятичей со стороны аваровъ,

месть княгини Ольги, при всей своей политической отсталости, нѣкоторое время и послѣ всѣхъ этихъ событій продолжала сохранять характеръ политически обособленной области и имѣла своихъ самостоятельныхъ князей въ лицѣ Олега Святославича и Святослава Владимировича, радимичи со временъ Олега и вятичи со временъ Святослава обычно пребываютъ въ положеніи "примученныхъ" племенъ, т. е. тѣхъ «лапотниковъ" поискать которыхъ совѣтовалъ князю Владимиру его дядя Добрыня. Изъ всѣхъ восточно-славянскихъ "племенъ", такимъ образомъ, одни только радимичи и вятичи являются племенами въ точномъ смыслѣ этого слова. Недаромъ они одни и носятъ патрономическія имена. Всѣ остальные, — бужане, лугане, волыняне, полочане, поляне, древляне, дреговичи, сѣверяне, словѣни-новгородцы, — получили свое названіе или по мѣстности, которую они занимали, или по своему главному городу. Исключеніе въ послѣднемъ отношеніи представляли изъ себя одни кривичи, наименованіе которыхъ, какъ это общепризнано, литовскаго, и при томъ сравнительно поздняго, происхожденія и которые ни въ какомъ отношеніи не пред-

---

то такая возможность представляется весьма сомнительной. Могущество аваровъ ослабѣло задолго до Карла В. Уже въ 626 году аварамъ былъ нанесенъ серьезнѣйшій ударъ подъ стѣнами Константинополя. Въ 635 году власть аваровъ сбрасываютъ съ себя Болгары причерноморскихъ степей. Около 630 г. чешскіе славяне подъ предводительствомъ Само также освобождаются отъ аварской зависимости. Когда Карлъ В. въ 795-805 гг. разрушаетъ давно уже ослабѣвшій аварскій каганатъ, то славянскіе сосѣди аваровъ — хорваты не только не испытываютъ на себѣ сколько-нибудь сильнаго давленія со стороны разбѣгающихся аваровъ, но уничтожаютъ часть ихъ, а другую заставляютъ себѣ подчиниться. Разселеніе восточныхъ славянъ началось вообще задолго до паденія аварской державы подъ ударами Карла В. Въ частности археологическія данныя позволяютъ отнести «присутствіе Радимичей у Могилева къ половинѣ VIII вѣка, т. е. ко времени предшествовавшему уничтоженію аварской державы Карломъ В.» (Ю. Готье. Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 219).

ставляли собой единаго цѣлаго[1]). Знакомство съ бытомъ радимичей и вятичей и могло дать составителю "Повѣсти времянныхъ лѣтъ" фактическій матеріалъ для изображенія, въ согласіи съ его общей точкой зрѣнія, картины родового быта, въ которомъ, по его мнѣнію, пребывали всѣ восточно-славянскія племена до призванія варяговъ-руси[2]).

Была, наконецъ, область, гдѣ славянскіе насельники вошли въ составъ уже готовой, государственности, дѣйствительно созданной не ими, а норманнами.

---

[1]) Подробный анализъ вопроса, какимъ образомъ «изъ мѣстныхъ названій XI-го вѣка лѣтопись сдѣлала «племена» восточнаго славянства» у С. М. Середонина (Историческая географія. Стр. 132-222).

[2]) Въ русской исторіографіи, какъ извѣстно, имѣется не мало различныхъ теорій по вопросу о древнемъ общественномъ бытѣ восточныхъ славянъ. Изъ этихъ теорій, — родовая (Эверсъ, Рейцъ, Соловьевъ, Кавелинъ), близкая къ ней племенная (Костомаровъ, Филевичъ), общинная (Аксаковъ, Бѣляевъ, Лешковъ) и задружная (Леонтовичъ, Никитскій), — для эпохи, предшествовавшей появленію норманновъ, могутъ искать себѣ опору въ условіяхъ жизни только двухъ племенъ — радимичей и вятичей. За этими предѣлами, указанныя теоріи могутъ быть прилагаемы только къ болѣе или менѣе полно сохранившимся остаткамъ прежнихъ формъ жизни; и, прежде всего, къ быту сельскаго населенія.

ГЛАВА VI.

Задолго до того, что былъ продолженъ Днѣпровскій сквозной путь "изъ Варягъ въ Греки", норманны привыкли уже пользоваться торговой волжской дорогой[1]).

Самъ по себѣ послѣдній путь очень древняго происхожденія и несомнѣнно на много вѣковъ предшествовалъ самой скандинавской торговлѣ. Самыя раннія изъ монетъ, найденныхъ на волжскомъ пути, индо-пареянскія, относящіяся къ 1-му вѣку по Р. Х., затѣмъ идутъ Сассанидскія IV-V вв., византійскія V-VII в. в. "Притокъ этихъ вещей не представляетъ мимолетное случайное явленіе, а вполнѣ систематическое, совершавшееся въ продолженіе почти всѣхъ вѣковъ изучаемой эры"[2]).По словамъ В. В. Бартольда, изъ китайскихъ источниковъ можно видѣть, что въ V-мъ вѣкѣ по Р. Х. въ

---

[1]) « La route de la Volga a été ouverte au trafic de meilleure heure et avait aussi une plus grande importance pour le commerce suédois aux IXe et Xe siècles que la route du Dnepr » (T. Arné. La Suède et l'Orient. Upsala. 1914. Стр. 90). «Изслѣдователи приходятъ къ слѣдующему несомнѣнному выводу: торговый путь черезъ Волгу открытъ скандинавами раньше, чѣмъ путь черезъ Днѣпръ, и этотъ волжскій путь для шведской торговли имѣлъ большее значеніе, чѣмъ путь черезъ Днѣпръ». (А. А. Шахматовъ. Древнѣйшія судьбы русскаго племени. Стр. 46). О болѣе раннемъ знакомствѣ скандинавовъ съ Волгой, чѣмъ съ Днѣпромъ говорятъ также В. Пархоменко, М. Грушевскій, Ю. Готье, А. Погодинъ, Ф. Браунъ, С. Середонинъ, А. Спицынъ, Фасмеръ и Щеляговскій.

[2]) В. А. Городцовъ. Бытовая археологія. М. 1910 г. Стр. 433.

Туркестанѣ покупали янтарь, привозимый туда съ береговъ Балтійскаго моря. “Это извѣстіе, говоритъ онъ, указываетъ, повидимому, на существованіе въ то время балтійско-каспійскаго торговаго пути , имѣвшаго до IX в. несравненно больше значенія, чѣмъ путь балтійско-черноморскій”[1]).

Когда именно скандинавы вышли на Волгу сказать съ точностью очень трудно. “Древнѣйшія куфическія монеты, занесенныя этой торговлей въ Швецію, относятся по времени своего чекана еще къ концу VII вѣка, въ болѣе значительномъ количествѣ къ началу и серединѣ VIII в... Мы вправѣ отнести начало этихъ торговыхъ сношеній къ серединѣ VIII вѣка или къ концу его”[2]). Во всякомъ случаѣ норманны познакомились съ Волжскимъ путемъ раньше восточныхъ славянъ. Шведскій ученый Арне, опираясь на археологическія данныя, доказываетъ, что прямыя сношенія Швеціи съ хазарской державой существовали до того, что “славянскіе купцы стали принимать участіе въ восточной торговлѣ, шедшей по Волгѣ”[3]). Для составителя “Повѣсти времянныхъ лѣтъ” пребываніе варяговъ далеко на востокъ отъ Балтійскаго моря является исконнымъ фактомъ: «по сему же морю (Варяжскому) сѣдятъ Варязи сѣмо ко востоку до предѣла Симова”. Самое извѣстіе “Повѣсти” о Волгѣ носитъ на себѣ печать скандинавскаго происхожденія: “тѣмже (Волжскимъ путемъ) и изъ Руси можетъ идти въ Болгары и въ Хвалисы, на востокъ дойти

---

[1]) Ак. В. А. Бартольдъ. Исторія культурной жизни Туркестана Л. 1927. Стр. 17.

[2]) Ѳ. А. Браунъ. Варяги на Руси. Сборникъ «Бесѣда» № 6/7. Берлинъ 1925 г. Стр. 315-316. Взглядъ Ѳ. Брауна на начало торговыхъ сношеній скандинавовъ по Волгѣ не является господствующимъ. В. А. Бримъ и Т. Арне относятъ его къ началу IX в., П. Смирновъ полагаетъ, что скандинавы познакомились съ волжскимъ торговымъ путемъ до VI-го вѣка.

[3]) T. Arne. La Suède et l'Orient. Стр. 158.

въ жребій Симовъ". Слѣдовательно, по представленія составителя "Повѣсти" волжскій путь — это путь варяговъ-Руси[1]).

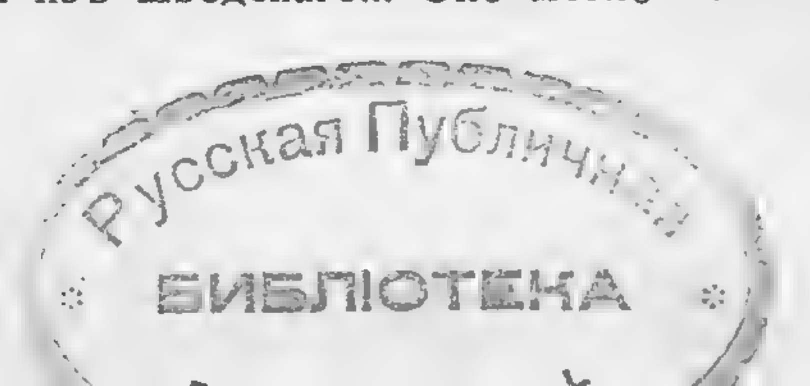
---

[1]) С. М. Середонинъ. Историческая географія. Стр. 91 и А. А. Погодинъ. Варяги и Русь въ Запискахъ Русскаго Научн. Инст. въ Бѣлградѣ. 1932. Стр. 127-128. Мысль о томъ, что норманны познакомились съ Волгой раньше восточныхъ славянъ является одной изъ центральныхъ въ книгѣ П. Смирнова «Волзький шлях і стародавни Руси».

Составитель «Повѣсти временныхъ лѣтъ», — какъ извѣстно, самымъ рѣшительнымъ образомъ отождествляетъ Варяговъ съ Русью: «идоша за море къ варягамъ сице бо ся зваху тьи Варязи Русь». Несомнѣнно также, что по представленію автора «Повѣсти» варяги, находившіеся среди восточныхъ славянъ, это люди близкіе къ князю, входящіе въ составъ его дружины, представители правящаго правительственнаго слоя.

Если вопросъ о Варягахъ—Руси для составителя «Повѣсти» не представляется спорнымъ, то въ исторической наукѣ существуютъ четыре основныхъ школы, совершенно различно объясняющія происхожденіе «Руси», — скандинавская, славянская, южная и готская. Со своей стороны авторъ даннаго очерка вполнѣ согласенъ съ утвержденіемъ, что въ настоящее время «казалось бы, стало несомнѣннымъ скандинавское происхожденіе Руси». (А. Л. Погодинъ. Варяги и Русь. Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. 1932 г. В. 7. Стр. 117). Однако, и среди наиболѣе видныхъ норманистовъ далеко еще не достугнуто полнаго согласія по вопросу, о происхожденіи самаго термина — «Русь».

В. Томсенъ считаетъ, что «единственнымъ именемъ, съ которымъ имя Русь непосредственно связано,является финское обозначеніе Швеціи Ruotsi, образовавшееся на основѣ шведскаго слова rods-menn, что означаетъ — гребцы, мореплаватели. А. А. Шахматовъ, не разъ мѣнявшій свой взглядъ на вопросъ о происхожденіи имени «Русь», въ послѣдней своей книгѣ «Древнѣйшія судьбы русскаго племени» приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Происхожденіе имени Русь, несмотря на настойчивыя старанія ученыхъ, остается темнымъ... Весьма вѣроятнымъ приходится признать, что этимъ именемъ называли себя и сами осѣвшіе въ Россіи скандинавы... Считаю необходимымъ этимологію имени Русь искать въ скандинавскомъ языкѣ, допуская, что въ русскій языкъ оно могло попасть черезъ посредство финновъ». (Стр. 52). Ф. А. Браунъ считаетъ, что «имя Руси не можетъ быть объяснено удовлетворительно ни изъ русскаго, или вообще славянскаго языка, ни изъ финскаго, ни изъ шведскаго... Оно могло возникнуть

Сношенія скандинавовъ съ востокомъ по Волгѣ были столь оживленными, что Швеція приняла за единицу вѣса и за основу своей денежной системы месопотамско-персидскую драхму. Гири, находимыя во многихъ мѣстахъ въ Швеціи, даже формой своей напоминаютъ арабскія гирьки изъ Персіи и Египта. Изъ Персіи эти гири "перешли къ Хазарамъ, Болгарамъ и далѣе въ Скандинавію", тамъ онѣ вытѣснили старую вѣсовую систему эпохи ранняго желѣзнаго вѣка. Торговый путь по Волгѣ выводилъ скандинавовъ не только къ болгарамъ и хазарамъ. Ибнъ-Хордадбе разсказываетъ про русскихъ купцовъ, что они "ходятъ на корабляхъ по рѣкѣ Славоніи, проходятъ по заливу Хазарской столицы, гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину. Затѣмъ отходятъ къ морю Джуджана и выходятъ на любой берегъ... Иногда же они привозятъ

только какъ бы на перекресткѣ, въ точкѣ скрещенія двухъ, или трехъ языковъ... Еще донынѣ финны называютъ Швецію Ruotsi. Это не что иное, какъ передѣланное на финскій ладъ имя ближайшей къ Финляндіи шведской области, которая называлась... офиціально Roth(r)sland. Славяне переняли это имя отъ сосѣдей уже въ финской формѣ, приспособивъ его въ свою очередь къ родной славянской рѣчи. И такимъ-то образомъ изъ Ruotsi получилась Русь» (Варяги на Руси. Бесѣда № 6/7. Стр. 321-323). По мнѣнію Б. Брима лингвистическая связь слова Русь съ финскимъ Ruotsi для обозначенія Швеціи, какъ страны доказана. Это финское наименованіе Ruotsi образовалось изъ древне шведскаго drot финнъ произноситъ rot, а сложное слово drotsmenn дружинникъ, какъ rotsmenn (Происхожденіе термина «Русь». Россія и Западъ. Историческіе сборники. I. Стр. 5-10). Приведенныя разногласія отдѣльныхъ норманистовъ можно заключить сужденіемъ А. Л. Погодина, который въ цитированной уже выше интересной статьѣ «Варяги и Русь» однимъ изъ послѣднихъ подошелъ къ той же проблемѣ. Финское посредничество въ дѣлѣ возникновенія термина «Русь» А. Л. Погодинъ склоненъ скорѣй отрицать, считая что было бы неправильно искать объясненія для имени Русь внѣ Скандинавіи. «Русь названіе не этническое, а профессіональное, потомъ превратившееся въ государственное, когда Руси удалось основать на Востокѣ Европы, государство, вобравшее въ себя много разныхъ племенъ разнаго происхо-

свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ[1]). Волжской дорогой скандинавы пользовались до открытія Днѣпровскаго пути и для своихъ торговыхъ сношеній съ Византіей. "Торговыя сношенія между Скандинавіей и Византіей существовали издавна, но первоначально ея направленіе проходило не по пути Нестора, а черезъ Сѣверную Россію, Волгою, черезъ Болгарскую державу и дальше, до Царьграда"[2]).

За мирными купцами не замедлили потянуться на востокъ и болѣе предпріимчивые скандинавскіе пришельцы. По мѣрѣ развитія скандинавской волж-

---

жденія». (Стр. 125). Вообще А. Л. Погодинъ утверждаетъ, что по данному вопросу наиболѣе правильное мнѣніе было высказано Куникомъ, который «сказалъ то, дальше чего наука не пошла въ толкованіи этого термина Русь», по мнѣнію же Куника слово Русь первоначально было наименованіемъ только «призванной династіи и близкихъ къ ней по происхожденію воиновъ и торговыхъ людей». (Стр. 117).

Несомнѣнно, что съ пользой для дѣла принять участіе въ научномъ спорѣ о происхожденіи термина Русь могутъ только лингвисты. Съ другой стороны разрѣшеніе даннаго спора не стоитъ въ непремѣнной связи съ темой настоящаго очерка. (Довольно полный обзоръ высказанныхъ по вопросу о происхожденіи термина Русь сужденій можно найти въ книгѣ Е. Шмурло. Курсъ русской исторіи. Т. I. 1931 г. Стр. 363-390). Какъ бы мы ни стали объяснять происхожденіе самаго термина Русь, наличіе къ IX в. въ восточно-европейской равнинѣ значительнаго количества скандинавовъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Не можетъ также подлежать сомнѣнію и та или иная степень ихъ непосредственнаго участія въ жизни восточнаго славянства. Цѣнный обзоръ того, что въ настоящее время можно считать болѣе или менѣе прочно установленнымъ въ вопросѣ нормано-славянскихъ взаимоотношеній данъ въ книгѣ Арне: La Suède et l'Orient. Upsala 1914 и Фасмера Wikingerspuren in Russland. Stbr. der Preussich. Akad. der Wissenschaften. Phil. Hist. Klasse 1931 XXIV.

[1]) А. Р. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей. Стр. 49.

[2]) Adam Szelangowsky. Naystarsze drogi z Polski na Vshod. Krakow. Стр. 95. Впрочемъ торговля Швеціи съ Византіей не была значительной. «Tous les objets de provenance byzantine trouvés en Suède... sont du reste rares». (Arne. La Suède et l'Orient Стр. 207).

ской торговли, вдоль путей, ведущихъ къ Волгѣ[1]) и, въ особенности, на среднемъ ея теченіи начинаютъ возникать постоянныя поселенія варяговъ-руси, болѣе или менѣе значительныя скандинавскія колоніи.

Естественно, что кое какія свѣдѣнія объ этихъ поселеніяхъ, хотя и со значительнымъ опозданіемъ, доходятъ въ концѣ концовъ до мусульманскихъ писателей и они начинаютъ говорить о русахъ, постоянно проживающихъ къ востоку отъ Балтійскаго моря на какомъ-то "островѣ". "Что касается до Русіи, говоритъ Ибнъ-Дастъ, то находится на островѣ, окруженномъ озеромъ. Островъ этотъ, на которомъ живутъ они (Русы), занимаетъ пространство трехъ дней пути; покрытъ онъ лѣсами и болотами; нездоровъ и сыръ до того, что стоитъ наступить ногой на землю, и она уже трясется, по причинѣ изобилія въ ней воды. Они имѣютъ царя, который зовется хаканъ-Русъ... Единственный промыселъ ихъ — торговля соболями, бѣличьими и другими мѣхами"[2]). "Сказалъ Мукадесси: Русы живутъ на нездоровомъ островѣ, окруженномъ озеромъ и служащимъ укрѣпленіемъ для нихъ противъ враговъ. Количество ихъ около ста тысячъ"[3]).

---

[1]) «До начала X вѣка всѣ четыре линіи — двинская, псковская, новгородская и бѣлозерская — тянулись къ Волгѣ и тѣмъ или инымъ путемъ сливались съ этой великой водной артеріей, направлявшей русскіе товары на востокъ... (Ѳ. Браунъ. Варяги на Руси. Бесѣда № 6/7. Стр. 335).

[2]) А. Р. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей. Стр. 268.

[3]) А. Я. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей. Стр. 283. Упоминаніе о Русіи, живущей на островѣ, встрѣчается также у Джейхани, Гардизи и въ «Книгѣ границъ свѣта» у анонимнаго персидскаго географа X-го вѣка. Возможно, что сюда же можно отнести и свидѣтельство Ал. Бекри: «съ ними (Болгарами) граничатъ Русы. Они (распадаются) на многія племена. Они островитяне и обладатели кораблей». (Извѣстія Алъ-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ Ч. I. Стр. II).

Ученые изслѣдователи потратили не мало усилій на то, чтобы опредѣлить мѣстонахожденіе "русскаго острова", упоминаемаго мусульманскими писателями. Его находили въ различныхъ мѣстахъ, но и до сихъ поръ вопросъ не можетъ считаться рѣшеннымъ, тѣмъ болѣе, что и самый фактъ существованія русскаго "острова" можетъ вызывать вполнѣ законныя сомнѣнія[1]). Но, конечно, важ-

[1]) Фр. Вестбергъ считаетъ, что «островъ, служившій мѣстопребываніемъ русовъ, торжественъ съ Holmgardom'ъ (что значитъ островной городъ) исландскихъ сагъ, какъ неоднократно именуется въ нихъ Новгородъ» (Ж. М. Н. Пр. 1908. № 3. Стр. 25) А. А. Шахматовъ ищетъ «островной городъ» въ Старой Руссѣ. (Древнѣйшія судьбы русскаго племени. Стр. 55-58). Съ выводами А. А. Шахматова соглашается А. Прѣсняковъ. (Взглядъ А. А. Шахматова на древнѣйшія судьбы русскаго племени. Русскій Историческій Журналъ. Кн. 7. ПГД. 1921 г. Стр. 118). Близко примыкаетъ къ нимъ и С. Ф. Платоновъ, но все же онъ полагаетъ, что «названіе «Островъ» или «Острова» въ XV в. носила недалекая отъ Старой Русы мѣстность, сѣв.-вост. уголъ Воскресенскаго погоста между рѣками Редьей и Ловатью отъ города Русы на юго-востокъ» (Руса. Дѣла и Дни. Кн. I. ПБГ. 1920. Стр. 4). По мнѣнію Ю. Готье, «островъ, на которомъ еще до основанія русскаго государства жили повелѣвавшіе надъ славянами скандинавы, естественнѣе всего искать гдѣ-нибудь на южныхъ берегахъ Ладожскаго озера... Впрочемъ и такое предположеніе не болѣе, какъ рабочая гипотеза» (Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 257) П. Смирновъ находитъ русскій островъ въ районѣ Средней Волги. (Волзьский шлях і стародавни Руси. Стр. 130 и др.). Совершенно скептично въ отношеніи «острова» настроенъ А. Л. Погодинъ. Онъ называетъ самый вопросъ «квадратурой круга русскихъ древностей» и выражаетъ сожалѣніе, что о русскомъ островѣ «на наше горе сболтнулъ кто-то изъ арабовъ, породивъ этимъ цѣлую литературу» (Варяги и Русь. Записки Русск. Научн. Ин-та въ Бѣлградѣ. В. 7. Стр. 111 и 111). Возражая, въ частности, противъ лингвистическихъ соображеній С. Ф. Платонова и Фасмера (а, слѣдовательно, и А. А. Шахматова), А. Л. Погодинъ приводитъ весьма убѣдительный доводъ — «географическія имена отъ слова Русь восходятъ уже къ тому времени, когда подъ словомъ русскій стало обозначаться то же самое, что обозначается и теперь: т. е. и какъ принадлежность къ русскому государству, и какъ происхожденіе. Можетъ быть, только съ XI в. это понятіе Русь распространилось на всю ту область, которой владѣла

ность этихъ извѣстій для древней русской исторіи состоитъ не въ томъ, что Русы дѣйствительно жили на какомъ то островѣ или въ мѣстности, носившей названіе острова, а въ томъ, что сообщенія мусульманскихъ писателей, представляютъ собой древнѣйшее литературное свидѣтельство о существованіи скандинавскихъ колоній на востокъ отъ Балтійскаго моря, въ мѣстахъ, куда направлялась и восточно-славянская колонизація.

Главу скандинавской колоніи мусульманскія извѣстія довольно упорно называютъ "хаканомъ". "Они имѣютъ царя, который зовется Хаканъ-Русъ", говоритъ Ибнъ-Дастъ; "государя Русы называютъ каганъ" сообщаетъ "Книга границъ свѣта"; "они имѣютъ царя, который зовется хаканъ-Русъ" повторяетъ со своей стороны и Гардизи. Правильность подобнаго титулованія подтверждается и изъ другихъ источниковъ. Въ Византіи главари норманновъ, офиціально назывались каганами. Король Людовикъ Нѣмецкій въ письмѣ своемъ, отправленномъ въ 871 г. къ византійскому императору Василію Македонянину пишетъ, что онъ не согласенъ съ тѣмъ титулованіемъ нѣкоторыхъ государей, котораго считаетъ необходимымъ придерживаться императоръ, такъ какъ въ Священномъ Писаніи нѣтъ указаній на то, чтобы "вождь (praelatus) ава-

---

династія изъ племени Русь». (Тамъ же. Стр. 116). Интересно, что, по крайней мѣрѣ до настоящаго времени, гипотеза А. А. Шахматова не нашла себѣ подтвержденія и въ археологическихъ данныхъ. Шведскій археологъ Арне въ своихъ поискахъ мѣстъ расположенія шведскихъ колоній не упоминаетъ ни о низовьяхъ Ловати, ни о мѣстности около Старой Руссы. «Это случилось потому, что къ югу отъ Ильменя, въ большомъ районѣ вокругъ Старой Руссы, не найдено до сихъ поръ не только ни одного погребенія, которое можно было бы признать норманскимъ, но и ни одного клада, восточныхъ монетъ, который свидѣтельствовалъ бы хоть о нѣкоторомъ торговомъ оживленіи этой мѣстности» (Ю. Готье. Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 256).

ровъ или хазаръ, или нормановъ, точно также и глава болгаръ назывались каганами"[1]). Въ 839 г., какъ повѣствуютъ Бертинскіе анналы, къ королю Людовику Благочестивому въ Ингельгеймъ прибыли отъ византійскаго императора Ѳеофила съ его письмомъ люди, которые, какъ объ этомъ указывалось въ письмѣ, будучи въ Константинополѣ заявили императору, "что они, т. е. ихъ народъ, называется Росъ, и утверждали, что ихъ послалъ къ нему ихъ царь по прозвищу Хаканъ". Со своей стороны Ѳеофилъ просилъ Людовика, чтобы тотъ разрѣшилъ этимъ людямъ вернуться домой черезъ свои владѣнія, "такъ какъ путь, какимъ они пришли къ нему въ Константинополь, преграждается варварскими народами чрезвычайной дикости". При ознакомленіи присланные императоромъ Ѳеофиломъ люди оказались шведами (eos gentis esse Suenorum)[2]).

Существованіе русскаго каганата, такимъ образомъ не можетъ подлежать сомнѣнію[3]). Литературныя извѣстія о немъ до извѣстной степени вскрываютъ даже его внутреннюю структуру. Количество русовъ на островѣ, по словамъ Мукадесси, "около ста тысячъ". Главная опора кагана — его дружина. "Изъ обычаевъ русскаго царя есть то, что во дворцѣ съ нимъ находится 400 человѣкъ изъ храбрыхъ сподвижниковъ его и вѣрныхъ его людей, они умираютъ при его смерти и подвергаютъ себя смерти за него... Эти 400 человѣкъ сидятъ подъ его престоломъ... У него есть намѣстникъ, ко-

---

[1]) Цит. по П. Смирнову. Волзьский шлях і стародавни Руси. Стр. 135.

[2]) Ann. Berlin. 1. 434.

[3]) Еще въ 1876 г. С. А. Гедеоновъ писалъ: «русскій каганатъ въ 839-871 годахъ вѣрнѣе призванія варяговъ, договоровъ Олега, Игоря, Святослава, лѣтописи Нестора» (Варяги и Русь. Т. II. Стр. 486).

торый предводительствуетъ войсками, нападаетъ на его враговъ и заступаетъ его мѣсто у подданныхъ" (Ибнъ-Фадланъ)[1]). Главнѣйшія функціи хакана военныя. Даже въ судебныхъ дѣлахъ онъ играетъ скорѣй роль посредника. "Если кто изъ нихъ имѣетъ дѣло противъ другого, то зоветъ его на судъ къ царю, передъ которымъ и препираются; когда царь произнесъ приговоръ, исполняется то, что онъ велитъ. Если обѣ стороны приговоромъ царя недовольны, то, по его приказанію, должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію; чей мечъ острѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ". (Ибнъ-Дастъ)[2]).

Можно поэтому согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые видятъ въ русскомъ каганатѣ своеобразное государство, представляющее изъ себя "организованную по-военному, занимающуюся грабежомъ и торговлей разбойничью колонію въ числѣ 100.000 человѣкъ въ сѣверно-русской землѣ[3]).

Всѣ литературныя свѣдѣнія о русскомъ каганатѣ описываютъ его въ позднюю эпоху его существованія. Дата самыхъ раннихъ извѣстій о каганатѣ можетъ варьироваться въ зависимости отъ датировки произведеній соотвѣтствующихъ мусуль-

---

[1]) А. Я. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей. Стр. 101-102.

[2]) А. Я. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей. Стр. 269. Аналогичныя свѣдѣнія сообщаетъ также Мукадесси (Стр. 283). Къ извѣстіямъ, рисующимъ внутренній укладъ русскаго каганата можетъ быть отнесено и сообщеніе Ибнъ-Даста: «есть у нихъ знахари, изъ коихъ иные повелѣваютъ царю, какъ будто они начальники ихъ (Русовъ). Случается, что приказываютъ они приносить жертвы творцу ихъ, а ужъ когда приказываютъ знахари, не исполнить ихъ приказанія нельзя никоимъ образомъ» (А. Я. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей. Стр. 269).

[3]) Фр. Вестбергъ. Ж. М. Н. Пр. 1908. № 3. Стр. 27. «Мнѣ кажется, пишетъ по этому поводу А. А. Шахматовъ, несомнѣннымъ тотъ выводъ, который сдѣлалъ Вестбергъ» (Древнѣйшія судьбы русскаго племени. Стр. 55).

манскихъ писателей и тѣхъ литературныхъ первоисточниковъ, которые легли въ основу этихъ произведенiй, но, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть отнесена къ эпохѣ болѣе ранней, чѣмъ первая половина IX вѣка. Къ этому времени каганатъ былъ не только вполнѣ сложившимся политическимъ образованiемъ, но и самый его этнографическiй составъ пересталъ быть чисто "русскимъ", т. е. норманскимъ.

Въ извѣстiяхъ восточныхъ писателей о русскомъ каганатѣ, при всемъ сходствѣ передаваемыхъ ими свѣдѣнiй, имѣются и существенныя различiя, которыя только въ томъ случаѣ могутъ быть согласованы другъ съ другомъ, если видѣть въ нихъ отраженiе событiй, развивавшихся въ постепенной хронологической послѣдовательности. Какъ и полагается полу-торговому, полу-разбойничьему гнѣзду, Русы, по словамъ Ибнъ-Даста, "питаются лишь тѣмъ, что привозятъ изъ земли славянъ... и производятъ набѣги на Славянъ, подъѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ, высадятся, забираютъ ихъ въ плѣнъ, отвозятъ въ Хазранъ и Булгаръ продаютъ тамъ"[1]). Между тѣмъ Мукадесси разсказываетъ, что не Русы, а "Славяне нападаютъ на нихъ и забираютъ ихъ имущество"[2]). Послѣднее извѣстiе меньше всего подтверждаетъ отвагу и могущество Руси, о которыхъ такъ много и охотно говорятъ мусульманскiе писатели. Русы — «дурного нрава, лукавые, неуживчивые, дерзкiе, своевольные и войнолюбивые. Со всѣми окружающими ихъ невѣрными ведутъ войны и одерживаютъ верхъ"[3]). Повидимому Ибнъ-Дастъ разсказываетъ о болѣе ран-

---

[1]) А. Я. Гаркави. Сказанiя мусульманскихъ писателей. Стр. 268.

[2]) А. Я. Гаркави. Сказанiя мусульманскихъ писателей. Стр. 283.

[3]) Туманскiй. Новооткрытый персидскiй географъ X столѣтiя и извѣстiя его о славянахъ и русскихъ. Записки Вост. отд. Рус. Арх. Общ. X. 1897 г. Стр. 136.

нихъ временахъ изъ жизни русскаго каганата, а Мукадесси сообщаетъ о болѣе позднихъ явленiяхъ, когда количество славянскихъ насельниковъ, оказавшихся вблизи русскаго каганата, сдѣлалось болѣе значительнымъ и когда славяне поэтому сдѣлались для скандинавской колонiи опасными сосѣдями.

Дѣйствительно, свѣдѣнiя о взаимоотношенiяхъ славянъ и русовъ встрѣчающiяся у отдѣльныхъ мусульманскихъ писателей, рисуютъ довольно отчетливую картину постепеннаго внѣдренiя славянскаго элемента въ область, гдѣ до того единственными хозяевами положенiя были скандинавы-Русы. "Много людей изъ славянъ приходятъ къ русамъ и служатъ имъ, чтобы этой службой обезопасить себя", говоритъ Гардизи. Это первая, быть можетъ, для славянъ вынужденная — "чтобъ... обезопасить себя" — стадiя ихъ сближенiя съ русами. Анонимный персидскiй географъ передаетъ просто какъ фактъ, что "среди нихъ (т. е. русовъ, во главѣ которыхъ стоитъ Хаканъ) есть и племя славянъ, которое имъ служитъ", ничего не говоря о томъ, что славяне дѣлаютъ это по необходимости. Наконецъ Ибнъ-Хордадбе уже прямо говоритъ: "что касается купцовъ русскихъ они же суть племя изъ славянъ"[1]). Вѣрнѣе всего, что Ибнъ-Хордадбе писалъ не позже 846-867 гг.[2]). Къ этому времени, значитъ, ославяненiе русовъ, оторвавшихся отъ своей родины, уже завершилось; по крайней мѣрѣ иностранецъ не могъ уже тогда отличить славянина отъ руса. Извѣстiе испанскаго еврея Ибрагима-иль-Якуба, — "главнѣйшiя племена сѣвера говорятъ по-славянски, потому что смѣшались съ ними"[3]), такимъ образомъ, въ отношенiи норманновъ

---

[1]) А. Я. Гаркави. Сказанiя мусульманскихъ писателей. Стр. 48.

[2]) См. выше стр. 100.

[3]) Извѣстiя Ал.-Бекри. Ч. I. Стр. 54.

въ точности совпадаютъ съ сообщенiемъ Ибнъ-Хордадбе. Ибрагимъ-иль-Якубъ, по мнѣнiю А. Куника, написалъ свою записку около 960 г., но о распространенiи славянскаго языка среди племенъ сѣвера онъ говоритъ, какъ объ исконномъ фактѣ[1]).

Процессъ постепеннаго ославяненiя русовъ объясняетъ также почему прозвище рѣки Волги-Итиля, у нѣкоторыхъ восточныхъ писателей различно. Ибнъ-Хаукаль, по свидѣтельству Идриси, сообщаетъ, что Табаристанское (Каспiйское) море преимущественно питается Русской рѣкой[2]). Но Ибнъ-Хордадбе, считающiй, что русскiе купцы-славянскаго племени, называетъ Волгу рѣкой "Славонiи"[3]).

Такимъ образомъ область, гдѣ, согласно извѣстiямъ мусульманскихъ писателей, славяне лишь постепенно входили въ составъ сложившiйся независимо отъ нихъ, скандинавской государственности, оказывается связанной съ рѣкой Волгой. О томъ, что Волга течетъ "изъ Руса", имѣются и прямыя литературныя свидѣтельства. "Что касается Хазара, говоритъ Аль-Истахри, то это имя страны, столица которой называется Итиль, а Итиль есть (также) имя рѣки, которая течетъ въ нее изъ Руса и Булгара"[4]). Такъ же географически опредѣляютъ Волгу Алъ-Бекри и Ибнъ-Фадланъ: "Алъ-Хазаръ есть имя этой страны, а главный городъ состоитъ изъ двухъ частей: на восточномъ и западномъ бе-

[1]) Въ виду соотвѣтствующихъ извѣстiй ряда болѣе раннихъ мусульманскихъ писателей, нѣтъ основанiй ославяненiе Руси, о которомъ говоритъ Ибрагимъ-иль-Якубъ, относить, какъ это дѣлаетъ А. Куникъ, къ сравнительно поздней эпохѣ, «ко времени 3-го или 4-го поколѣнiя призванныхъ Варяго-Русовъ». Извѣстiя Алъ-Бекри. Ч. I. Стр. 71.

[2]) А. Я. Гаркави. Сказанiя мусульманскихъ писателей. Стр. 55.

[3]) А. Я. Гаркави. Сказанiя мусульманскихъ писателей. Стр. 49.

[4]) А. Я. Гаркави. Сказанiя мусульманскихъ писателей. Стр. 192.

регахъ рѣки Итиля. Это рѣка, которая къ нимъ течетъ отъ Русовъ и впадаетъ въ море Хазарское" (Алъ-Бекри), "Итиль есть имя великой рѣки въ странѣ Хазаръ... и протекаетъ мимо страны Русовъ и Булгаръ" (Ибнъ-Фадланъ)[1]).

Археологическія данныя всецѣло подтверждаютъ извѣстія литературныхъ источниковъ о существованіи скандинавскихъ колоній къ западу отъ Булгаръ, на мѣстахъ или около мѣстъ, мимо которыхъ течетъ Волга. Скандинавскихъ колоній на востокъ отъ Балтійскаго моря было вообще довольно много, и находились онѣ въ разныхъ мѣстахъ. Но естественно, что восточные писатели знали только тѣ изъ нихъ, которыя были къ нимъ ближе и въ рукахъ которыхъ находился поэтому ключъ всей скандинавской торговли по Волгѣ. Только съ разрѣшенія и пропуска волжскихъ русовъ могъ безопасно спуститься внизъ по рѣкѣ со всѣми своими многочисленными товарами и запасами тотъ богатѣйшій купецъ-русъ, котораго такъ красочно описываетъ Ибнъ-Фадланъ.

Существованіе раннихъ скандинавскихъ колоній на средней Волгѣ не отрицается и тѣми изслѣдователями, которые полагаютъ, что шведскій археологъ Арне склоненъ нѣсколько преувеличивать число постоянныхъ шведскихъ поселеній на мѣстахъ славянской осѣдлости. Русскими археологами сравнительно давно указывалось на возможность существованія скандинавскихъ колоній въ губерніяхъ Виленской, Смоленской, Черниговской,

---

1) Извѣстія Ал.-Бекри. Ч. I. Стр. 60; А. Я. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей. Стр. 85. Указанія мусульманскихъ писателей о томъ, что Волга течетъ отъ Русовъ, послужили для А. А. Шахматова однимъ изъ главныхъ основаній, почему онъ въ «Древнѣйшихъ судьбахъ русскаго племени» ищетъ русскій каганатъ на сѣверѣ, отказавшись отъ прежней своей мысли, что онъ долженъ былъ находиться на югѣ. (См. Очеркъ древн. періода исторіи русскаго языка. Стр. XXVIII).

Кіевской, Тверской, Ярославской, Владимирской и Казанской[1]). Арне, подведя для своего времени итоги всѣмъ археологическимъ находкамъ въ Россіи, которыя могутъ имѣть отношеніе къ скандинавамъ, пришелъ къ заключенію о существованіи древнихъ шведскихъ колоній въ губерніяхъ С.-Петербургской, Новгородской, Владимирской, Ярославской, Смоленской и Кіевской[2]). Помимо предметовъ скандинавскаго происхожденія во всѣхъ этихъ мѣстахъ встрѣчается много различныхъ монетъ. Чаще всего попадаются арабскія монеты, при чемъ, "арабская торговля особенно много дала губерніямъ, расположеннымъ по верхнему теченію Волги, и, замѣчательная вещь, самыя значительныя открытія были сдѣланы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ видную роль играли скандинавы". А. Спицынъ, также считаетъ, что "норманны основывались на Волгѣ по пути въ Болгары". Пришлое скандинавское населеніе, по его мнѣнію, было здѣсь весьма значительнымъ. "При устьѣ рѣки Которосли, въ районѣ Ярославля (д. Тимерево и Михайловское) извѣстна группа нормано-русскихъ кургановъ X в. — не менѣе 1500 насыпей; въ верховьяхъ этой рѣки и въ районѣ Ростовскаго озера ихъ было не менѣе того. Это говоритъ о хорошемъ населеніи, если вспомнить, что въ самомъ Бьеркё насчитывается 2090 кургановъ"[3]). Ю. Готье, далеко не склонный соглашаться во всемъ съ Арне, считаетъ доказаннымъ фактъ существованія древнихъ варяжскихъ посе-

[1]) См. П. Смирновъ. Вользький шлях і стародавни Руси. Стр. 24.

[2]) T-Arne. La Suède et l'Orient. Стр. 225.

[3]) А. Спицынъ. Археологія въ темахъ начальной русской исторіи. Сборн. статей, посвященныхъ С. Ф. Платонову. 1922 г. Стр. 6. Ср. Ѳ. Браунъ: «Ярославскій край и, въ особенности близкія окрестности самого Ярославля представляли изъ себя одинъ изъ центровъ скандинавской жизни въ Россіи, какъ показали многочисленныя случайныя находки и особенно раскопки Тихомирова и Городцова въ селѣ Михайловскомъ и въ Большомъ Тимиревѣ. Но слѣды «русской», въ древнѣйшемъ смыслѣ, жизни тянутся и дальше на югъ... Весь этотъ край,

леній въ районѣ Ярославля. "Изъ всѣхъ мѣстностей съ варяжскими находками, говоритъ онъ", которые Арне такъ старательно перечисляетъ въ своей работѣ, только одна еще (кромѣ старой Ладоги и варяжскихъ поселеній по Сяси, Пашѣ и Ояти) заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться — это большой Михайловскій могильникъ, Ярославской губерніи[1]).

Варяжская осѣдлость на средней Волгѣ и прилегающей къ ней мѣстности доказывается не только скандинавскимъ типомъ погребеній, но и самымъ назначеніемъ находимыхъ здѣсь вещей. "На осѣдлость этихъ (варяжскихъ) элементовъ указываетъ между прочимъ и то обстоятельство, что въ

обозначаемый городами Ростовъ-Переяславль-Суздаль-Муромъ..., усѣянъ могильниками, въ которыхъ найдены многочисленные, очень типичные скандинавскіе предметы» (Варяги на Руси. Бесѣда. № 6/7. Стр. 334). Также П. Смирновъ: изъ всѣхъ установленныхъ варяжскихъ поселеній половина, «а именно 8, группируются около Волжскаго торговаго пути, въ районѣ средней Волги» (Волзьский шлях і стародавни Руси. Стр. 223-224). Въ сообщеніяхъ «Академіи исторіи матеріальной культуры» были напечатаны въ 1927 и 1929 гг. сводки новѣйшихъ находокъ арабскихъ монетъ. Эти «новѣйшія нумизматическія данныя.., по словамъ А. Л. Погодина, очень важны, потому что они указываютъ и направленіе арабской торговли, — главнымъ образомъ съ Волги, — и время распространенія, которое захватываетъ эпоху съ конца VIII в. и до конца X», (А. Л. Погодинъ. Варяги и Русь. Записки Русск. Научн. Ин-та въ Бѣлградѣ. в. 7. Стр. 134-135).

[1]) Ю. Готье. Желѣзный вѣкъ въ восточной Европѣ. Стр. 254. Даже знаменитый Гнѣздовскій могильникъ, по мнѣнію Ю. Готье, не доказываетъ, что норманны «въ Смоленскѣ составляли часть постояннаго осѣдлаго населенія, а не были, главнымъ образомъ, прохожимъ торгово-авантюристическимъ, а при первыхъ князьяхъ административнымъ элементомъ». Что касается Чернигова, то все, что тамъ найдено, могло съ успѣхомъ принадлежать и туземцамъ, въ чемъ согласны и русскіе археологи. Если бы даже эти курганы были могильниками варяговъ, то самое большее, что можно было бы изъ нихъ заключить, — это то, что въ Черниговѣ въ X вѣкѣ спорадически появлялись могущественные и знатные норманны». (Тамъ же, стр. 253-254).

могильникахъ неоднократно встрѣчаются женскія украшенія чисто скандинавскаго типа: очевидно скандинавы осѣдали здѣсь со своими скандинавскими семьями"[1]).

Археологическія находки со своей стороны подтверждаютъ и тотъ процессъ ославяненія скандинавскихъ насельниковъ, который засвидѣтельствованъ литературными источниками. Арне, основываясь на одномъ могильникѣ въ Бьеркё, признаетъ возможность существованія руссифицированныхъ шведовъ[2]). Въ шведскихъ поселеніяхъ, расположенныхъ въ предѣлахъ славянской осѣдлости, также попадаются предметы, которые, "сохраняя въ общемъ свой скандинавскій типъ, носятъ на себѣ явные слѣды чужого, большей частью восточнаго вліянія. Мы можемъ усмотрѣть въ этомъ доказательство ихъ мѣстнаго, русскаго происхожденія; они привезены не изъ за моря, а сработаны здѣсь, мѣстными ремесленниками"[3]).

Если возникновеніе скандинавскихъ колоній въ средне-волжскомъ районѣ, на основаніи монетныхъ находокъ, можно отнести ко второй половинѣ VIII вѣка или даже къ эпохѣ еще болѣе ранней[4]), то, напротивъ, славянскіе насельники Междурѣчья появились тамъ сравнительно позднѣе. На среднюю Волгу славяне шли изъ области словенъ новгородскихъ и смоленскихъ кривичей, съ одной стороны, и области вятичей и Подонья, съ другой. Но вятичи сами позднѣе другихъ славянъ покинули исконныя мѣста своего жительства. Новгородская об-

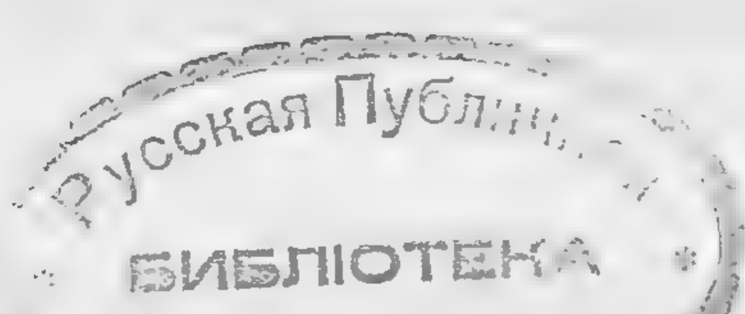
---

[1]) Ѳ. Браунъ. Варяги на Руси. Бесѣда № 6/7. Стр. 826. Также T. Arne. La Suède et l'Orient. Стр. 62.

[2]) T. Arne. La Suède et l'Orient. Стр. 222.

[3]) Ѳ. Браунъ. Варяги на Руси. Бесѣда № 6/7. Стр. 337.

[4]) «Согласно всѣмъ имѣющимся даннымъ, говоритъ П. Смирновъ, скандинавы пришли и ихъ первыя стоянки образовались на Волгѣ, конечно, значительно раньше, чѣмъ это думаютъ археологи» (Волзький шлях і стародавні Руси. Стр. 35 и 223-224).

ласть въ свою очередь не могла быть заселенной особенно рано[1]). Въ этихъ условіяхъ славянскую колонизацію Междурѣчья осторожнѣе всего относить къ концу VIII-го или къ началу IX-го столѣтій, въ особенности, если полагать, что "новгородская словенская колонизація дала главный основной пластъ русскаго населенія всей сѣверной половины разсматриваемой территоріи, чѣмъ и объясняется преобладаніе сѣверно-русскихъ говоровъ въ губерніяхъ Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской и Московской"[2]). А. Спицынъ, полагающій, что основными славянскими насельниками Междурѣчья были Смоленскіе кривичи, также относитъ начало славянской колонизаціи края къ IX в.[3]).

Такимъ образомъ въ эпоху, когда въ районѣ Междурѣчья, на территоріи будущей Ростово-Суздальской земли, уже существовали варяжскія колоніи, быть можетъ, даже успѣвшія, въ общихъ интересахъ, объединиться въ русскій "каганатъ", о которомъ говорятъ многочисленные литературные источники, славянскіе поселенцы только что начинали утверждаться на этихъ мѣстахъ. Скандинавы не только раньше славянъ познакомились съ Волжскимъ торговымъ путемъ, но и создали здѣсь до прихода славянъ или, по крайней мѣрѣ, безъ ихъ участія первыя формы государственной жизни. Лишь постепенно, благодаря все увеличивающейся волнѣ славянскихъ переселенцевъ послѣдніе стали принимать все болѣе видное участіе въ «русской" жизни. Въ результатѣ литературные памятники уже плохо помнятъ чисто русскій каганатъ,

---

[1]) «Неизвѣстно когда и при какихъ условіяхъ, говоритъ С. М. Середонинъ, славяне подошли къ Ильменю, можно только догадываться, что едва ли это было раньше IX вѣка» (Историческая географія. Стр. 222).

[2]) М. К. Любавскій. Образованіе основной государственной территоріи великорусской народности. Л. 1929 г. Стр. 6-7.

[3]) А. Спицынъ. Разселеніе древне-русскихъ племенъ. Ж. М. Н. Пр. 1889 г. № 8. Стр. 317-318.

ихъ свѣдѣнія о немъ относятся, главнымъ образомъ, къ той эпохѣ, когда на средней Волгѣ подъ "русской" гегемоніей были уже объединены скандинавы, славяне и финны.

Когда каганатъ распался[1]), то одно изъ государственныхъ образованій, возникшихъ на его развалинахъ, носило, согласно свидѣтельству мусульманскихъ писателей названіе "Славія". Славянская стихія въ ней очевидно уже рѣшительно преобладала. Въ 862 г., славяне Междурѣчья, совмѣстно съ новгородцами, по разсказу "Повѣсти", рѣшили возобладать здѣсь и политически и изгнали, повидимому, сравнительно уже незначительные мѣстные остатки варяговъ-Руси за море.

Княжеско-дружинное преданіе объ образованіи государственнаго строя среди восточныхъ славянъ, переданное составителемъ "Повѣсти времян-

---

[1]) По убѣдительной догадкѣ П. Смирнова распаденіе каганата должно было произойти около 830 г. благодаря проходу черезъ Междурѣчье угорскихъ ордъ. На долю этихъ «развороошенныхъ» уграми волжскихъ русовъ П. Смирновъ относитъ какъ походы русовъ, описанные въ житіяхъ Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго, такъ и набѣги русовъ на побережье Каспійскаго моря, въ частности, и походъ князя Хельги (Олега)», о которомъ упоминаетъ хазарскій документъ. По мнѣнію П. Смирнова, «Повѣсть» именно потому не говоритъ о всѣхъ этихъ походахъ, что они дѣлались силами, далекими отъ того географическаго міра, который былъ ей извѣстенъ. Лѣтописецъ былъ кіевляниномъ и хорошо зналъ только тѣ города, которые стояли по великому, но сравнительно молодому, пути изъ варягъ въ греки, на Днѣстрѣ, Западной Двинѣ и Волховѣ. Онъ выучилъ всѣ мѣстныя преданія до IX в. и даже болѣе раннія, но за этимъ міромъ онъ ничего не зналъ. (Волзький шлях і стародавні Руси. Стр. 184). Въ той значительной роли, которую П. Смирновъ отводитъ разбитой и ослабленной уграми волжской Руси, очень много сомнительнаго, и прежде всего, весьма позволительно сомнѣваться, сказалъ ли бы составитель «Повѣсти времянныхъ лѣтъ», хоть одно слово даже о походѣ 860 года Аскольда и Дира на Византію, хотя онъ и былъ сдѣланъ изъ Кіева, если бы онъ не встрѣтилъ сообщенія объ этомъ набѣгѣ въ византійской хроникѣ, у продолжателя Георгія Амартола, за которымъ онъ въ данномъ случаѣ такъ послушно послѣдовалъ.

ныхъ лѣтъ" имѣло, такимъ образомъ, за собой нѣкоторыя историческія основанія. Прежде всего, радимичи и вятичи до прихода варяжскихъ князей не успѣли еще смѣнить свой племенной бытъ на государственный, во-вторыхъ, въ Междурѣчьѣ восточные славяне вошли въ составъ государственности, которая независимо отъ нихъ была заложена здѣсь скандинавами. Но все же наибольшая часть восточныхъ славянъ сумѣла перейти къ государственнымъ формамъ жизни безъ какого бы то ни было участія варяговъ-Руси. Даже такая древняя и сильная скандинавская колонія, какъ Старая Ладога не оказала прямого вліянія на образованіе новгородскаго государственнаго строя, хотя она и была какъ географически, такъ и хронологически, по времени своего возникновенія, очень близка къ Новгороду. Области новгородскаго и скандинавскаго вліянія долгое время только соприкасались. Славяне не дошли до Ладожскаго озера; они "сѣдоша около озера Илмера". Арне считаетъ, что шведы изъ Ладоги только постепенно и медленно распространяли свое вліяніе по направленію къ Новгороду[1]). По всей вѣроятности, опасное сосѣдство сильной скандинавской колоніи, съ которой у славянъ даже при наличіи торговыхъ сношеній, дѣло не могло обходиться безъ военныхъ раздоровъ, и заставило славянскихъ переселенцевъ, осѣвшихъ у озера Ильменя, поспѣшить съ созданіемъ себѣ здѣсь сильной крѣпости. Въ дальнѣйшемъ, однако, близость Новгорода къ одному изъ главнѣйшихъ пунктовъ шведской колонизаціи изъ за моря не могла не сказаться, и съ новгородцами произошелъ процессъ обратный тому, который имѣлъ мѣсто въ Междурѣчьѣ, новгородцы оваряжились: "Суть Новгородьци отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣ-

---

[1]) T. Arne. La Suède et l'Orient. Стр. 223.

ни". Оваряженье означало въ данномъ случаѣ чрезвычайное усиленіе въ Новгородѣ варяжскаго этническаго элемента, политическій же его результатъ также оказался обратнымъ тому, что произошло въ Междурѣчьѣ. Пришельцы варяги вошли въ составъ сложившагося до нихъ славянскаго государства; стольнымъ городомъ области и при Рюрикѣ остался славянскій Новгородъ, а не варяжская Ладога.

Для всѣхъ сложившихся восточно-славянскихъ городовыхъ областей появленіе въ нихъ варяговъ-Руси, въ государственномъ отношеніи, означало въ первую очередь смѣну князей и "княжихъ мужей". Такая смѣна, сопровождавшаяся пробужденіемъ стихійныхъ народныхъ силъ, на первое время, въ особенности на югѣ, повлекла за собой даже не дальнѣйшее развитіе, а регрессъ государственнаго начала.

Сѣверные пришельцы были, прежде всего, менѣе культурны по сравненію съ восточными славянами, успѣвшими наладить у себя и устоявшійся бытъ и прочный государственный строй[1]). Только культурное превосходство осѣдлаго восточно-славянскаго міра надъ скандинавами можетъ объяснить, почему такъ легко и такъ сравнительно быстро, не дальше 3-го-4-го поколѣній, ославянива-

[1]) Сколько нибудь исчерпывающая характеристика той роли, которую въ жизни восточнаго славянства сыграли первыя поколѣнія осѣвшихъ среди нихъ скандинавовъ и, въ частности, первые князья Рюриковой династіи потребовала бы, конечно, не мало мѣста. Поэтому въ заключительныхъ страницахъ настоящаго очерка автору пришлось ограничиться только нѣсколькими штрихами, могущими въ извѣстной мѣрѣ иллюстрировать высказанную въ текстѣ мысль о государственномъ регрессѣ, связанномъ съ появленіемъ варяговъ въ восточно-славянской средѣ. Быть можетъ, автору удастся со временемъ напечатать почти ужъ законченную имъ работу — «Князь и Земля въ древней Руси» —, въ которой только намѣчаемая теперь тема найдетъ болѣе полное развитіе.

лись въ новой для нихъ средѣ норманскіе пришельцы, мѣняли свои норманскія имена на славянскія, а своихъ сѣверныхъ боговъ — Одина и Тора — на славянскихъ Перуна и Велеса. Въ особенности, конечно, это культурное превосходство осѣдлаго славянина надъ сѣвернымъ викингомъ должно было чувствоваться на югѣ, въ Кіевѣ.

Несомнѣнно, напримѣръ, что христіанство стало распространяться среди восточнаго славянства въ порядкѣ культурнаго заимствованія по направленію съ юга на сѣверъ. По компетентному свидѣтельству константинопольскаго патріарха Фотія среди восточныхъ славянъ еще въ IX вѣкѣ имѣлось значительное количество христіанъ. Въ первой половинѣ X столѣтія въ Кіевѣ стояла уже соборная церковь св. Иліи, и, при подтвержденіи договора Игоря съ греками, часть княжескихъ мужей клялась "церковью святаго Ильи въ соборной церкви и предлежащимъ честнымъ крестомъ и харатьею сею хранити все, еже что написано въ ней". Нѣсколько позже крестилась княгиня Ольга, нисколько не скрывавшая отъ кіевлянъ, что она измѣнила языческой вѣрѣ.

Этому культурному вліянію, которое, постепенно усиливаясь, шло съ юга на сѣверъ, скандинавы, сумѣвшіе всколыхнуть и увлечь за собой разноплеменныя и разнородныя массы, противопоставили волну варваризаціи, шедшую въ обратномъ направленіи — съ сѣвера на югъ. Каждое новое появленіе въ Кіевѣ руководимыхъ варягами полчищъ сопровождалось здѣсь ярко выраженной языческой реакціей.Воинственный князь Святославъ считалъ невозможнымъ поступать наперекоръ убѣжденіямъ своихъ ближайшихъ соратниковъ, стекавшихся къ нему, какъ удачливому вождю, съ разныхъ сторонъ. На всѣ увѣщанія своей матери, княгини Ольги, принять христіанство, Святославъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. "Како хочю", говорилъ онъ, законъ единъ пріяти, а дружина се-

му смѣяти начнетъ". Послѣ того какъ князь Владиміръ, впослѣдствіи связавшій свое имя съ крещеніемъ Руси, опираясь на сѣверныхъ "воевъ", силой занялъ Кіевъ, онъ немедленно съ особымъ усердіемъ принялся за укрѣпленіе въ немъ язычества. "И постави кумиры на холму, внѣ двора теремнаго... и жряху бѣсомъ и осквернилася кровьми земля русская и холмъ тотъ". Среди жертвъ, приносимыхъ языческимъ богамъ при Владимирѣ, были и человѣческія.

Конечно, періодическія движенія на югъ сѣверныхъ полчищъ, руководимыхъ варягами, неизбѣжно связанныя съ тѣми разрушеніями, которыя несетъ съ собой всякое завоевательное нашествіе, и сами по себѣ не могли не нанести серьезныхъ ударовъ государственному укладу тѣхъ городовыхъ славянскихъ областей, которыя этими движеніями прямо или косвенно затрагивались. Для "Повѣсти" они начинаются только во второй половинѣ IX в. походомъ Аскольда и Дира. "Аскольдъ и Диръ остается въ градѣ семъ (Кіевѣ) и многи варязи скуписта и нача владѣти Польской землей". Между тѣмъ другіе источники не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что "Россовъ" знали на югѣ значительно раньше. И всякій разъ, когда приходили въ движеніе благодаря скандинавамъ "вои многи, варяги, чюдь, словѣни, меря, весь и кривичи", то эти полчища въ своемъ движеніи на югъ руководились не какими либо государственными замыслами, а хищническими инстинктами. Эти инстинкты были, навѣрное, не менѣе опасны, чѣмъ непосредственныя военныя разрушенія и давали себя знать и нѣкоторое время послѣ того, какъ всколыхнувшееся благодаря варягамъ народное море начинало успокаиваться и воинственные элементы осаживаться по мѣстамъ.

Еще въ концѣ X-го вѣка варяги склонны были смотрѣть на Кіевъ, прежде всего, какъ на свою военную добычу. "Рѣша варязи Владимиру: се градъ

нашъ и мы пріяхомъ е, да хочемъ имѣти окупъ съ нихъ по 2 гривны съ человѣка". Князь Владиміръ несомнѣнно руководствовался своимъ собственнымъ тяжкимъ опытомъ, когда, отпуская своихъ варяговъ въ Византію, писалъ византійскому императору. "Се идутъ къ тебѣ варязи, не мози ихъ держати въ градѣ, оли то створятъ ти зло, яко и сдѣ и росточи ихъ разно". Предъявляя свои требованія князю Владиміру, варяги только слѣдовали старинной традиціи, усвоенной ими еще на славянскомъ сѣверѣ. Еще за сто лѣтъ до того новгородцы, кривичи и меря должны были платить дань варягамъ, чтобы откупиться отъ ихъ притязаній. "Повѣсть" прямо говорить, что "Олегъ устави варягамъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля", т. е. для того, чтобы мѣстные варяги не нападали на новгородцевъ и не грабили ихъ. Для древней эпохи характеренъ въ данномъ случаѣ самъ терминъ "дань": дань бралась тогда только съ "примученныхъ" народовъ.

Первые князья Рюриковой династіи уже по одному тому не могли явиться прочной опорой государственнаго строя у восточнаго славянства, что сами они жили и дѣйствовали въ полномъ согласіи съ окружавшей ихъ, чуждой государственныхъ навыковъ и мѣстныхъ привязанностей, непосѣдливой средой искателей военной славы и добычи и что дѣйствительная, конечная, цѣль ихъ собственныхъ устремленій лежала за предѣлами восточно-славянскаго міра. Первыхъ трехъ князей Рюриковичей, — если оставить въ сторонѣ полулегендарнаго Рюрика, — привлекала къ себѣ изъ всѣхъ славянскихъ городовыхъ областей, главнымъ образомъ, область Кіевская. Но и на самый Кіевъ эти князья — Олегъ, Игорь, Святославъ — смотрѣли, прежде всего, какъ на временную остановку, опорный пунктъ въ ихъ стремленіи пробиться еще дальше, на югъ, къ еще болѣе прибыльнымъ мѣстамъ. Понадобилась смѣна 3-4-хъ поколѣній князей для того, чтобъ потом-

ки Рюрика почувствовали необходимость прочно устраиваться въ восточно-славянскихъ земляхъ. "Повѣсть времянныхъ лѣтъ" слѣдующимъ образомъ передаетъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ кіевскій князь убѣдился, наконецъ, что ему не сломить военнаго могущества болѣе культурныхъ сосѣдей. Въ 985 г., разсказываетъ "Повѣсть", Владимиръ отправился походомъ противъ болгаръ и побѣдилъ ихъ. Но дядя Владимира, Добрыня, оглядѣвъ плѣнниковъ, замѣтилъ: "вси они въ сапозѣхъ, симъ дань намъ не даяти, пойдемъ искать лапотниковъ".

Если въ исторической литературѣ тѣмъ не менѣе можно нерѣдко встрѣтить указанія на сознательную объединительную политику, проводившуюся изъ Кіева еще первыми Рюриковичами, то по существу это почти совершенно незаслуженная русскими князьями характеристика ихъ дѣятельности. Прямая ихъ цѣль въ отношеніи славянскихъ земель, лежавшихъ за предѣлами кіевской волости, была не собираніе земель вокругъ Кіева, а "примучиванье" сосѣднихъ "племенъ" въ поискахъ новой дани. При этомъ самыя земли, населеніе которыхъ обязывалось платить дань кіевскому князю, продолжали сохранять и послѣ того свою внутреннюю самобытность и полную отдѣльность своего политическаго существованія. Поэтому первые князья Рюриковичи въ своей "объединительной" политикѣ въ лучшемъ случаѣ умѣли выступать только въ той роли военныхъ вождей, возглавляющихъ военныя силы ряда земель, которая близко напоминала роль военныхъ вождей далекой антской эпохи. Если кіевскіе князья и ставили иногда "примученное" населеніе въ какую то непосредственную зависимость отъ себя, то степень этой зависимости была, во всякомъ случаѣ, не больше той, которая существовала въ давно пережитыя уже славянами антскія времена и въ то же время являлась значительно менѣе длитель-

ной и прочной. Правъ поэтому и М. В. Владимирскій-Будановъ, считающій, что “мнимое единодержавіе X в. (Олега, Игоря, Святослава и Владимира) не разрушаетъ самобытности земель”, и В. И. Сергѣевичъ, утверждающій, что “до половины XIV в. у князей вообще не замѣчается стремленія къ образованію большого, нераздѣльнаго государства, которое выходило бы за предѣлы волостного устройства”. Въ какой мѣрѣ первые князья не ставили себѣ непосредственной задачей объединеніе земель вокругъ Кіева видно хотя бы изъ поведенія типичнѣйшаго князя-воителя Святослава, занимавшагося “примучиваніемъ” не только ближайшихъ, но и отдаленныхъ народовъ болѣе чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ. Отправляясь въ далекую Болгарію и оставляя одного сына въ Кіевѣ, а другого въ Древлянской землѣ, Святославъ совершенно забываетъ позаботиться о судьбѣ Новгорода. Новгородцамъ приходится поэтому самимъ напомнить князю о своемъ существованіи и даже угрожать найти себѣ новаго князя, если Святославъ будетъ продолжать ихъ игнорировать.

Конечно, первымъ князьямъ Рюриковичамъ приходилось и оборонять тѣ земли, въ которыхъ они пребывали, отъ нападеній разнаго рода хищниковъ, и освобождать иногда отдѣльныя славянскія земли отъ той дани, которую эти земли платили своимъ болѣе могущественнымъ иноземнымъ сосѣдямъ. Но это освобожденіе славянскихъ земель отъ иноземной дани не освобождало этихъ земель отъ платежа дани вообще, послѣдняя должна была платиться теперь кіевскому князю. Такъ Олегъ, освободивъ радимичей отъ уплаты дани хазарамъ сказалъ Радимичамъ: “не дайте козаромъ, но мнѣ дайте. И вдаша Ольгови по щълягу якоже хозаромъ даху”. Что же касается обороны славянскихъ земель отъ нападеній со стороны сосѣднихъ хищниковъ, то, конечно, появленіе князей Рюриковичей на югѣ вызвало приливъ сюда новыхъ военныхъ

силъ и облегчило поэтому борьбу. Но въ самой борьбѣ за безопасность славянскихъ земель при первыхъ князьяхъ Рюриковой династіи вовсе не видно той планомѣрности и систематичности, которыя обычно въ исторической литературѣ этимъ князьямъ приписываются. Задача обороны земель, въ которыхъ они пребывали, была поставлена передъ ними силой самихъ вещей; въ большинствѣ случаевъ — это было продолженіемъ или дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ столкновеній, которыя начались еще въ донорманское время. Въ эпоху Рюриковичей со стороны степи появились и новые враги — печенѣги, но не слѣдуетъ забывать, что упорная, систематическая борьба съ печенѣгами начинается только со временъ Владимира Св. Самъ Кіевъ во времена сильнаго и воинственнаго князя Святослава едва не сдѣлался легкой добычей печенѣговъ, потому что кіевскій князь употреблялъ свои крупныя военныя силы не для охраны кіевской земли и своего стольнаго города, а для далекихъ и, какъ онъ самъ утверждалъ, прибыльныхъ экспедицій. Кіевляне были глубоко правы, когда они обратились къ своему князю съ горькимъ упрекомъ: "ты, княже, чужія земли ищещи, а своея ся охабивъ". Возможно, что именно здѣсь и проходитъ та грань, которая отдѣляетъ типичнаго мѣстнаго ненорманскаго князя отъ скандинавскаго пришельца. И тотъ и другой по своимъ функціямъ, прежде всего, военные вожди, и тотъ и другой преисполнены воинственности, но представитель "мѣстной" династіи чувствуетъ себя связаннымъ со своей землей и ея военные рессурсы старается употреблять для ея пользы. "Наши князья добри суть, иже распасли суть Деревьску землю", говорятъ древлянскіе послы княгинѣ Ольгѣ. Въ словахъ древлянскихъ пословъ невѣрно, конечно ихъ утвержденіе, что мѣстные древлянскіе князья не въ примѣръ кіевскому не умѣли "расхищать и грабить", но все же остает-

ся въ силѣ ихъ указаніе на близость князей мѣстной династіи къ своей родной землѣ.

Первые князья Рюриковы, однако, не только потому пренебрегали своими землями, что вѣчно искали чужихъ, но и въ значительной степени еще потому, что, даже пребывая въ своихъ земляхъ, они ощущали себя въ извѣстной мѣрѣ чужероднымъ тѣломъ въ отношеніи кореннаго населенія. Первые князья Рюриковой династіи открыто ставили интересы, нерѣдко весьма корыстные, окружавшей ихъ вольницы, выше интересовъ земли и о своей дружинѣ заботились неизмѣримо больше, чѣмъ о коренномъ населеніи своего княженія. Князь Владимиръ очень ясно объяснялъ почему необходимо князю свою дружину любить и о ней заботиться: "дружиною налѣзу серебро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и серебра". Весьма яркимъ представителемъ первоначальной княжеской психологіи является братъ Ярослава Мудраго, извѣстный князь-воитель Мстиславъ. Одержавъ побѣду надъ варягами Ярослава, онъ, осматривая поле битвы, не можетъ удержаться отъ выраженія своей искренней радости по поводу того, что его дружина уцѣлѣла въ бою, въ то время какъ коренное населеніе его земли побито во множествѣ. "Кто сему не радъ, восклицаетъ онъ, се лежитъ сѣверянинъ, а се варягъ, а дружина моя цѣла". Но даже самъ Ярославъ въ свое время всецѣло раздѣлялъ психологію своего полудикаго степняка-брата. "Повѣсть времянныхъ лѣтъ" разсказываетъ, что въ то время какъ Ярославъ былъ еще въ Новгородѣ, его дружинники варяги "насилье творяху новгородцамъ и женамъ ихъ". Въ 1015 году эти насилья перешли, очевидно, всякія границы, потому что новгородцы, наконецъ, возмутились и перебили насильниковъ. Тогда Ярославъ, не разобравъ даже въ чемъ дѣло, поспѣшилъ выступить мстителемъ за членовъ своего "огнища". Онъ хитростью заманилъ къ себѣ именитыхъ новгородцевъ

“иже бяху изсѣкли варяги... и исѣче”. Такъ всегда и поступаютъ при существованіи кровной мести; родственники убитаго должны мстить чужаку-убійцѣ независимо отъ того, при какихъ обстоятельствахъ и подъ вліяніемъ какихъ причинъ произошло самое убійство.

Несомнѣнной новостью является поэтому наличіе въ 1-ой статьѣ древнѣйшей (краткой) редакціи “Русской Правды” правила, въ силу котораго княжеская власть уже не имѣла права выступать мстительницей за членовъ княжого огнища “аще будетъ русинъ любо гридінъ”),въ томъ случаѣ,если княжіе мужи пострадали вслѣдствіе своихъ собственныхъ злодѣяній. Можно полагать, что эта новость была введена именно княземъ Ярославомъ въ награду за услуги, оказанныя ему новогородцами, не отказавшими помочь ему въ борьбѣ со Святополкомъ, хотя князь только что и “изсѣкъ” ихъ лучшихъ мужей. Въ этомъ и состояло одно изъ существеннѣйшихъ положеній “Ярославовыхъ грамотъ”, о которыхъ такъ упорно говорятъ новгородскіе памятники. Это предположеніе подтверждается и 2-ой статьей болѣе поздней пространной, редакціи “Русской Правды”, которая говоритъ, что Ярославичи, замѣнивъ кровную месть денежнымъ выкупомъ, въ остальномъ остались при правилахъ, которыми руководствовался Ярославъ. Такъ какъ Ярославичи также отказывались защищать членовъ своего огнища, если тѣ являлись виновными въ убійствѣ и насиліяхъ, очевидно, они въ этомъ вопросѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ оставались на почвѣ судебной практики, введенной, какъ это и утверждаетъ 2-ая статья “Русской Правды”, ихъ отцомъ Ярославомъ.

Такимъ образомъ изъ князей Рюриковой династіи,отчасти вслѣдствіе тяжелыхъ жизненныхъ уроковъ, раньше другихъ пришли къ пониманію того, что при извѣстномъ поведеніи членовъ своего огнища, князь не долженъ становиться на ихъ сто-

рону, Владимиръ Св. и Ярославъ Мудрый. Вообще, только начиная съ князя Владимира, т. е. съ конца X вѣка, можно говорить о непосредственномъ и сознательномъ участіи князей Рюрикова дома въ дѣлѣ государственнаго строительства въ земляхъ восточныхъ славянъ.

Владимиръ первый отказался отъ мысли устроиться окончательно за предѣлами восточно славянскаго міра и ограничился "лапотниками", онъ сумѣлъ также отдѣлаться отъ своихъ варяговъ, когда ихъ корыстолюбивыя требованія оказались для земли слишкомъ обременительными, онъ первый со своей дружиной сталъ думать не только о "ратехъ", но и объ устроеніи земли "о строи земленѣмь... и уставѣ земленѣмъ", и, дѣйствительно, съ именемъ Владимира связаны и введеніе христіанства, и реформы въ области уголовныхъ наказаній. Даже знаменитые пиры Владимира, на которыхъ члены княжого огнища встрѣчались съ нѣкоторыми общественными элементами, достигали той же цѣли, устроенія земли, о которомъ князь любилъ совѣщаться со своей дружиной. Въ результатѣ всѣхъ своихъ мѣропріятій князь Владимиръ связалъ себя съ землей. Поэтому такъ рѣшительно и измѣняется теперь отношеніе коренного населенія къ своему князю. Въ былинахъ князь Владимиръ оцѣнивается совсѣмъ иначе, чѣмъ Вольга — "Владимиръ Красное солнышко", Владимиръ — ласковый князь. Правда въ былинахъ же иногда образъ Владимира двоится, онъ изображается въ отдѣльныхъ эпизодахъ хитрымъ и неблагодарнымъ, но, повидимому, этотъ, второй, образъ Владимира возникъ въ той варяжской средѣ, представителей которой князь, прибѣгнувъ къ хитрости, выслалъ въ Византію.

Во всякомъ случаѣ, до Владимира, какъ сѣверная вольница, такъ и политика князей Рюриковичей нерѣдко были тяжелымъ испытаніемъ для восточно-славянскаго общественнаго и государственнаго уклада. Тѣмъ не менѣе сложившійся задолго

до появленія скандинавовъ государственный строй выдержалъ всѣ эти испытанія и въ концѣ концовъ вышелъ изъ нихъ побѣдителемъ. Князьямъ Рюриковичамъ пришлось не только дѣйствовать во внѣшнихъ рамкахъ сложившейся до нихъ государственности, примѣняясь къ ранѣе возникшимъ городовымъ областямъ, но и сами эти князья постепенно растеряли свои прежніе навыки и связали себя и свою политику съ интересами своихъ восточно-славянскихъ княженій. Болѣе того, по мѣрѣ развитія въ князьяхъ вкуса къ государственной дѣятельности, они прониклись даже убѣжденіемъ, что и самимъ возникновеніемъ государственнаго строя восточные славяне обязаны всецѣло имъ, потомкамъ Рюрика.

Рѣшительная перемѣна, происшедшая съ князьями Рюриковичами въ теченіе какихъ-нибудь 3-4-хъ поколѣній несомнѣнно свидѣтельствуетъ какъ о силѣ вѣками накопленныхъ въ славянскихъ земляхъ культурныхъ традицій, такъ и о прочности государственныхъ формъ жизни, созданныхъ восточными славянами въ донорманское время.

КРАТКІЙ СЛОВАРЬ

древне-русскихъ и церковно-славянскихъ словъ, встрѣчающихся въ текстѣ[1]).

Бѣла, бѣлка, бѣличій мѣхъ, а также деньги.

Вира, уголовная плата за убійство.

Власть, можетъ употребляться и въ смыслѣ территоріи, находящейся подъ чьей либо властью, т. е. въ смыслѣ волости.

Вои, воины, войско.

Гость, см. въ текстѣ стр. 120.

Гривна, ожерелье, серебряный слитокъ, игравшій роль денегъ.

Гридница, передній покой въ княжескомъ теремѣ, комната, въ которой обычно находятся младшіе дружинники.

Гридь, гридѣнь, младшій дружинникъ.

Дружина, см. въ текстѣ стр. 128.

Дѣля, ради для.

Дымъ, въ смыслѣ жилья.

Еже, что, если, когда.

Жряху, прош. отъ жрьти, жрети — приносить жертвы.

Корзно, одежда.

Красный, красивый, хорошій.

Куна, куній мѣхъ, деньги вообще.

Налѣзти, найти.

Нарочитый, именитый.

Нарубати, набрать, сгонять насильно.

Огнище, мѣсто, гдѣ горитъ или горѣлъ большой огонь, очагъ олицетворяющій собой чье-либо жилище.

Оле, о, еле.

---

[1]) Словарь преслѣдуетъ исключительно практическія цѣли помощи тѣмъ, кто изъ за незнакомства со смысломъ отдѣльныхъ древне-русскихъ или церковно-славянскихъ словъ затруднился бы въ пониманіи соотвѣтствующихъ мѣстъ текста.

Оли, даже, а, пока.

Отчина, земля или княженіе, перешедшія отъ отца.

Охабити, удалить, пренебрегать.

Перевѣсище, см. въ текстѣ стр. 121.

Погостъ, см. въ текстѣ стр. 119 - 122.

Полюдье, объѣздъ населенія съ цѣлью сбора дани.

Потнемъ, буд. отъ потяти — убить.

Поточити, изгнать, сослать.

Пошлина, то, что пошло изъ старины, обычай.

Разно, раздѣльно.

Расточити, разселить.

Се, вотъ.

Скора, шкура.

Смердъ, земледѣлецъ, вообще маленькій человѣкъ.

Сол, слы, посолъ, послы.

Становище, см. въ текстѣ стр. 121.

Сѣмо, сюда.

Толи, тогда, потомъ.

Укладъ, условіе, договоръ, условленная сумма.

Урокъ, установленный оброкъ, окладъ, подать.

Харатья, грамота, хартія.

Чадь, дѣти, а также всѣ находящіеся подъ властью отца семейства.

Челядь, рабы, а также домочадцы.

Щелягъ, монета.

Ялися, прош. отъ ятися, браться, взяться.

